

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БОСПОР
И
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Санкт-Петербург

2008

Decies repetita placebit

Q. Horati Flacci

The Academy of Sciences of Russia
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

THE BOSPORUS
AND
THE NORTHERN BLACK SEA REGION
UNDER THE ANCIENT AGE

The festive materials
Of the International Round Table
Dedicated to the Decade of the conference
«THE PHENOMENON OF BOSPORAN KINGDOM»

Saint-Petersburg
«Nestor – History» Editors House
2008

Российская Академия Наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БОСПОР
И
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

МАТЕРИАЛЫ ЮБИЛЕЙНОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА,
ПОСВЯЩЁННОГО 10-ЛЕТИЮ КОНФЕРЕНЦИИ
«БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН»

Санкт-Петербург
Нестор – История
2008

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3(0)329.48

Печатается по решению
Учёного Совета ИИМК РАН

Редколлегия:

М. Ю. Вахтина,
В. Ю. Зуев (ответственный редактор),
С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова, В. А. Христановский

© Коллектив авторов. Санкт-Петербург, 2008
© Издательство «Нестор – История» Санкт-Петербург, 2008

*СОРОКАЛЕТИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
И
ДЕСЯТИЛЕТИЮ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН»
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

40 и 10, или феноменология «Боспорского феномена»

Это случилось десять лет назад, в декабре 1998 года. Участники «незаконнорожденной» археологической экспедиции Государственного музея истории религии, экспедиции, появившейся на свет не по велению археологических богов или плану каких-нибудь начальников, а скорее, при их попустительстве и по воле одного одержимого человека, захотели отметить 30-летие своего «незаконного» рождения.

В советское время «незаконнорожденная» экспедиция в атеистическом музее в лучшем случае считалась терпимой, как идеологически нейтральная, а потому почти бесполезная, если не считать, конечно, пополнения фондов подлинными вещами. Состояние полной зависимости от начальства, за редким исключением не понимавшего научного значения археологических раскопок, компенсировалось одним – признанием, помощью и поддержкой коллег и друзей, благодаря которым экспедиция продержалась 30 лет.

Вот почему в предисловии сборника материалов конференции «Боспорское царство как историко-культурный феномен», в самом начале было отмечено: «Юбилей – не только повод для торжеств и подведения итогов. Это ещё тот момент в стремительно бегущем времени, когда хочется остановиться, оглянуться и с благодарностью вспомнить тех, кто делил все тяготы экспедиционной жизни, помогал ей выжить и добиться признания». И дальше, на трёх страницах следовал перечень людей, которым экспедиция была обязана своим появлением и существованием. Список открывался её основателем и основоположником Михаилом Моисеевичем Кублановым (1914–1998), за два месяца до этого ушедшим из жизни.

Именно благодарность этим людям дала импульс идее – отметить юбилейную дату «боспорской» конференцией, собрав друзей и коллег – археологов, историков и искусствоведов, чтобы повидать друг друга, обсудить общие проблемы, поделиться открытиями и сомнениями.

На скудные деньги, оторванные от экспедиционного бюджета, был издан сборник. На оставшиеся – закуплено всё, что можно было на них купить для «банкета»: несколько бутылок водки, хлеб, селедка да солёные огурцы. И, под куполом маленького уютного кабинета в подвале Казанского собора, где читали и слушали доклады человек 20–25 собравшихся, при подведении итогов, за столом, скорее всего в тостах, было сформулировано главное: конференция должна иметь продолжение...

Возможно, место проведения этой первой конференции – Казанский собор повлияло на её судьбу, а, возможно, и что-нибудь ещё. Во всяком случае, за прошедшие десять лет состоялось уже семь тематических конференций, посвященных различным аспектам изучения дорожного всем их участникам «боспорского феномена» и превратившихся в поле свободного научного общения, не знающего ни чиновничьей иерархии, ни политической конъюнктуры, ни государственных границ.

Со второй конференции, состоявшейся через год, её постоянным соорганизатором стал Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук, с – третьей – Государственный Эрмитаж. У конференции появились зарубежные партнеры и спонсоры: Центр исследования и развития греческой культуры Причерноморья (Салоники, Греция), Британская Академия Черноморской инициативы (BABSИ), Датский центр Черноморских исследований национального фонда научных исследований. Дважды (в 2004 и 2007 годах) её заметил и поддержал РГНФ. В 2005 году – благотворительные фонды «Свободная Европа», «Киммериды» и «Деметра». В 2007 г. – Санкт-Петербургский научный центр РАН (СПб НЦ РАН).

Но как-то незаметно конференция «Боспорский феномен» стала жить своей собственной жизнью, разрастаясь, привлекая все больше и больше участников и совершенно не считаясь с замыслами и возможностями её Оргкомитета.

В сложившейся ситуации Оргкомитет конференции принял решение созвать чрезвычайный Круглый стол. На Круглом столе, приуроченном к 40-летию археологической экспедиции Музея истории религии и 10-летию первой конференции, к ответу (и к совету) призываются, прежде всего, те, кто, не ведая, что творят, стал причастны к ее рождению, а также те, кто на протяжении всего этого времени принимали в ней самое активное участие и озабочены ее дальнейшей судьбой.

Оргкомитет конференции

Д. А. Мачинский

Город феаков на острове Схерия («Одиссея») и город Акротири на острове Каллиста-Фера-Санторини (Спиридон Маринатос)

В соавторстве с В. Т. Мусбаховой мною уже были опубликованы в «Боспорском феномене» за 2001 год краткие тезисы, где для упоминаемого в реконструируемых ранних «Аргонавтиках» и подробно описываемого в «Одиссее» острова Кирки (Цирцеи) Айайэ предлагалась локализация его на Таманском полуострове (остров синдов? остров Фанагора?), а для Аида, который Одиссей посещает по настоянию Кирки, возвращаясь отсюда вновь на её остров, – в районе Днепр-Бугского лимана или вблизи него (Machinsky, Mousbakhova. 2001. С. 4–5). В настоящее время подготавливается большая статья, где подробно, с привлечением новых, в том числе археологических, аргументов раскрывается эта тема.

Представляется естественной и образно точной древнейшая локализация Аида на крайнем севере тогдашней ойкумены эллинов, в земле киммерийцев, которых вскоре сменяют скифы. (Мы исходим из датировки «Одиссеи» концом VIII – началом VII в. до н.э.). Но о посещении Аида Одиссей рассказывает (очень подробно) только в городе, где царствуют Алкиной и Арета, на острове феаков Схерии. Позднее, на Итаке, в многочисленных разговорах с родными, слугами, женихами и даже со своей покровительницей Афиной он ни разу даже косвенно не упоминает об этом. Иными словами, опережая некоторые выводы статьи, о потустороннем печальном Аиде он рассказывает только в светлом Земном Раю, на острове Схерия. И обе его поездки – в Аид и на Схерию, – судя по тексту, происходят по воле неотвратимой Судьбы. В Аид Одиссея против его желания посылает Кирка: «*Ты должен, с пути уклоняясь, проникнуть в область Аида <...> Душу Тиресия фивского должно тебе спросить там*» (Od. X, 490–495), – к чему Одиссей совсем не стремится. В Аиде он узнаёт от Тересия о своих дальнейших странствиях и, весьма неопределённо, об обстоятельствах своей смерти, а после возвращения к Кирке выясняется, что она и без Тересия и подробнее, чем он, знает обо всех дальнейших приключениях Одиссея, не упоминая лишь о его смерти (возможно, потому, что ей уже ведомо: Одиссея случайно убьёт Телегон, её сын от Одиссея). Но ни Тересий, ни Кирка не знают ничего о том, что на Итаку Одиссей должен вернуться только после посещения Схерии при содействии добрых феаков.

О неизбежности прибытия Одиссея на Схерию сообщает лишь Зевс Гермесу в присутствии своей дочери Афины (Od. V. 34) – при этом не как о своём решении, а как об исполнении того, что уже предначертано. Одиссей должен по воле Судьбы (и автора «Одиссеи») побывать и в Аиде, и на острове феаков.

Ниже в сжатой форме, сводя до минимума ссылочный аппарат и давая цитируемые тексты в русском переводе, я аргументирую сопоставление, означенное в заголовке статьи. Подробная аргументация позднее будет приведена в большой статье.

Тема острова феаков занимает центральное место в композиции «Одиссеи». Эта тема впервые возникает в начале песни V и оканчивается в песни XIII (9 песен из 24). Но главное даже не в этом. Первые четыре песни (I–IV) являются, видимо, интерполяцией в состав «Одиссеи» возможно существовавшей ранее отдельно некоей «Телемахиды», посвящённой поездкам Телемаха с целью узнать что-либо о судьбе отца. О всех же странствиях самого Одиссея сообщается лишь в связи с его предначертанным плаванием к Схерии или рассказывается им самим Алкиною, Арете и феакам после прибытия его на Схерию. Итак, вся судьба Одиссея от окончания Троянской войны до прибытия на Итаку известна нам (по воле поэта, исполняющего, как он полагает, высшую волю) лишь благодаря пребыванию героя на острове феаков. И чрезвычайно важно, что в V–XIII песнях даётся уникальный, подробно разработанный и весьма реалистичный рассказ о самом острове и о многих сторонах жизни его обитателей. Вторая часть собственно «Одиссеи» (песни XIV–XXIV) посвящена лишь событиям на Итаке после возвращения Одиссея и увенчана подробным описанием подготовки к самосуду над женихами и убийства их, а также последующего полёта их душ в Аид (тема Аида, вновь подробно разработанная здесь, видимо, чрезвычайно волнует автора).

Я обращался к ряду специалистов по античности с одним и тем же вопросом: «Как погиб город феаков на острове Схерия?» Точного ответа я не получил ни разу, наиболее частый – «А разве он погиб?»

Действительно, гибель города феаков, при формальном подходе, не описана в «Одиссее», но надо полностью игнорировать представления эллинов о неизбежной судьбе (Мойре), о соотношении Мойры, Зевса и прочих богов, чтобы не понимать, что город феаков действительно погиб (во всяком случае – погиб для людей), что гибель его уже издавна предрешена судьбой, описана в предсказаниях и в тех незначительных уточнениях, которые только и может добавить Зевс.

Прежде чем цитировать свидетельства о неизбежной гибели города феаков – короткая справка. Феаки, по «Одиссее» – пришельцы на Схерии, они переселились сюда под предводительством царя Навсифоя из области Гиперия ('Запредельная') из-за невозможности соседства с

«дикими циклопами». Навсифой (букв. 'с быстрыми кораблями', т.е. 'владеющий быстрыми кораблями') – сын Посейдона и Перибойи, дочери Евримедонта, предводителя гигантов. Феаки – 'любезные богам' и 'родные богам', боги охотно посещают их в своём истинном облики, особенно им благоволят Зевс и Афина. В момент прибытия Одиссея на остров во главе феаков стоит Алкиной, сын Навсифоя и внук Посейдона, женатый на своей племяннице Арете, правнучке Посейдона. Алкиной и Арета присутствуют и в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, которая восходит к более ранним «Аргонавтикам», т. е. они современны и более старшему, чем Одиссей, поколению героев. В «Одиссее» у них взрослые сыновья и дочь, но какие-либо намёки на их преклонный возраст отсутствуют, – видимо, они одарены долгожительством, но, безусловно, смертны. Феаки гостеприимны к потерпевшим крушение и, по их желанию и безвозмездно, отвозят странников на своих управляемых мыслью кораблях на родину (или в другой «пункт назначения»); поездка и возвращение занимают одни сутки. Но феаки не любят «людей промышляющих» (пиратством и торговлей) и поэтому настоженно относятся к таким чужеземцам.

Алкиной, пообещав преследуемому Посейдоном Одиссею доставить его безвозмездно на Итаку, далее говорит следующее: «...быстро они (корабли феаков – Д. М.) все моря обтекают, мглой и туманом одетые; нет никогда им боязни вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть. Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навсифоя слышал: не раз говорил он, что бог Посейдон недоволен нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно. Некогда, он утверждал, феакский корабль, проводивший странника в землю его, возвращаясь морем туманным, будет разбит Посейдоном, который высокой горою град наш задвинет» (Od. VIII, 561–570, перевод В. А. Жуковского).

Вот, по возможности, наиболее точный перевод узлового места этого отрывка (с допустимыми вариантами): «Он (Навсифой – Д. М.) сказал, что некогда прекрасносделанный корабль феаков, возвращающийся из сопроводительной поездки, будет разбит в мгlistом море, а большая гора закроет со всех сторон (накроет) нам (наш) город»¹.

Отмечу, что в греческом тексте нет ни тени сослагательности: Навсифой говорит о том, что неизбежно произойдёт и предупреждает об этом сына, возможно, вполне взрослого («в ребячестве» добавлено В. А. Жуковским).

Как увидим далее, речь здесь идёт о чём-то, превышающем волю Зевса, благоволящего к феакам, видимо – о Мойре (Судьбе). В самой

¹ Благодарю В. Т. Мусбаху за уточнённый перевод ряда узловых для данной темы мест поэмы, а также за многочисленные консультации и беседы, без которых эта статья вряд ли бы увидела свет в этом году.

«Одиссее» говорится, что убийство Агамемнона совершилось по велеанию Мойры (Od. XIV, 28–29). Более того, Афина говорит Телемаху: «Но и богам невозможно от общего смертного часа милого им человека избавить, когда он уж предан в руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет.» (Od. III, 236–238). Эсхил в «Прикованном Прометее» устами своих героев утверждает, что «штурвальным необходимости» являются «трёхликие Мойры и помнящие Эриннии» и что Зевс «не избежит предначертанного» (Aesch. P.V. 515–518). В «Илиаде» Зевс многократно взвешивает на весах жребии сражающихся героев, дабы узнать волю Судьбы (Hom. II. XIII, 69 f.; XVI, 658; XXII, 209 f.). По свидетельству Геродота, Пифия на запрос Креза ответила: «Предопределённого Судьбой не может избежать даже бог» (Herod. I, 91). По словам Алкиноя, судьба самого Одиссея определяется Мойрами (Hom. Od. VII, 196–198). И лишь позднее, по значительно более позднему свидетельству Павсания, Судьба (Мойра) определяется волей Зевса (Paus. I 40. 4). Но в нашем случае речь определённо идёт о предсказанной судьбе, не подвластной Зевсу.

Впервые название Схерии в поэме произносит Зевс: «...отчизну увидеть срок наступил Одиссею... путь свой он совершит без участия свыше, без помощи смертных; морем, на крепком плоту, повстречавши опасностей много, в день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной, где обитают родные богам феакийцы» (Hom. Od. V, 30–35). Так и происходит, на двадцатый день Одиссей достигает Схерии.

Формула неизбежной гибели города феаков, произнесённая Навсифоем и воспроизведённая Алкиноем, повторяется ведущими героями «Одиссеи» ещё трижды. Посейдон, оскорблённый тем, что феаки, вопреки его воле, доставили Одиссея на Итаку, жалуется Зевсу: «я не буду почитаем вместе с бессмертными, когда уже смертные феаки несколько меня не почитают, хотя они из моего родословия (т.е. происходят от меня)». В этой фразе содержится нечто новое; ранее феаки назывались «богоподобными» (Od. V, 35) или «близкими» богам «подобно циклопам и диким племенам гигантов» (Od. VII, 206). Здесь же впервые подчёркивается их смертность и происхождение от Посейдона, чем как бы предрекается их гибель и особое право Посейдона на возмездие. Ранее говорилось о происхождении от Посейдона лишь правящей династии феаков, а приравнивание их всех к циклопам (рождены Ураном и Геей) и гигантам (рождены Геей от капель крови оскопленного Урана) говорит о том, что феаки древнее олимпийских богов и не могут происходить от Посейдона. Это подтверждается тем, что Аполлоний Родосский в «Аргонавтике» мимоходом, как нечто само собой разумеющееся, упоминает о происхождении феаков также из капель крови Урана (Ap. Rhod. IV, 986–987).

Зевс отвечает Посейдону, что если кто из мужей тебя не почитает, то «накажи беспощадно. Действуй теперь, как желаешь ты сам». Бог Посейдон, колебатель земли, отвечал громовержцу: «Смело б я действовать стал, о Зевес... если б силы великой твоей и тебя раздражать не страшился; ныне же мной феакийский прекрасный корабль, Одиссея в землю его проводивший и морем обратно плывущий, будет разбит, чтоб вперёд уж они по водам не дерзали всех провожать и горою великой задвину их город» (Od. XIII, 125–152). И тут Зевс, до сих пор благосклонный к «богоподобным» феакам, проявляет себя как истинный художник и эстет, внося сильную коррекцию в предназначение судьбы: «Друг Посейдон, полагаю, что самое лучшее будет, если (когда подходящий корабль издалёка увидят жители града) его перед ними в утёс обратишь ты, образ плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо всех изумило; потом ты горою задвинешь их город» (Od. XIII, 154–158).

Не правда ли, впечатляющий новый пластический образ – окаменевший среди моря корабль? После этого закрыть город со всех сторон горой – просто исполнение древнего предназначения.

Когда феаки уже хорошо видели корабль, Посейдон обратил его в камень, и Алкиной сказал: «Феакийцы, горе! Я вижу, что ныне сбылось всё то, что отец мой мне предсказал...» – и далее точное повторение предсказания Навсифоя в песне VIII, 567–570 (ср. Od. XIII, 175–178). Алкиной предлагает принести 12 быков в жертву Посейдону и молиться, чтобы он смилостивился. «И усердно молясь Посейдону владыке, все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли вокруг алтаря» (Od. XIII, 171–187). И далее, на протяжении одиннадцати с половиной песен о Схерии, Алкиное, феаках – ни слова.

Несомненно, если бы всё закончилось благополучно, автор рассказал бы об этом, восславив Посейдона. Но избавления быть не могло – всё уже было решено и утверждено на уровнях Судьбы, Зевса, Посейдона. Возможно, при записи «Одиссеи» в Афинах при Писистрате описание трагической гибели города было изъято, дабы оставить надежду читателям и не чернить Посейдона, с которым у афинян в прошлом и так были сложные отношения.

Остров феаков, именуемый Схерия («Одиссея») или Дрепана, т.е. Серп («Аргонавтика» Аполлония Родосского), где царствует Навсифой, а затем Алкиной и Арета, упоминается (подробнее см. ниже) в связи с архаичными персонажами греческой мифопоэтической традиции, напрямую и лично связанными с олимпийскими богами (Эрехтей, Титий, Макрида, Навсифой), затем с героями поколения аргонавтов (Радамант, Навсифой, Геракл, Медея, Язон и все аргонавты, Алкиной и Арета) и, наконец, с персонажами, современными героям троянской войны (сам Одиссей, Демодок (Гомер?), Алкиной, Арета, их дети – Навсикая, Лао-

дам и другие). После этого позднейшего эпического пласта остров и народ феаков и воспоминания о них исчезают не только из последней части «Одиссеи», но и вообще из эпической и историко-географической памяти эллинов – в отличие от ряда других островов и народов, упомянутых в «Одиссее» (Итака, Закинф, Крит, Делос и др., кикконы, киммерияне, лотофаги, финикийцы и др.). Как будто свершившаяся, по воле судьбы и богов, природная катастрофа навсегда прервала светлое и гармоничное бытие феаков и вычеркнула их из числа живых.

Описание гибели города феаков повторяется почти дословно четырёхжды: «большая гора закрывает со всех сторон город»². К этому добавляется появление в море новой скалы, которую принимают за окаменевший корабль. И всё это совершает «колебатель земли» Посейдон. Полагаю, что это образное отражение реальной гибели города, заваленного пеплом («закрытого со всех сторон») при извержении вулкана («большой горы»), сопровождавшегося появлением в море нового острова.

Следовательно, город на острове Схерия погиб так же, как около 1628 г. до н.э. погиб город с условным названием Акротири на Каллисте-Фере-Санторини, открытый и блистательно исследованный Спиридоном Маринатосом в 1967–74 гг. Грандиозное извержение, сопровождавшееся масштабными тектоническими сдвигами, изменением конфигурации острова, появлением новых островков, огромными цунами и выбросом в атмосферу большого количества пепла не могло не оставить следа в мифо-эпической традиции Эгеиды. Пепел был обнаружен даже в нарастающих ежегодно льдах Гренландии и в соответствующих годовых кольцах ископаемых дубов в Ирландии, что и позволило столь точно датировать эту катастрофу (Der Neue Pauly Enzyklopädie... Bd. 12/I, 2002: 406–407). Радиоуглеродные даты в целом подтверждают эту датировку.

Существует мнение, что отголоском этого события в мифологии является ночь любви Зевса и Алкмены, когда солнце не восходило три дня (как предполагают некоторые учёные, было закрыто пеплом от извержения?). Навряд ли. Эта ночь была праздником и блаженством, в результате чего появился на свет Геракл, величайший герой эллинов.

² Если даже допустить, что в «Одиссее» речь идёт не о гибели города под большой горой, а всего лишь о сокрытии его от остального мира *горой «со всех сторон»*, то это всё равно означает гибель города, отрезанного от возможности мореплавания, земледелия, скотоводства, его полное изъятие из мира людей, т.е. из жизни. Обсуждение перевода и трактовки этой фразы в комментированном издании «Одиссеи» будет развёрнуто позднее, в большой статье (A Commentary. 1988).

Ни намёка на трагизм ситуации, а мотив остановки (по разным причинам) движения солнца встречается в мифо-эпических преданиях разных народов.

Другое дело – гибель города феаков, где роковое предсказание пронизывает их жизнь в течение двух поколений долгожителей, а начало его исполнения приводит их в ужас. К слову, жизнь реальных «акротриотов» на острове с действующим вулканом давала все основания для тревоги и трагических предсказаний, тем более, что около рубежа XVIII–XVII вв. до н.э. они пережили сильное землетрясение, предшествовавшее извержению около 1628 г. до н.э. (Duomas, Marthari. 2007). Напомню, что сам Спиридон Маринатос погиб 1 октября 1974 г. в результате обрушения 20–30-метровой стенки раскопа, наверху которой он стоял, погиб заваленный огромной массой пепла, т.е. погиб так же, как город, который он открыл.

Распространённое в научной и популярной литературе отождествление Схерии с Керкирой (Корфу) лишено оснований, хотя и восходит к античной традиции. Расстояние между Керкирой и Итакой (или Кефалленией, западную часть которой ныне считают древней Итакой) по прямой составляет 110 км; кроме того, между ними проходит маршрут каботажного плавания вдоль берега и между островами (как дважды плыл в V в. до н.э. афинский флот, направляющийся в Сицилию), так что в волшебном корабле феаков здесь не было надобности. Ярких следов древней цивилизации II тыс. до н.э. здесь не обнаружено. Единственное основание – наличие рядом с Керкирой скалы, напоминающей корабль, – явно недостаточно: подобных скал много во всём Восточном Средиземноморье. Что касается отождествления острова феаков с Керкирой, как бы вытекающего из его местоположения, данного Аполлоном Родосским в «Аргонавтике» (III в. до н.э.), то, во-первых, он называет остров *Дрепана* ('Серп'), хотя и не знает названия *Схерия*, во-вторых он упоминает Керкиру отдельно и отнюдь не отождествляет её с Дрепаной. Это отождествление у других античных авторов, видимо, основано лишь на очертаниях Керкиры, напоминающих серп – имеется в виду тот серп, которым Крон оскопил Урана, как сообщает Аполоний. Но очертания острова Фера (в том виде, в котором он был известен эллинам после катастрофы ок. 1628 г. до н.э.) в меньшей степени напоминает серп. Однако капли крови оскопленного Урана, по древнему мифу, упали в море, скорее, в восточном Средиземноморье, поскольку из капель его крови родилась около Кипра Афродита Киприда. А остров Фера-Санторини расположен как раз на прямой линии между северными оконечностями Кипра и Киферы – местами наиболее интенсивного почитания Афродиты. Да и сами феаки, по Аполлонию (IV, 986–987), произошли из крови Урана – как и Афродита. Полагаю, что первичное архаическое предание об острове-серпе было связано с Фе-

рой, а привязка к Керкире произошла позднее, в связи с изменениями представлений о маршруте аргонавтов в более позднее время.

Итак, реальным прообразом мифологичной Схерии может быть лишь Каллиста-Фера времени её «акме» в XVII в. до н.э.

Перейдём к анализу тех пространственных и временных координат Схерии, которые содержатся в «Одиссее» и отнесёмся к ним с известной долей доверия, если они непротиворечивы. Покинув Огигию, волшебный остров Калипсо (местоположение его мыслится где-то в Средиземном море, но точнее неопределимо), Одиссей 18 суток плывёт на восток днём и ночью, имея слева Большую Медведицу. Когда вдали уже виднеются горы Схерии, его плот разбивает Посейдон, и затем он двое суток добирается до земли, двигаясь на юг (Афина позволила дуть только Борею), и достигает её утром третьего дня. Уже это говорит за то, что Схерия находится где-то в восточной части освоенного эллинами к рубежу VIII–VII в. до н.э. Центрального и Восточного Средиземноморья и расположена несколько к югу от основного маршрута Одиссея, пролежавшего прямо на восток от Огигии (Od. V, 33–35, 270–281, 382–393).

Эта восточная локализация Схерии подтверждается ещё двумя местами в тексте поэмы. Сообщив Одиссею все необходимые сведения о феаках, Алкиное и Арете, Афина «...удалилась; морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла она Марафона; потом в многолюдных Афинах в дом крепкозданный царя Эрехтея вошла» (Od. VII, 78–81). Итак, Афина из Схерии прибывает сначала на восточный берег Аттики и лишь потом – на западный. Это заставляет помещать Схерию где-то восточнее Аттики и неподалёку от неё, в Восточном Средиземноморье (что в целом соответствует местоположению Феры, расположенной в 180 км к юго-востоку от Аттики). Чрезвычайно важно последнее свидетельство. Алкиной говорит Одиссею, что завтра он будет доставлен «в землю отцов или в иную какую желанную землю, сколь бы она ни лежала далёко, хотя бы в Эвбею, дале которой уж нет ничего, по сказанью отважных наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших, – Тития, сына Земли, посетил он и, сколь ни далёк был путь по глубокому морю, его без труда совершили...» (Od. VII, 319–325). Радамант, рождённый на Крите от Зевса и Европы и давший критянам законы, тесно связан с Критом. Если при поездке в Эвбею ему понадобилось участие (или помощь) корабельщиков Схерии, значит, она мыслилась расположенной на пути от Крита к Эвбее, что полностью соответствует местоположению Каллисты-Феры. На пути от Крита на север Фера является первым островом, и расстояние от гавани Акротири на Фере до Эвбеи вдвое превышает расстояние между Критом и Акротири. Так что путь в Эвбею был действительно «далёк» и пролегал через Киклады.

Напоследок отмечу, что Одиссей сравнивает Навсикаю с Артемидой и пальмой на Делосе, – видимо, Делос, священный остров Киклад, ей был хорошо известен.

Но наиболее важна соотносённость Схерии с критским Радамантом. Это даёт и «хронологическую привязку» (при всей условности мифологического времени) – для героев «Одиссеи» Радамант уже давно в мире ином. Старец Протей предсказывает Менелая: «Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь послан богами – туда, где живёт Радамант златовласый (где пробегают светло беспечальные дни человека...)» (Od. IV, 563–565). Миноса, брата Радаманта, Одиссей встречает в Аиде, где он судит души умерших. Да и Эрехтей, упоминаемый в связи с прибытием Афины со Схерии, тоже герой архаичный, старше Эгея. Весьма архаичен и великан Титий, по «Одиссее», сын Геи (Od. XI, 576), к которому едет Радамант с феаками, по другому варианту, он – сын Зевса и Эллары, родившей его под землёй, куда её скрыл Зевс от гнева Геры (Apolloclod. I, 4, 1); по второму варианту, Радамант и Титий – братья по отцу. Одиссей видит мучения давно погибшего Тития в Аиде. Итак, поездка корабельщиков Схерии отнесена к древним временам, к поколениям отчасти даже более ранним, чем поколение Тезея и Геракла. Видимо, поездка с Радамантом мыслилась произошедшей ещё при Навсифое, в молодые годы Алкиноя. Кроме привязки к весьма древнему пласту эгейской (частично – доэллинической) мифологии, легенда о поездке феаков с Радамантом через Киклады на Эвбею является отголоском лидирующего положения Крита в Эгейской цивилизации первой половины II тыс. до н.э., прекрасно подтверждаемого всем комплексом обнаруженных в Акротире реалий, говорящих о сильном влиянии Крита на разные стороны жизни акротиритов. Некоторые исследователи даже рассматривают Акротир как северный форпост Минойской цивилизации в конце XVIII–XVII в. до н.э.

Показательно, что в «Одиссее» радостно живущие феаки соотносены со справедливым, достойным посмертного блаженства Радамантом, а не с суровым Миномом, отправленном в Аид на тяжёлую работу судь. Это вполне согласуется с той атмосферой радости, полноты и гармонии жизни, которая присутствует в изображениях на сосудах, во фресках и во всём стиле бытия жителей Акротира.

Тесная связь острова феаков с Эвбеей подтверждается и сообщением Аполлония Родосского (IV 539–541, 1123–1131) о том, что титанида Макрида, кормилица Диониса, преследуемая Герой, бежала с Эвбеи на остров феаков, где царствовал Навсифой (куда позднее прибыл и Геракл, дабы на священном острове очиститься от преступления – убийства своих детей).

Далее – сверхкраткое резюме некоторых моих наблюдений. Полностью разделяю мнение Сп. Маринатоса (поддержанное Ю. В. Ан-

древним) о том, что на знаменитой фреске из «западного дома» («дом адмирала») с изображением семи больших кораблей город, куда прибывает флот, – соответствует Акротирю, а город отплытия – некому поселению в Ливии (Marinatos S. 1974; 1976. P. 41 ff.; Андреев. 2002. С. 204 – ср. другое мнение: Marinatos N. 1985. P. 41). Более того, я полагаю, что страна Гиперия («Запредельная»), откуда феаки, ведомые Навсифоем, переселились на Схерию, также расположена на северном побережье Ливии (Африки). Феаки уехали из Ливии из-за соседства с буйными циклопами, а циклопы, по «Одиссее», живут рядом с лотофагами, на том же побережье. Но на побережье Ливии (Африки), по Геродоту, действительно обитали вполне реальные лотофаги (Herod. IV, 177), так что и циклопы, и прародина феакийцев должны располагаться там же, по соседству. На фресках Акротиря широко представлены «африканские» мотивы: весьма «реалистичные» изображения обезьян, африканских антилоп, головы явного негроида, папируса, кошачьих хищников (львицы и гепарда?) на заднем плане фрески из «западного дома». И на сосудах, и на фресках представлены изображения ласточек – четыре из пяти их видов, гнездящихся в Европе, зимуют в Африке, так что эта птица как бы связывала жителей Акротиря с Ливией, т. е., если доверять отождествлению Феры с землёй феаков, – с их «прародиной». Своеобразный и уникальный «культ ласточек» объясняется тем, что каждую весну они приносили акротирятам привет из «прародины».

О происхождении острова Фера рассказывается у Аполлония: один из аргонавтов – Евфим – бросил в море комок земли, данный ему в Ливии богом Тритоном; комок разросся и превратился в остров Каллисту («Прекраснейшая»), позднее названный Ферой, по имени одного из потомков Евфима (Ap. Rhod. IV. 1755–58, 1762–64), выведшего колонию на Каллисту не позднее рубежа IX–VIII в. до н.э. В VII в. до н.э. ферийцы, по приказанию Пифии, действительно основали город Кирену на побережье Ливии. Уже Пиндар (V в. до н.э.) подробно излагает этот же миф, но у него определённо указывается, что не только комок земли был получен аргонавтами в Ливии, но и возникший из него остров и город Фера станут «матерью больших городов» в Ливии (Pi. Puth. IV, 13–56). Разница лишь в том, что ком земли, из которого возникла Фера, по Пиндару, не был брошен, а преждевременно упал в воду (Pi. Puth. IV. 34–40). То, что Фера ранее называлась Каллистой, знает как Пиндар (Puth. IV. 258), так и Геродот (Herod. IV, 147).

Таким образом, и легенда феаков, и мотивы искусства Акротиря, и легенды о возникновении Феры и её реальной истории, – всё говорит об особой связи с Африкой и в пользу тождества Схерии феаков с Каллистой (Ферой) времён существования Акротиря.

Не вдаваясь в детали, отметим целостное впечатление Одиссея от пребывания в городе феаков и – Ю. В. Андреева (лучшего российского исследователя проблематики Акротири) от проанализированных им особенностей социальной жизни, быта и искусства «акротириотов» (Андреев. 2002. С. 179–192; 203–204). Одиссей: *«Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду сладко пируют в домах, песнопевцам внимая»* (Od. X, 5–7). Ничего подобного Одиссей не говорит ни об одном из посещённых им мест.

Ю. В. Андреев: «Все эти детали быта акротириотов создают впечатление почти из ряда вон выходящего благополучия и процветания. В чисто бытовом, да, вероятно, также и в имущественном плане... не было сколько-нибудь резкого разрыва между обитателями “патрицианских особняков” и “простонародьем”» (Андреев. 2002. С. 184). Свидетельство Ю. В. Андреева, знатока культуры Минойского Крита, Микенской Греции и Киклад об «из ряда вон выходящем благополучии и процветании» акротириотов стоит многого.

Действительно, город феаков и Акротири на фреске объединяет и наличие широкой корабельной гавани и городской стены (и это не «общее место» – у города в «пункте отбытия» флота, изображённого на фреске, нет ни того, ни другого, и в «Одиссее» подобное, кроме Схерии, почти нигде не отмечено), огромная роль флота, сцены встречи всем народом прибывающих кораблей, отсутствие резкой социальной расчленённости, высокое общественно-обрядовое положение и даже обожествление женщин, культ повелителя моря (Посейдона), небывалая развитость искусства, спорта (особенно кулачного боя), ткачества и т. д. Всё это – темы для отдельных исследований, продолжающих исследования Sp. Marinatos'a, N. Marinatos, C. Duomas'a, Ю. В. Андреева и многих других. Миф о счастливой земле мореплавателей феаков оказывается глубоко укоренённым в реальности. Коснусь лишь искусства. «Поражает техническое и художественное совершенство санторинских фресок. В большинстве своём они ничуть не уступают лучшим образцам минойской настенной живописи, открытым на Крите... а в некоторых случаях... даже и превосходят их» (Андреев. 2002. С. 183–184). Фрески – это вершина искусства Акротири. Такой же вершиной в искусстве музыки и эпической поэзии у феаков является образ слепого аэда Демодока. Уже многократно отмечалось сходство этой эпической фигуры с образом самого Гомера, каким он представлялся в эллинской традиции.

Катастрофа, обрушившаяся на Схерию (большая гора, закрывающая город) как будто должна была погубить всех, включая Демодока. Однако, если отождествить Схерию с Каллистой – Ферой, то после раскопок Сп. Маринатоса ясно, что жители Акротири успели покинуть

город, увезя на своих кораблях даже домашних животных. Есть опасения, что их флот мог погибнуть в результате цунами. Но чтобы избежать гибели, они должны были достигнуть одного из двух ближайших островов, одним из коих является Иос. Город Иос на Иосе – один из городов, претендующих на то, чтобы быть родиной Гомера. Но то, что смерть Гомера произошла именно на Иосе – это безальтернативное мнение античной традиции, здесь до сих пор показывают его условную могилу. И смерть Гомера на ближайшем к Фере острове переключается с локализацией жизни его двойника Демодока на острове феаков, тождественном, в чём я убеждён, острову Каллиста-Фера. Имя Демодок означает «принятый народом» (т.е. «любимый народом»), а дважды за его именем следует эпитет, собственно повторяющий и раскрывающий смысл его имени – «многочтимый в народе» (Od. VIII, 472; XIII, 628). Одиссей говорит ему: «Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставлю... Всё ты поёшь по порядку, что было с ахейцами в Трое» (Od. VIII, 487, 489). Совпадение с образом Гомера – полное. Существует предположение, что «Одиссея», в отличие от «Илиады», создана не самим Гомером, а неким его учеником и последователем. Похоже, что последний и запечатлел в образе Демодока своего великого предшественника, поместив его в самое прекрасное место из упоминаемых в поэме – в «Земной рай» на Схерии, при этом зная, что Схерия расположена рядом с Иосом, местом гибели Гомера

Не исключено, что Схерия – это название, данное самими феаками и плохо этимологизируемое из древнегреческого, а греки уже в XVII в. до н.э., до катастрофы, присвоили ему редчайшее название *Каллиста* – ‘Прекраснейшая’. Шлемы из кабаньих клыков у воинов Акротири, изображённые на фреске в «доме адмирала», аналогичны таким же шлемам из шахтовых гробниц Микен, ныне датируемых XVII–XVI в. до н.э. и принадлежащих уже грекоязычному населению Пелопоннеса.

Наличие в Акротири импортной микенской керамики также говорит о налаженных связях с греками Пелопоннеса. Поскольку акротириоты использовали критское линейное письмо А, они сами, возможно, были родственны по языку одному из этносов, населявших Крит. Полагаю, что реальное существование в конце XVIII–XVII в. до н.э. города на острове Схерия-(Каллиста?), населённом феаками, отличавшимися особой гармоничностью и радостностью бытия, а также его катастрофическая гибель ок. 1628 г. до н.э. позднее преобразились в эпическое предание, которое затем, сливаясь с образами эгейской мифологии, превратилось в миф о «золотом веке», сохранившемся на одном «отдельно взятом» священном острове. Автор «Одиссеи» отчасти сохранил и передал потомкам это предание и этот миф, а отчасти переработал их в соответствии со своими мифо-эпическими представлениями.

В последней главе «Одиссеи» автор вновь возвращается к притягательной для него теме Аида – туда летят души женихов, убитых Одиссеем. И если в первом случае Одиссей приближается к Аиду с юго-востока, от Боспора Киммерийского и Крыма (если принимать мою с В. Т. Мусбаховой локализацию Аида и острова Кирки в «Одиссее»), то во втором – души летят с юго-запада, от Итаки. В первом случае на пути Одиссея находится «невысокий берег и роща Персефоны», что хорошо соответствует священной роще Гекаты на западе «Ахиллова бега» в более позднем перипле, а в самом Аиде в земле киммерийцев он встречает Ахилла, владыку мёртвых – «...теперь ты (Ахилл – Д. М.) мощно владеешь мёртвыми», – что находит ближайшее соответствие в тексте Алкея (ок. рубежа VII–VI вв. до н.э.) «Ахилл, ты, который владычествуешь над скифской землёй», в титуле *Ахилл Понтарх*, в культе Гомера и Ахилла у ольвиополитов. На пути в Аид Одиссей должен был пересекать Каркинитский залив, который у Константина Багрянородного, передающего в этом месте древнюю языческую номенклатуру, называется *Некропиль* – ‘Ворота мёртвых’ (Const. Porph. De administrando... XLII). Во втором случае души женихов на пути в Аид пролетают «мимо скалы Левкады», в которой естественно видеть остров Левку, куда Фетида перенесла тело Ахилла, а в Аиде в первую очередь встречают того же Ахилла (Machinsky, Mousbakhova. 2001. С. 4–5)³.

Вот так подробно описаны и локализованы не только смерть малопривлекательных женихов, но даже и их первичное посмертие. Так же подробно описаны смерть и посмертье незадачливого Ельпенора, спутника Одиссея (Od. X, 552–561; XI, 51–81), и спасение от жестокого самосуда Одиссея и жениха Феоклимена, и песнопевца Фемиа, и глашатая Медонта (Od. XX, 350–372; XXII, 330–380). И лишь Схерия, населённая любимыми богами и родственными им жизнерадостными, добрыми и сострадательными феаками, исчезает из текста «Одиссеи» как бы в никуда, но, несомненно, гибнет, исчезает из мира людей, обречённая на это Судьбой и исполняющими её предначертания Зевсом и Посейдоном именно за то, что её жители и владыки (единственные среди всех «народов» и героев «Одиссеи») светлы и деятельно сострадательны душой и духом, что никак не определяется происхождением Алкиноя и Ареты от злобного Посейдона. Беспредельная доброта, радость бытия, честность и бесстрашие феаков являются в «Одиссее» как «луч света в тёмном царстве» жестоких, убивающих, лгущих, соблазняющих и предающих богов, народов и героев.

Эта глубокая и трагическая «притча», занимающая центральное место в «Одиссее», находит аналогию, к примеру, в поэзии

³ Эти темы будут подробно разработаны в большой статье, подготавливаемой к печати В. Т. Мусбаховой и мной.

А. С. Пушкина, где светлый гений музыки гибнет, обречённый Роком (который при этом как бы очарован им и заказывает ему напоследок Реквием), Роком, направляющим своего исполнителя Сальери, а бедный Евгений, апостол любви, также гибнет, потрясённый тяжёлой поступью Рока в лице Медного Всадника. Знал нечто подобное Пушкин и о себе: «Рок завистливый бедою угрожает снова мне». Но это уже тема иного уровня...

Литература

- Ю. В. Андреев.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002.
- A Commentary on Homer's *Odyssey*. Oxford, 1988.
- Der Neue Pauly Enzyklopädie der Antike. Stuttgart, Weimar, 2002. Band 12/1.
- C. Duomas, M. Marthari.* Thera from the Neolithic age to the seismic destruction // Museum of prehistoric Thera. Brief guide. Athens, 2007.
- D. A. Machinsky, V. T. Mousbakhova.* The land of Aea, the island of Aea and Entrance to the Hades in Early Argonautics and in *Odyssey* in the light of Evidences on Pontic Region preserved by the Ancient Tradition // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. I.
- N. Marinatos.* Art and Religion in Thera. Reconstructing a Bronze Age Society. Athens, 1985.
- Sp. Marinatos.* Die Ausgrabungen auf Thera und ihre Probleme. Wien, 1973.
- Sp. Marinatos.* Excavations in Thera. VI. Athens, 1974.
- Sp. Marinatos.* Excavations in Thera. VII. Athens, 1976.

М. Ю. Вахтина

Фонтан в Сардах (к 50-летию начала работы экспедиции под руководством Дж. Ханфманна)

В 1958 г. Джордж М. А. Ханфманн, профессор Гарвардского Университета в США, возглавил работу археологической экспедиции в Сардах, столице древнего Лидийского царства, некогда располагавшегося в западной части Анатолийского полуострова, на территории современной Турции. Широкомасштабные раскопки «золотых Сард» (как их называли во времена классической древности) велись под эгидой двух известных американских университетов – Гарвардского и Корнелльского, поэтому в литературе этот проект часто называют «проект Гарвард-Корнелл». Однако можно встретить и другое название – «проект Ханфманна». Дж. Ханфманн был основным организатором

экспедиции и руководил ею почти 20 лет (по 1976), под его руководством были открыты такие знаменитые и яркие памятники, как цитадель Сард, жилые кварталы, культовые и производственные объекты зоны Пактол-северный, комплексы римских гимнасия и терм, здание синагоги (одной из древнейших в Малой Азии), постройки ранневизантийского времени, захоронения лидийских царей в местности Бин-Тепе. Многие из них, по инициативе Ханфманна, были превращены в музейные объекты и заслуженно привлекают внимание как специалистов, так и туристов, знакомящихся с достопримечательностями Турции.

Для многих профессор Ханфманн был не только блестящим исследователем, преподавателем, прекрасным организатором и руководителем работ, но и хорошим товарищем, стоящим во главе дружной, сплоченной экспедиции. Он умел заботиться о людях, с которыми работал, со многими его связывали многолетние дружеские отношения. Ханфманн широко привлекал к работе и турецких специалистов, а также турецких студентов-археологов, многие из которых стали впоследствии известными учеными.

Вскоре после смерти Джорджа Ханфманна, последовавшей 13 марта 1986 г., через 10 лет после того, как он оставил руководство раскопками, один из его близких друзей по университету, Мейсон Хаммонд, предложил почтить память Ханфманна и его заслуги в деле археологического изучения Сард сооружением мемориального фонтана. Средства для реализации этого замысла были собраны друзьями, коллегами, учениками, к которым присоединились и многие другие. По желанию дарителей, их имена и размеры внесенных ими денежных пожертвований были сохранены в тайне.

Фонтан – мемориальный памятник, характерный для Турции. Каждый, кто утоляет жажду водой такого фонтана, отдает дань уважения и памяти тому, в честь кого фонтан был воздвигнут. Фонтан, возведенный в Сардах в память о Джордже Ханфманне, отличается простотой и благородством форм (рис. 1). Его проект принадлежит Филкерту К. Иегулу, в прошлом студенту профессора Ханфманна. Белый с бледно-серыми прожилками мрамор, из которого изготовлен вертикальный блок фонтана, был доставлен из месторождения близ Афионкарахизара, такой мрамор в Турции называют афионским белым. Основание фонтана сделано из мрамора другого сорта – голубовато-серого, с темно-серыми и белыми прожилками, с участками, окрашенными в розоватый цвет. Он был привезен из Бандирмы, добываемый там мрамор называют Газарским бежевым. Слив, откуда вытекает вода, представляет собой копию известняковой львиной головы VII–VI в. до н.э., найденной в Сардах в 1993 г. (оригинал хранится в музее в Маниссе); руч-

ка фонтана напоминает бронзовую пальметку, некогда украшавшую архаический щит из Олимпии.

Рис. 1. Сарды (Турция). Мемориальный фонтан в честь Дж. М. А. Ханфманна

Металлическая чаша для питья воды украшена традиционным турецким орнаментом. Вода подается по трубам из близлежащего местечка Сарт, это – вклад местного муниципалитета. Вокруг усилиями друзей и почитателей Дж. Ханфманна разбит небольшой садик. Торжественное открытие мемориального фонтана состоялось в июне 2001 г., к 90-летию со дня рождения Джорджа Ханфманна. Имя этого исследователя, начертанное полностью, можно прочесть в верхней части вертикального мраморного блока.

Джордж Максим Аносов Ханфманн родился 20 ноября 1911 г. (по новому стилю) в Санкт-Петербурге⁴. Он был третьим ребенком в семье Максима Ипполитовича Ганфмана (позднее, в эмиграции – Ханфманна) и Екатерины Алексеевны (в девичестве Аносовой). Отец Максима-младшего (позднее, в эмиграции – Джорджа) был достаточно известным в Петербурге адвокатом и журналистом, издателем петербургской газеты «Речь». Мать, гармонично сочетавшая образованность (она закончила Бестужевские курсы) с глубокой религиозностью, занималась преподавательской деятельностью. Позже Дж. Ханфманн присоединит к фамилии, доставшейся ему от отца, и девичью фамилию матери. В семье было четверо детей, у Максима (Джорджа) была старшие брат и сестра Александр и Евгения и младший брат Андрей. Все они, повзрослев, стали уважаемыми членами общества и жили впоследствии в США.

Родители Максима не испытывали никаких симпатий к новой власти, утвердившейся в России после 1917 г. Семья была вынуждена покинуть Петербург, провести несколько лет в Киеве и Одессе, испытывая, как и многие в те годы, огромные лишения. Затем Ганфманы переехали в Латвию, в Ригу. Максим-младший на протяжении 18 лет официально числился гражданином Латвии. Его отец стал издавать в Риге газету «Сегодня», где сын работал корреспондентом. Писал он и для американских газет и журналов. Особый интерес Ханфманн проявлял к событиям культурной жизни, много писал об искусстве. В частности, похоже, первый открыл для американцев творчество художника и музыканта XIX в. М. Чурлиониса (*Art Bulletin*. 1939). Он учился в трех немецких университетах, сначала в Йене, затем – в Берлине; провел семестр в Мюнхене, чтобы поучиться у Э. Бушора. Позже он с благодарностью вспоминал своих берлинских учителей: Г. Роденвальта (под руководством которого писал диссертацию об этрусской скульптуре), В. Андре и других. В 1934 г. Дж. Ханфманн потерял отца, а в 1935 женился на Ильзе Бехланд. В том же 1935 он получает две докторские степени в области классической археологии (первую – в Берлинском Университете, вторую – в Университете Джона Хопкинса) и переезжает в Соединенные Штаты. Америка становится его новой родиной, а в Гарвардском университете, куда он был принят младшим преподавателем, ему суждено было, поднимаясь вверх по служебной лестнице, проработать всю жизнь.

Вскоре после начала Второй Мировой войны он получил американское гражданство и был призван на военную службу. Он служил

⁴ Сведения о жизни Дж. Ханфманна взяты из статьи профессора К. Х. Гриневальта, ученика Ханфманна, возглавившего после него экспедицию в Сардах (*Greenewalt*. 1986).

редактором радиопередач в Отделе военной информации в Нью-Йорке и Лондоне, а также возглавлял немецкую группу американской секции радиовещания в Лондоне. Подготовленные им радиопередачи, содержавшие обращения как к немецким солдатам и офицерам, так и к обитателям тыла, высоко ценились его начальством. Один из товарищей Дж. Ханфманна, служивший с ним во время войны, вспоминал, что обращения на немецком языке, написанные Ханфманном, прекрасно передавали «американский образ мышления»: «Один из наших новых американцев, он стал, в буквальном смысле этого слова, голосом Америки» (Greenewalt. 1986. P. 122).

Вернувшись после войны в Университет Гарварда, Ханфманн покидал его на длительное время лишь дважды – провел два года в Принстоне (1947–1948; 1971–1972) и примерно год – в путешествиях, совмещаемых с научными исследованиями (1956–1957). В Гарварде он читал лекции (в их числе – первая часть годового курса по истории искусства, курс «Искусство в культуре Древней Греции»), вел студенческие семинары, был куратором коллекции древнего искусства в Музее Фогга (при Гарвардском Университете). По инициативе Ханфманна были организованы выставки, издавались научные каталоги. В числе этих экспозиций – «Древнее искусство в материалах частных коллекций» (1954–1955), «Красота античного искусства» (коллекция Норберта Шиммеля, 1964–1965), «Античные бронзы» (1968). К последней был приурочен научный симпозиум, проходивший под названием «Искусство и технология; симпозиум, посвященный античным бронзовым художественным изделиям». Материалы также были опубликованы. Научное наследие Ханфманна включает примерно три сотни книг, статей, заметок и других публикаций⁵.

Через несколько лет после возвращения в Америку Ханфманн впервые начинает работать над археологическими материалами из Сард, древней столицы Лидии. Его старший коллега, Дж. Чейз, бывший членом Американского общества археологического изучения Сард (раскопки там велись в 1910–1922 г.), еще в 1938 г. передал ему для публикации коллекцию керамики из раскопок этого памятника, над которой Ханфманн начал работать в 40-х г. Обнаружив недостаток полевой документации, а также убедившись в гибели в 1919 г. части коллекции, хранившейся на базе экспедиции, во время военных действий греческих частей в Малой Азии, Ханфманн принял судьбоносное ре-

⁵ Список работ Ханфманна приведен в сборнике «Студенты – Джорджу М. А. Ханфманну» (Students... 1971), выпущенному в честь его 60-летия в 1971 г. После его смерти в «Американском археологическом журнале» был опубликован мемориальный список работ, составленный Дж. Блум и Д. Г. Миттенем (AJA. 1987).

шение о необходимости проведения в Сардах хотя бы одного короткого полевого сезона. В результате этих раскопок он собирался уточнить стратиграфию небольшого участка, что помогло бы разобраться и с керамикой.

В 1957 г. вместе с Генри Детвейлером ⁶ из Университета в Корнелле он основал Сардианскую археологическую экспедицию (совместный проект Музея Фогга Гарвардского Университета и Университета Корнелла при поддержке Американской школы восточных исследований). Во главе этой экспедиции, ежегодно выезжавшей на раскопки в Турцию, Дж. Ханфманн находился с 1958 по 1976 г. Предшествующий экспедиционный опыт Ханфманна был весьма скромным – один полевой сезон (1948), проведенный на раскопках Тарса (юго-восточная Турция), причем сам он не принимал непосредственного участия в раскопках, занимаясь полевой документацией и интерпретацией находок. Однако, там он получил общее представление о полевой работе, позволившее ему быстро свершенствовать известные ему методы, усваивать и применять новые. По словам знавших его людей, он был «охвачен горячим желанием учиться и понимать» (Greenewalt. 1986. P. 126). Кроме того, Ханфманн обладал выдающимися организаторскими способностями, что в археологии не менее важно, чем профессиональные навыки.

Блестящие результаты археологического изучения Сард отражены в многочисленных публикациях, докладах, научных отчетах, популярных изданиях. Особо следует отметить ежегодные отчеты о раскопках, преимущественно писавшиеся самим Ханфманном, публиковавшиеся в «Бюллетене Американской школы восточных исследований», а также серию монографических публикаций «Отчеты экспедиции в Сардах» и «Монографии экспедиции в Сардах». 10 томов этих серий, содержащих обзорные и аналитические статьи, были выпущены издательством Гарвардского университета в период с 1971 по 1986 г. В 1983 г. вышла в свет книга «Сарды с доисторического до римского времени», которая была задумана, отредактирована и, в основном, написана Дж. Ханфманном. Его научные интересы были достаточно широки, однако, особый его интерес привлекали находки античной скульптуры, которую он высоко ценил и прекрасно знал.

Джордж Ханфманн был счастлив в семейной жизни. По воспоминаниям коллег, свободное время он больше всего любил проводить

⁶ А. Г. Детвейлер, бывший также президентом Американской школы восточных исследований, в 1955 г. решительно поддержал ходатайство Дж. Ханфманна о выделении средств для раскопок в Сардах. Так началось их знакомство, переросшее в многолетнюю дружбу. Жена А. Г. Детвейлера, Катарина, работавшая в Корнельском университете, также впоследствии трудилась в составе экспедиции, изучая монетные находки.

дома, с женой Ильзе и дочерьми Рут и Верой. Дж. Ханфманн любил музыку, играл на скрипке, одним из способов проведения семейного досуга были музыкальные вечера. Ильзе Ханфманн работала в Музее Фогга, часто принимала участие в работе Сардианской экспедиции, занимаясь полевой обработкой находок. Когда она по каким-либо обстоятельствам не могла быть в Сардах, Ханфманн писал ей подробные письма, рассказывал о главных событиях, происходивших в экспедиции, делился планами, соображениями, описывал пережитые экспедиционным бытом, взаимоотношения с коллегами, встречи с представителями местных властей и пр. Писал он и из командировок, связанных с организационной работой. Первое письмо домой из «сардианской серии» датировано 12 апреля 1958 г., Ханфманн написал его в Стамбуле, перед возвращением в Америку; в нем ученый рассказывал о своей поездке, описывал Сарды и окрестности, встречи, планы по организации будущей экспедиции. Последнее письмо было написано 7 сентября 1971 г. на базе экспедиции. В этом же году, к 60-летию юбилею Дж. Ханфманна, Ильзе Ханфманн собрала все письма, которые она хранила много лет, и, приложив к ним экспедиционные рисунки и фотографии, преподнесла мужу в качестве подарка. Перечитав их и отредактировав, Ханфманн издал письма отдельной книгой, написав к ней предисловие и заключение, добавив некоторые дневниковые записи, фотографии, хронологические таблицы и карты. Так появились «Письма из Сард» (Hanfmann. 1972). Книга читается легко, высокий профессионализм гармонично сочетается на ее страницах с легкостью и непринужденностью изложения. Трудно определить ее жанр и сказать, относится ли она к специальной или же научно-популярной литературе. Ханфманн посвятил книгу Ильзе и своим ближайшим друзьям и помощникам Генри и Катарине [Детвейлер]⁷, а также всем участникам экспедиции и тем, кто оказывал ей поддержку. В конце – библиография публикаций, отражающая результаты раскопок Сард и список работ по истории и археологии Лидии и древней Малой Азии. В завершающем разделе помещен полный алфавитный список участников Сардианской экспедиции в 1958–1971 г., в котором перечислены все – полевой директор, его помощники, официальные представители музеев Турции, археологи, архитекторы, реставраторы, фотографы, лаборанты-учетчики находок.

Дж. Ханфманн обладал живым характером и невероятной энергией. Он все делал вдохновенно – будь то ежедневная рутина, занятия со студентами, беседы с коллегами или писание писем. «Обязательность, простота, прямота, непосредственность и энгергия – вот те качества, которые привлекали к нему людей и удерживали их» (Hanfmann. 1972).

⁷ А. Г. Детвейлер скончался 30 января 1970 г.

Р. 126). В экспедиции, которой он руководил, присутствовала особая «моральная атмосфера», ее участники, вне зависимости от возраста, образования и занимаемой должности, чувствовали равную степень ответственности, сознавали, что они все вместе делают огромное и важное дело. Ханфманн считал, что сардианская экспедиция должна быть также и «школой кадров». Он всячески поощрял профессиональный рост всех участников своей команды, побуждал учиться и узнавать новое, способствовал карьерному росту многих сотрудников. Его энергия казалась неистощимой. По воспоминаниям его ученика, профессора К. Гриневальта, казалось, что во время раскопок, площадь которых обычно достигала 600 акров⁸, Дж. Ханфманну удавалось присутствовать сразу в нескольких местах. «Он легко и светло нес бремя своей высокой образованности и одаренности, был начисто лишен ложного самомнения. Указания, которые он давал студентам и сотрудникам, были всегда лаконичны, точны и выражены благожелательно и искренне» (Hanfmann. 1972. P. 126).

Огромное значение Дж. Ханфманн придавал консервации и реставрации открываемых объектов, многие из которых были поистине грандиозны (стоит вспомнить хотя бы комплексы терм и гимнасия, помещения синагоги). Во многом благодаря его отношению к памятникам, желанию не только сохранить их, но и, по-возможности, восстановить, усилиями инженеров, архитекторов, реставраторов самых разных направлений, которых он привлекал для работы в экспедиции, эти объекты стали достопримечательностями края.

Заслуги Дж. Ханфманна были признаны многими научными сообществами. Он был избран членом Американского философского общества (Филадельфия), был членом Американской Академии искусства и наук, Общества древностей Британской Академии, Института изучения этрусков (Флоренция), Немецкого и Австрийского археологических институтов, Академии наук и литературы (Майнц), Академии надписей и изящной словесности (Французский Институт). В 1978 г. он был награжден золотой медалью Американского археологического института за выдающиеся заслуги в области археологии, в 1982 г. получил звание почетного доктора Свободного Университета в Берлине.

Скончался Джордж М. А. Ханфманн 13 марта 1986 г. в Гарварде, у себя дома, от внезапного сердечного приступа, не проболев перед смертью ни дня. В последние дни своей жизни, как и ранее, он был полон желания жить и работать, сохранял ясность и быстроту мышления.

⁸ 1 акр = 4047 м².

Литература

- Cr. H. Greenewalt, Jr.* George Maxim Anosov Hanfman (20 November 1911 – 13 March 1986) // *American Philosophical Society Yearbook*. 1986.
- George M. A. Hanfmann*. Letters from Sardis. Cambridge, Massachusetts. 1972.
- Students... 1971 – Students in Honor of George M. A. Hanfmann. Cambridge, Massachusetts. 1971.

Ю. И. Ильина

Изображения Сфинкса на хиосских кубках

Остров Хиос в древности был знаменит не только своим вином, маслом, мастикой, но и изделиями гончаров и вазописцев.

Так Афиной уже во II в. н.э. в своем сочинении «Пир мудрецов», рассуждая и достоинствах различных чаш и кубков упоминает хиосские килики (Athenaeus. XI, 480 E). Вазы, изготовленные на Хиосе, особенно сосуды для питья отличались изяществом пропорций и тонкостью выделки на гончарном круге. В начале VI в. до н.э. появился сосуд необычной формы, которая не встречается в других ионийских центрах. Он составлен из двух конусов соединенных вершинами. Большой конус это тулово, а меньший подставка. Со временем эта форма изменила соотношение частей. Тулово уменьшилось в диаметре, а ножка стала более высокой. Соотношение частей стало более уравновешенным. Высота сосуда обычно равна его диаметру. Эта форма имела распространение во второй четверти VI в. до н.э. и дошла до нас в значительно большем количестве экземпляров, чем ее предшественники (Boardman. 1967. P. 103; Boardman. 1998. P.144–146; Boardman, Hayes. 1966. P. 58–60; Cook. 1992. 126–127; Cook, Dupont. 1998. P. 49–50). Согласно классификации хиосских кубков по форме это типы II и III (Boardman, Hayes. 1966. P. 56–60).

Самый полный свод известной сейчас хиосской керамики охватывает около двух тысяч сосудов, как целых так и их фрагментов (Lemos. 1991). Из него видно, что изображения Сфинкса наиболее часто встречаются в росписях кубков, изготовлявшихся в первой половине VI в. до н.э. Однако оно появляется в хиосской керамике еще на рубеже VII–VI в. до н.э. Это чаша из с посвящением Афродите и фрагмент стенки диноса из Навкратиса, но они включены в многофигурные фризы, состоящие и идущих друг за другом львов, гусей, собаки и вепря (Lemos. 1991. № 252, 302; Gardner. 1888. Pl. 6; Price. 1924. P. 216–217). Подоб-

ное включение изображения Сфинкса во фризы состоящие из фигур идущих козлов, гусей и львов можно встретить на ойнохоях, расписанных милетскими вазописцами в VII – начале VI в. до н.э. (Walter. 1968. № 492; Walter-Karydi. 1973. № 516, 537, 559). И только с начала VI в. до н.э. изображение Сфинкса становится основным сюжетом росписи кубков. На кубках начала VI в. до н.э., расписанных в стиле Animal Chalice style, Сфинксы еще помещены во фризы состоящие из фигур идущих друг за другом фантастических животных. Сфинкс изображен идущим в виде крылатого чудовища, имеющего голову женщины, тело и хвост льва. Черты лица правильные. Нос прямой, губы плотно сжаты. Глаз миндалевидной формы с выделенным темной точкой зрачком. Бровь передана изящной пологой дугой. Волосы плотно облегают голову и длинными прядями спускаются на плечи. На голове повязка и растительный побег, завершающийся волнотой. Тело дано силуэтом, без выделения пальцев и когтей на лапах. Фигура Сфинкса всегда повернута вправо. Свободное пространство между фигурами заполнено орнаментом. Это изображение Сфинкса затем было использовано для росписи кубков в стиле Chalice style, где фигура Сфинкса является единственным сюжетом росписи сосуда. Известно значительное число этих сосудов, что позволяет проследить изменение стиля росписи и выделить кубки расписанные одной рукой. Все известные кубки по построению композиции росписи можно разделить на две большие группы. Первая на сосуде изображены два Сфинкса, стоящие напротив друг друга. По стилю росписи более тонко и изящно исполненной в нее включены пять кубков (Lemos. 1991. P. 130). Они происходят из раскопок в Токре, Питане и Святой Параскевьи. Вторая – Сфинкс стоящий или сидящий изображен повернутым влево. Вторая группа включает большое количество сосудов и их фрагментов и в стилистическом отношении менее однородна. Все сосуды разделяют на четыре подгруппы, которые представляют последовательные стадии развития стиля их росписи. Сфинксы изображены либо идущие либо сидящие. Первые две более близки стилю росписи ранних кубков, лучшие из которых производят из раскопок в Святой Параскевьи (Πουλακῆ. 2001. P. 57–86). Третья представляет иной тип прически Сфинкса. Волосы переданы отдельными вьющимися прядями и плавно спускаются на плечи. Черты лица менее изящные. Вся роспись исполнена более небрежно. Фигуры Сфинксов более тяжеловесны и они изображены, как правило идущими.

На Березани найдены фрагменты кубков, которые по композиции относятся ко второй группе и стилю росписи представляют первые три последовательные стадии ее развития (Скуднова.1957. С. 134–135; Борисфен-Березань. 2005. С. 64; Ильина. 2005. С. 86–90).

Рис. 1. Хиосские кубки с изображением Сфинксов

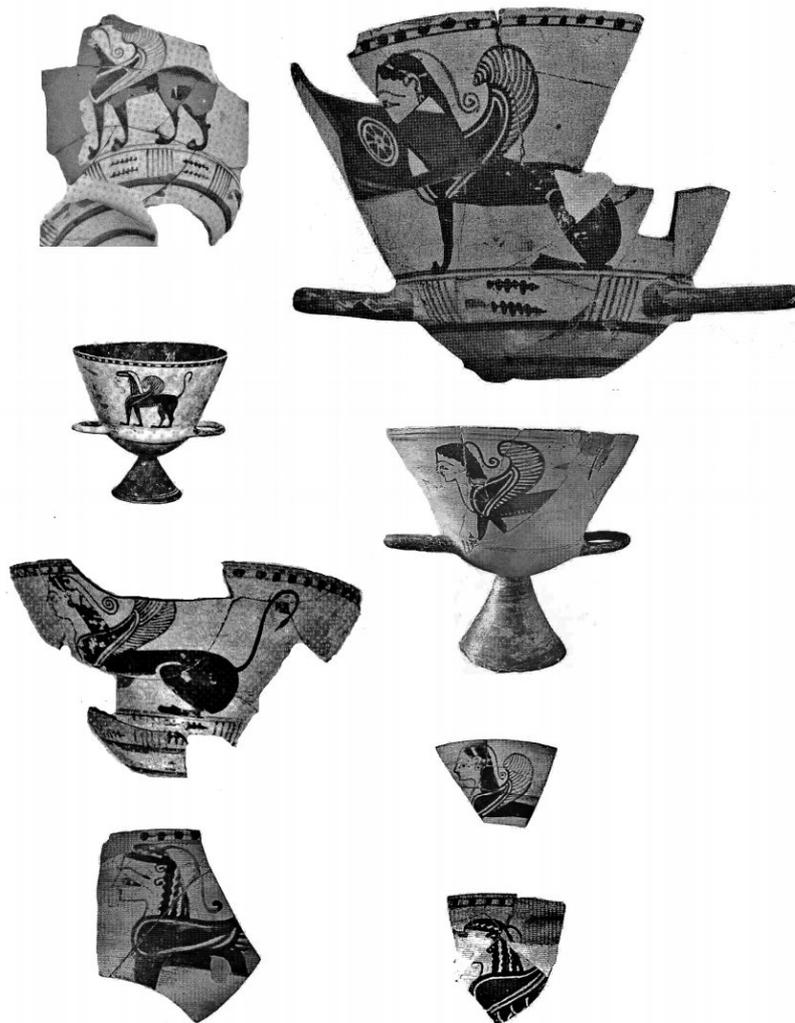

Рис. 2. Хиосские кубки с изображением Сфинксов

Рис. 3. Монеты Хиоса с изображением Сфинксов

Изображение Сфинкса как эмблема Хиоса существует на его монетах на протяжении всего античного периода. Важно отметить, что на монетах Сфинкс всегда изображен влево идущим или сидящим (Mavrogordato. 1915. Pl. I, II; *Χίος τ' ἐναλός πόλις Οἰνοπίωνος*. 2000. P. 18–26). На монетах архаического периода изображение Сфинкса очень близко изображениям на хиосских кубках. Черты лица правильные,

волосы плавно спускаются на плечи. На голове повязка и растительный побег с завитком на конце. С художественной точки зрения, как не раз отмечалось исследователями, монета представляет собой миниатюрный рельеф, который близко связан с резными камнями (Зограф. 1951. С. 61). Но он также и имеет соприкосновение с вазописью, как справедливо заметил А. Н. Зограф. Сравнение росписи хиосских кубков и монет наглядно подтверждает это.

Литература

- Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки. СПб., 2005.
- Ю. И. Ильина. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Том 1.
- А. Н. Зограф. Античные монеты. М., Л., 1951. – (МИА. № 16).
- В. М. Скуднова. Хиосские кубки из раскопок на о. Березань // СА. 1957. № 4.
- P. Amandry. Chios and Delphi // Chios: a conference at the Homereion in Chios 1984. Oxford, 1986.
- J. Boardman. Excavations in Chios 1952–1955: Greek Emporio. BSA. 1967. Suppl. Vol. 6.
- J. Boardman. Archaic Chian pottery in Naukratis // Chios: a conference at the Homereion in Chios 1984. Oxford, 1986.
- J. Boardman. Early Greek vase painting. London, 1998.
- J. Boardman. and Hayes J. Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits 1. BSA. 1966. Suppl. Vol. 4.
- J. Boardman, J. Hayes. Excavations at Tocra 1963–1965: The Archaic Deposits 11 and later deposits. BSA. 1973. Suppl. Vol. 10.
- R. V. Cook. Distribution of Chiot Pottery // BSA. 1949. Vol. 44.
- R. M. Cook. A list of Clazomenian Pottery // BSA. 1952. Vol. 47.
- R. M. Cook. Greek Painted Pottery. London, 1992.
- R. M. Cook, P. Dupont. East Greek Pottery. London and New York, 1998.
- R. M. Cook, A. G. Woodhead. Painted Inscriptions on Chiot Pottery // BSA. 1952. Vol. 47.
- E. A. Gardner. Naukratis. London, 1888. Part II.
- A. A. Lemos. Archaic Chian pottery on Chios // Chios: a conference at the Homereion in Chios 1984. Oxford, 1986.
- A. A. Lemos. Archaic Pottery of Chios. The Decorated Styles. Oxford, 1991. 2 vols.
- J. Mavrogordato. A chronological arrangement of the coins of Chios // NC. 1915. Part 1.
- Oidipous // LIMC. Zürich, München, 1994. Vol. VII.
- F. Petrie. Naukratis 1. London, 1886.
- E. Price. Pottery from Naukratis // JHS. 1924. Vol. 44.
- Φ. Πουλακη. Χια και Ανθμούσια. 2001.
- C. Roebuck. Ionoan Trade and Colonisation. N.-Y., 1959.
- C. Roebuck. Chios in the sixth century B.C. // Chios: a conference at the Homereion in Chios 1984. Oxford, 1986.

- G. P. Schaus.* The East Greek, Island and Laconian pottery. Cyrene Final Reports 2. Philadelphia, 1985.
- Sphinx* // LIMC. Zürich, München, 1997. Vol. VIII.
- H. Walter.* Frühe Samische Gefasse // Samos. Bonn, 1968. Bd. 5.
- H. Walter.* Alt-Aegina 2,1. Mainz am Rhein, 1982.
- E. Walter-Karydi.* Samische Gefassesedes Jahrhunderts v. Chr. // Samos. Bonn, 1973. Bd. 6/1.
- D. Williams.* Aegina, Aphaia–Tempel 5. The Pottery from Chios // AA. 1983. Ht. 2.
- Χίος τ' ἐναλος πόλις Οἰνοπίωνος. 2000.

Д. Е. Чистов

К периодизации истории Борисфена второй половины VI в. до н.э.

Согласно наиболее подробной периодизации существования Березанского поселения, разработанной С. Л. Соловьевым (Soloviov. 1999), история поселения архаической эпохи делится на два основных периода, граница между которыми пролегает в третьей четверти VI в. до н. э. на это время приходится весьма существенные изменения в облике поселения, включавшие переход к наземному каменно-сырцовому домостроительству и формирование на территории Березани урбанистической планировочной структуры. В рамках этого второго периода, охватывающего время приблизительно до конца первой трети V в. до н.э., С. Л. Соловьёвым были выделены два этапа, рубежом для которых послужил конец VI в. до н.э. (Соловьев. 1994. С. 90). В это время внутренняя планировка кварталов и значительной части составлявших их жилых домов борисфенитов подвергается существенным изменениям, не повлекшим, однако, значительных изменений городской планировки в целом (Soloviov. 1999. P. 8, 79). Характер событий, ставших причиной этих многочисленных перестроек, остается неясным. Каких-либо свидетельств разрушений, военных действий и т.п. в ходе раскопок в северо-западной части острова обнаружено не было.

Работы последних лет, проводящиеся Березанской экспедицией Эрмитажа на участке «О» в восточной части острова, в целом подтверждают выводы Соловьева, рисуя сходную картину развития Борисфена во второй половине VI в. до н.э. Одним из результатов этих работ стало раскрытие части строительного комплекса, погибшего в сильном пожаре. На сегодняшний день раскрыты два помещения и часть двора, огороженного сырцовой стеной (Чистов. 2007. С. 136. Илл. 2). В результате раскопок последнего полевого сезона, к сожалению, не удалось выявить западную границу комплекса, однако была раскрыта небольшая часть еще одного принадлежавшего ему помещения – пристройки со

стенами из сырцового кирпича, не имевшими каменного цоколя. Предварительный анализ керамического комплекса, происходящего из напластований разрушения, позволил уточнить время перехода к наземному домостроительству, которое, по всей видимости, датируется не позднее 540-х – 530 г. до н.э., разрушение же здания в пожаре произошло не позднее последней четверти VI в. до н.э. Примечательно, что более поздние постройки, возникшие на этой площади после пожара, фактически совпадали с предшествующими в плане, очевидно, вписываясь в ту же систему квартальной планировки (Чистов. 2007. С. 133). Интересно, что в некоторых случаях они возводились не на каменных цоколях ранних стен, а поверх развалов их сырцовых надстроек, по всей видимости, используя их в качестве своеобразных субструкций. Очевидно, новое строительство было начато немедленно после пожара, и не сопровождалось серьезными подготовительными работами по nivelировке поверхности под застройку.

Работы эрмитажной экспедиции на острове Березань в последнем полевом сезоне 2008 года принесли новые данные, имеющие непосредственно касательство к вопросу о смене хронологических этапов в рамках второго периода существования архаического Борисфена. На участке площадью около 120 м², расположенном на расстоянии 20–30 м к юго-западу от упоминавшегося выше комплекса был также раскрыт мощный слой пожарища и развалов сырца, датируемый в пределах второй половины VI в. до н.э. Раскрытый участок, очевидно, относился к соседнему кварталу, отделенному от дома с пожарищем улицей, ориентированной по линии юг - север с отклонением к северо-западу. Синхронные пожарищу строительные остатки на вскрытой площади практически отсутствовали. Примечательно, что слой пожара оказался прорезанным серией хозяйственных ям, а также котлованами двух полуземлянок, керамический материал из заполнения которых позволяет датировать их последней четвертью – концом VI в. до н.э. Обе полуземлянки имели форму, в плане близкую к овальной. Размеры полуземлянки 41 – 3,6 x 2,5 м, полуземлянки 42 – 3,2 x 2,7 м; зафиксированная глубина котлованов не превышала 0,2 м. Расположение столбовых ямок позволяет предполагать шатровое перекрытие; в южной части полуземлянки 41 была выявлена невысокая приступка или «лежанка». После того, как эти комплексы были засыпаны, на рубеже VI–V или в начале V в. до н.э., на этой же территории был возведен строительный комплекс с мощной (до 0,9 м шириной) оградой.

Можно предполагать, что пожар в раскрытом ранее комплексе не является единичным явлением, и смена этапов второго периода архаического Борисфена сопровождалась не только активизацией строительной активности жителей, но и некими катастрофическими событиями. Для уточнения даты этих событий особый интерес представляет кера-

мический комплекс из полуземлянок № 41 и 42, а также синхронных им хозяйственных ям. Нам представляется, что указанные объекты, возникшие «на пепелище», относятся к короткому этапу возобновления жизни после разрушений, являясь своего рода «временками», и предшествуют возведению на этой же территории новых капитальных построек. Среди наиболее выразительных находок столовой керамики, сделанных в заполнении этих комплексов, отметим аттический чернолаковый килик типа «С» с изогнутым венчиком (рис. 1. БЭ. 2008. 45/396) из заполнения полуземлянки 41: аналогичная форма в материалах Афинской агоры датируется около 525 г до н.э. (Sparkes, Talcott. 1970. P. 298. Fig. 4, № 398). Амфорная тара из полуземлянок и хозяйственных ям, прорезающих слои пожара, в целом характерна для последней четверти – конца VI в. до н.э. В яме 134 найдено горло с частью плечиков раннего варианта хиосской пухлогорлой амфоры последней трети VI в. до н.э. (рис. 2. 1. БЭ. 2008. 47/469; Монахов. 2003. С. 233. Табл. 3. 4). Горло клазоменской амфоры из заполнения ямы 131 (рис. 2. 2. БЭ. 2008. 41/467) также типично для керамической тары этого центра последней четверти – конца VI в. до н.э. (Монахов. 2003. С. 53, 263. Табл. 33. 2–3; Sezgin. 2004. P. 177. Fig 13–14). Большой интерес представляет находка самосской тарной амфоры (рис. 3. БЭ. 2008. 44/468: яма 133), поскольку количество известных целых сосудов этого типа в Северном Причерноморье невелико. По классификации С. Ю. Монахова эту амфору можно скорее отнести к «классическому» типу амфор Самоса, появившемуся приблизительно в конце VI в. до н.э., или же к наиболее поздним вариантам «архаического типа» (Монахов. 2003. С. 245. Табл. 15). Она имеет тулово яйцевидной формы, характерный для более ранних архаических самосских амфор валик в месте соединения горла с плечиками у нее отсутствует, ножка имеет форму широкого поддона. По всей видимости, такой сосуд можно датировать концом VI – началом V в. до н.э.

Таким образом, смена этапов второго строительного периода на территории Березанского поселения имела место в рамках последней четверти VI в. до н.э. и, очевидно, сопровождалась пожарами и разрушениями, фиксируемыми как в северо-западной, так и в восточной частях поселения. Причины этого явления пока не ясны. С. Л. Соловьев ранее предполагал связь этих событий с появлением очередной волны переселенцев из метрополии (Соловьев. 1993. С. 41), а в недавней работе также отмечал, что было бы заманчиво видеть в них отголоски конфликта между двумя группами колонистов, разрешившегося при посредстве оракула Аполлона Дидимейского (Соловьев. 2000. С. 102). Данный конфликт, обличенный в форму противостояния сторонников культов Аполлона Врача и Аполлона Дельфиния, по мнению автора, и привел к основанию Ольвийского полиса на ранее подконтрольных

Борисфену территориях (Соловьев. 2000. С. 101). Хотя новые данные не могут ни подтвердить, ни опровергнуть приведенные выше предположения, нам представляется, что они свидетельствуют скорее не в их пользу. В противном случае пришлось бы предположить, что конфликт между относительно небольшими по численности группами поселенцев и эпойков вылился в вооруженное противостояние, в котором проживавшие непосредственно на Березани колонисты определенно не вышли победителями, поскольку боевые действия были перенесены на их территорию. Так или иначе, картина разрушений и пожарищ, фиксируемых для последней четверти VI в. до н.э. в различных частях архаического городка, позволяет предположить, что березанское поселение в это время пострадало от вражеского нападения, однако было быстро восстановлено.

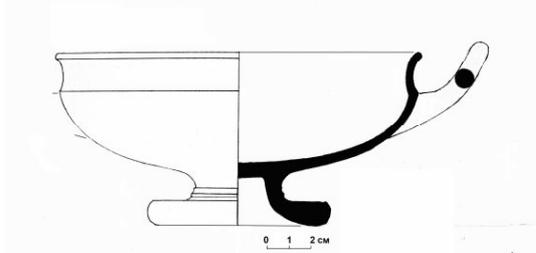

Рис. 1. Атический чернолаковый килик типа «С» с изогнутым венчиком (БЭ. 2008. 45/396)

Рис. 2. Хиосская пухлогорлая амфора (БЭ. 2008. 47/469) и клазоменская амфора из заполнения ямы 131 (БЭ. 2008. 41/467)

Рис. 3. Самосская тарная амфора (БЭ. 2008. 44/468)

Литература

- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов, 2003.
- С. Л. Соловьев.* О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // ПАВ. СПб., 1993. Вып. 3.
- С. Л. Соловьев.* Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб., 2000.
- Д. Е. Чистов.* Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н. э. из раскопок на участке «О» античного поселения на о. Березань // Древности северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007. – (МАИЭТ. Supplementum 4).
- Y. Sezgin.* Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries BC // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Thessaloniki, 2004.
- S. L. Soloviov.* Ancient Berezan. The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black sea. Leiden, 1999. – (Colloquia Pontica. 4).
- B. A. Sparkes, L. Talcott.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C // The Athenian Agora. Princeton, 1970. Vol. XII.

В. Ю. Зуев

Бронзовые зеркала с о. Березань⁹

За последние три года в процессе раскопок города Борисфена на острове Березань были найдены два фрагмента бронзовых зеркал эпохи архаики. Они относятся к своеобразной категории артефактов, за которой в литературе закрепились три неравноценных названия. Подобные находки называют либо зеркалами «скифского» типа (Скуднова. 1962. С. 5–27), либо – «ольвийского» (Фармаковский. 1914. С. 27), либо трактуют как предметы бифункционального назначения: «зеркала-фиалы (патеры)», существующие одновременно в греческом и варварском мирах¹⁰. Противоположность первых двух названий, за которыми стоят различные культурно-исторические трактовки вопроса их происхождения, удачно прокомментировала в своё время В. А. Ильинская: «Если с точки зрения античника такие зеркала являются явно не греческими, то скифоведы, в свою очередь, не могут безоговорочно признать их чисто скифскими» (Ильинская. 1968. С. 153). Т. М. Кузнецова, предложившая считать эти предметы, прежде всего, сосудами для ритуальных возлияний (патерами), реконструировала при этом сложную модель взаимовлияний скифских и греческих традиций в сфере приёмов их изготовления и функционального использования¹¹.

⁹ Этот текст был подготовлен к изданию в материалах конференции 2007 г. Поскольку по келейному решению руководства Издательства Государственного Эрмитажа я был лишён возможности просматривать макет издания, который верстался в издательстве (несмотря на то, что я исполнял обязанности ответственного редактора), в книгу по ошибке вместо этого текста был вставлен без моего ведома тезисный набросок статьи из подготовительных материалов, находящихся в тот момент в распоряжении сотрудника издательства А. Р. Шилова. Ответственность за эту подмену, а также за самовольное исключение без объяснения причин из сборника 2007 г. статей В. В. Крапивинной, К. Домжальского и А. Г. Кузьмищева лежит всецело на руководстве Издательства Государственного Эрмитажа. Эта публикация дезавуирует текст, помещённый в БФ. 2007. Ч. II. С. 48–55 (*Прим. ред.*).

¹⁰ Кузнецова. 1990. С. 82–97. Корректировку термина (зеркала-патеры) см.: Кузнецова. 2002. С. 208.

¹¹ Многолетний труд по изучению бронзовых зеркал Скифии Т. М. Кузнецовой, выраженный на момент написания данной статьи в издании первого тома её капитального исследования, можно по праву считать титаническим. Ею разработана терминология, классификация и типология данной категории археологических находок, учтён и зарисован колоссальный по объёму материал, созданы довольно сложные, неоднозначные, но всегда интересные трактовки хронологии, происхождения, функционального назначения и

Своеобразной «точкой схождения» сторонников различных взглядов на подобные зеркала является вопрос об их датировке. Даже самый широкий разброс дат этих предметов укладывается в интервал от рубежа VII–VI в. до конца VI – начала V в. до н.э. Подавляющее большинство таких зеркал найдено в комплексах, которые датируются в пределах второй половины VI в. до н.э., распространяясь в это время на обширнейшем географическом пространстве от Трансильвании до Южного Приуралья.

В вопросе о месте производства подобных зеркал исследователи занимают опять-таки весьма противоречивые позиции. Обзор мнений по всему спектру возможных вариантов решения, содержится в недавно опубликованной книге С. Я. Ольговского (Ольговский. 2005. С. 144–161)¹². При этом автор занимает свою, весьма оригинальную, позицию в поисках ответа на данный вопрос. Во-первых, он считает, что все зеркала данного типа являются цельнолитыми. Во вторых, он считает, что для VI в. до н.э. мы не имеем надёжно зафиксированных следов ольвийского бронзолитейного производства. В результате, Ольговский высказывается в пользу изготовления данных зеркал в различных центрах лесостепной Скифии и Фракии бродячими мастерами-бронзолитейщиками варварского происхождения (Ольговский. 2005. С. 150, 154, 161). Особенно активно он использует тот аргумент, что нигде археологически не засвидетельствована связь изготовления подобных зеркал с греческими металлургическими комплексами. Эта настойчивость, заставляет сформулировать одну из новых задач исследования зеркал: а так ли это и есть ли надёжно зафиксированные следы

культурно-исторического бытования бронзовых зеркал различных типов. В качестве серьёзного дефекта её построений можно назвать лишь чрезмерную увлечённость исследовательницы формализацией и кодированием больших объёмов информации. Сокращая незначительно, на мой взгляд, объёмы публикаций, эта кодировка чрезвычайно запутывает и саму исследовательницу (огромное количество мелких огрехов, путаницы, опечаток и т.п. ошибок), и, тем более, читателей, вынужденных держать в памяти номера закодированных по-разному одних и тех же предметов, сверяя их по разным таблицам многочисленных приложений. В этой увлечённости кодировочной стороной дела сказывается характерная печать эпохи конца XX века, когда наш отечественный исследователь стремился посредством изощрённой системы бесконечно детализируемых признаков работать «как компьютер», но в условиях его отсутствия, а также фатальная неспособность «нашего» человека делать это безошибочно.

¹² Мне представляется крайне неудачным название и основной термин, которые вводит в науку С. Я. Ольговский: отождествление понятий «греческий» и «античный» в приложении к эпохе архаики, да ещё в конструкции «скифо-античная металлообработка», не выдерживает никакой критики.

их связи с какими-нибудь центрами греческого металлургического производства?

В этом контексте мне представляются особенно важными две последние по времени находки деталей подобных зеркал на о. Березань. Новые находки на Березани были сделаны на разных участках раскопок. В 2003 г. на раскопе «Т» в заполнении полуземлянки позднеархаического времени сотрудниками Березанской экспедиции Института археологии НАН Украины была найдена ручка зеркала, увенчанная на конце стилизованной фигуркой кошачьего хищника¹³.

Полуземлянка являлась, вероятнее всего, мастерской металлурга. Яма, где была найдена рукоять, являлась частью производственного горна. На дне её по кругу располагались 8 отдельных углублений. Дно было плотно покрыто слоем шлаков, ржавчины и фрагментами металлических изделий. На этом уровне и была найдена бронзовая рукоять зеркала, рядом с которой лежала пронизь в форме скарабея¹⁴. В заполнении ямы 286 было много крупных фрагментов древесного угля, обожжённых фрагментов лепных сосудов, две монеты-стрелки и две отливки трехлопастных наконечников стрел, фрагменты рукояти железного меча и железный стержень. В помещении над ямой 286 были зафиксированы большие фрагменты печины. В заполнении найден разнообразный керамический материал: фрагменты полосатых клазоменских, лесбосских сероглиняных, протофасосских со стаканообразным дном амфор, археологически целый красноглиняный одноручный кувшин, многочисленные фрагменты восточно-греческой керамики¹⁵. Исследователи суммарно датируют керамический комплекс полуземлянки № 285 второй половиной VI в. до н.э. Однако, учитывая, что помещение мастерской было разрушено и сnivelировано для строительства храмового комплекса в третьей четверти VI в. до н.э. (Назаров. 2006. С. 147–149), находки из мастерской, сделанные на дне производственного комплекса, не могут быть позднее этого времени и должны датироваться в пределах этой четверти столетия, ближе к его середине.

¹³ Манычев, Назаров, Недопако, Паньков. 2004. С. 35–41. Археологический контекст находки бронзовой рукояти подробно описан в статье: Назаров, Кузьмищев. 2005. С. 178–180. Пользуясь случаем, благодарю А. Г. Кузьмищева и В. В. Крутилова за возможность опубликовать иллюстративный материал данной находки.

¹⁴ Публикацию скарабея см. здесь в статье А. Г. Кузьмищева.

¹⁵ Манычев, Назаров, Недопако, Паньков. 2004. С. 35–41; Назаров, Кузьмищев. 2005. С. 178–180. Пользуясь случаем, благодарю А. Г. Кузьмищева и В. В. Крутилова за возможность опубликовать иллюстративный материал данной находки.

Бронзовую рукоять зеркала авторы находки описывают следующим образом: «Общая длина бронзового изделия – 100 мм, вес (до реставрации) – 119,02 г. В сечении рукоять плоская, толщиной 5 мм. Общая высота ствола «колонны» – 66 мм, ширина 17 мм, размеры «базы» – 18,5–27 x 15 мм, «капители» 20 x 12 мм. Вдоль «ствола колонны» с обеих сторон проходят пять каннелюр шириной 1–3 мм. Размеры фигуры пантеры – 60 x 35 мм. Фигурка животного отлита в двусторонней форме. На внутренней поверхности изделия (лапы, брюхо, верх базы) хорошо просматриваются следы ее створок. Внешняя поверхность не сёт следы вторичной обработки, возможно, инструментом, похожим, на напильник. Таким же образом моделированы глаза и уши пантеры. Каннелюры ствола рукояти прорезаны штихелем, причём достаточно грубо» (Манычев, Назаров, Недопако, Паньков. 2004. С. 38–39).

Публикуя изображение данной находки (рис. 1, 1–2), хочу привести ряд наиболее близких аналогий, которые позволяют реконструировать облик данного изделия, хотя, судя по рукояти, которая ныне хранится в фондах Очаковского краеведческого музея, мы имеем дело с законченной заготовкой рукояти зеркала, отлитой отдельно от диска зеркала, имеющей на себе явные черты первичной обработки.

Единственной аналогией, происходящей из археологического комплекса, является обломок рукояти зеркала, найденный в погребении кургана «Елга» у с. Преображенка в Южном Приуралье, раскопанном в 1887 г. Ф. Д. Нефёдовым (Нефёдов. 1899. С. 37. Рис. 9). Комплекс находок из этого кургана хорошо описан в литературе и уверенно датирован К. Ф. Смирновым второй половиной VI в. до н.э. (Граков. 1947; Смирнов. 1964. Рис. 72, 15). Т. М. Кузнецова, указавшая произвольно, что находка была сделана в кургане I могильника Елга, полагает, что указанный фрагмент относился к сложносоставному зеркалу с бортиком у диска и боковой бронзовой ручкой. Верх ручки был оформлен в виде трилистника, ствол был каннелированным, имевшим на конце фигурку стоящего хищника на прямоугольной подставке (Класс II, Отдел II, Группа 01, Подгруппа 00, Тип 01, Вид 01, Вариант 02: Кузнецова. 2002. С. 236). Мне остаётся непонятным, правда, каким образом Кузнецова реконструировала все эти подробности по фрагменту низа рукояти зеркала. Но одна деталь на этом предмете обращает на себя внимание с технологической точки зрения (рис. 1, 3–4). Бороздки на рукояти из кургана Елга были грубо прорезаны штихелем по утрачиваемой модели до отливки, точно также, как и на публикуемой здесь березанской рукояти. Кроме того, в обоих случаях подставка фигурки кошачьего хищника была отлита вместе с фигуркой в двусоставной форме – приём, который имитировал, очевидно, более раннюю практику отдельной отливки фигурки с подставкой, которая, как цапфа, крепилась затем на окончании рукоятей у некоторых зеркал подобного типа. По своим

размерам фигурка хищника из кургана Елга соответствует березанской. Отличие состоит лишь в том, что выступающее ухо животного на экземпляре из Елги было сточено, вероятно, в процессе использования предмета.

Две других аналогии являются случайными находками и происходят из Венгрии и Закарпатья. Это зеркала, найденные у селений Макфалва (рис. 1, 5–5 а; Gabor. 1913. S. 318–327; Скуднова. 1962. С. 10) и Сечени (рис. 1, 6–6 а; Párducz. 1960. Abb. XVIII, 1). Общими у них с березанской рукоятью являются трактовка образа кошачьего хищника, отливка подставки фигурки вместе с рукоятью в составной форме¹⁶, но особенно – форма переходного навершия рукояти, неточно, на мой взгляд, трактуемый в типологии Кузнецовой как часть трилистника (Кузнецова. 2002. С. 241, 247). Ромбический шестиугольник с переходным валиком на навершии березанской рукояти, такой же, как и у зеркал из Макфалвы и Сечени, достаточно специфичная деталь оформления рукоятей зеркал, которая не столь уж часто встречается на предметах подобного типа.

Отмеченная выше технологическая деталь – грубая прорезка штихелем по формовочной модели каннелюр рукояти, разделяющих её на пять колонок, сближает находку 2003 г. с фрагментом зеркала, найденном на о. Березань в 2006 г. Находка была сделана В. В. Крутиловым и Д. Е. Чистовым 15 июля 2006 г. в 15 м к западу от северной части раскопа «О» 2005 г., под дерновым слоем отвала траншеи военного времени, при обследовании участка с помощью металлоискателя¹⁷. Обломок представляет собой нижнюю часть диска зеркала с бортиком по краю и верхнюю часть рукояти, увенчанную под диском фигурой оленя, смотрящего на лицевой стороне зеркала влево (рис. 2, 1–2). Судя по сохранившейся части, диск зеркала имел диаметр 180 мм. Толщина диска составляла 1 мм. Идущий по краю диска бортик имел высоту 8 мм с внутренней его стороны. У основания бортик имел толщину 3 мм, а по обрезу – 2 мм. Особенностью зеркала являлось то, что диск был отлит отдельно от рукояти и это чётко фиксируется при осмотре места крепления рукояти к диску.

¹⁶ Правда, подставка фигурки пантеры из Сечени имеет рубчатую поверхность, реалистично имитирующую одетую на конец рукояти цапфу. Однако наличие литейных швов по бокам рукояти позволяет определённо говорить об имитации более сложного процесса изготовления рукояти.

¹⁷ Благодарю указанных коллег за возможность опубликовать сделанную ими находку.

Рис. 1. Рукоять бронзового зеркала из ямы 286 в полуземлянке № 285/2003 раскопа «Г» на Березани и аналогии к ней: 1 – фотография рукояти; 2 – рисунок рукояти И. Розувановой; 3 – фрагмент рукояти из кургана Елга (рисунок Ф. Д. Нефедова, 1899); 4 – фрагмент рукояти из кургана Елга (рисунок Т. М. Кузнецовой, 2002); 5, 5 а – бронзовое зеркало с боковой рукоятью, найденное близ Макфалвы (Чиндари); 6, 6 а – бронзовое зеркало с боковой рукоятью, найденное близ Сечени (5, 6 – Кузнецова. 2002)

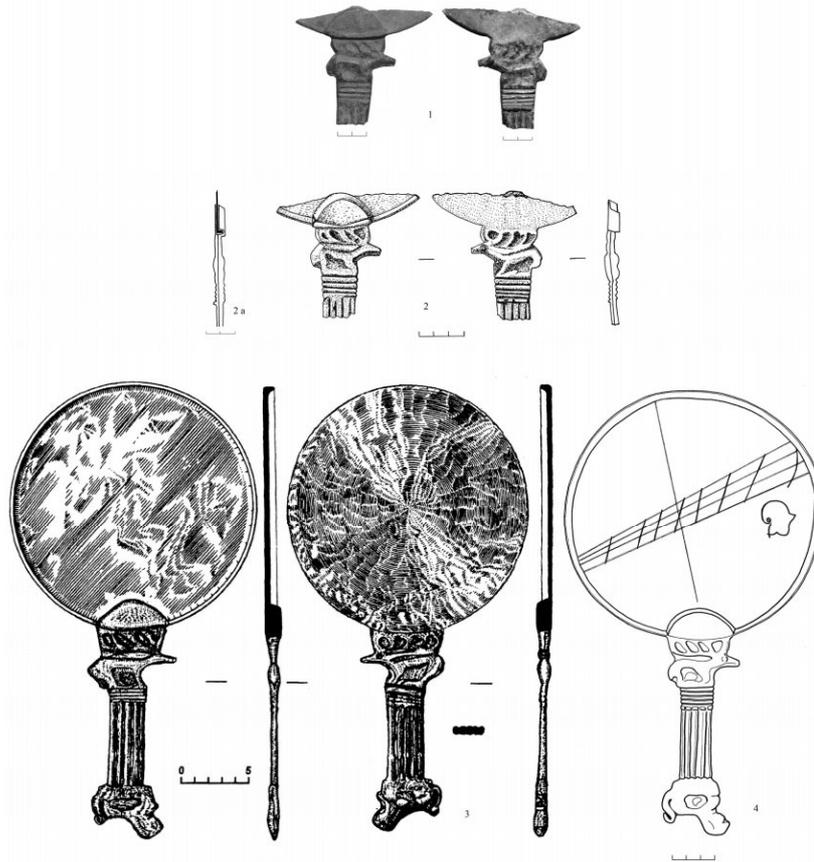

Рис. 2. Фрагмент бронзового зеркала, найденного близ раскопа «О» на Березани в 2006 г. и аналогия к нему: 1 – фотография фрагмента; 2 – прорисовка зеркала В. Ю. Зуева; 2 а – схема крепления боковой двухсоставной рукояти к диску методом горячей проковки; 3 – бронзовое зеркало из коллекции И. И. Толстого (по рисунку Т. М. Кузнецовой); 4 – Прорисовка зеркала из коллекции И. И. Толстого с графити на диске (рисунок В. Ю. Зуева)

На сохранившемся фрагменте рукояти можно выделить четыре функционально-орнаментальных части: 1) овальное навершие, при по-

мощи которого она крепится к диску зеркала, 2) фигурка оленя в позе «летающего галопа», поддерживающего на своих ветвистых рогах диск зеркала, 3) орнаментальная «подставка» под ногами оленя, составленная из четырёх горизонтальных валиков, образованных при помощи насечек, довольно грубо выполненных штихелем по восковой модели и 4) пять вертикальных колонок, образующих непосредственно рукоять зеркала, имеющих сверху с лицевой стороны выступающий в рельефе «карниз», разделённый вертикальными насечками (рис. 2, 2–2 а).

Рукоять зеркала была отлита в двусоставной форме. Вдоль её торцов отчётливо наблюдается литейный шов, не удалённый при обработке отливки. В части овального навершия по шву рукоять была раздвояна для последующего зажатия диска зеркала (рис. 2, 2 а). Половинка формы лицевой стороны рукояти имела тонкое плоское завершение, являющееся продолжением верхней части рогов фигурки оленя, которое накладывалось на лицевую часть диска зеркала и, в результате проковки и последующей шлифовки, сливалось с ним в единое целое. Другая (тыльная) половинка формы рукояти имела массивное овальное навершие¹⁸, отделившееся от основной части рукояти глубоким прорезом, в котором при сборке крепился бортик диска зеркала. При закреплении на диске зеркала, овальное навершие рукояти отгибалось, охватывая бортик, затем плотно обжимало край диска с бортиком и, далее, тщательно проковывалось. На рассматриваемом экземпляре в месте сгиба верхней (овальной) части рукояти хорошо заметен валик, который идёт внахлест над обрезом бортика диска зеркала, выступая над ним примерно на 1 мм. Размеры овального выступа по уровню соприкосновения с плоскостью диска зеркала: ширина 45 мм, высота от прореза для бортика диска зеркала 20 мм, толщина овального навершия – 8 мм. По уровню среза бортика диска зеркала овальное навершие рукояти имеет размер 40 мм ширины и 18 мм высоты.

Фигурка оленя, составленная из двух половинок формы рукояти, исполнена довольно грубо. Обращает на себя внимание явная попытка литейщика проработать ряд деталей на формовочной модели при помощи острого орудия. Морда животного трактована в форме трапециевидного выступа. Глаз животного на лицевой стороне дан в высоком рельефе (тип Костромского оленя). Вытянутая шея трактована широкими плоскостями, которые упираются в ясно различимый плечевой выступ. Рога животного схематично переданы пятью отростками. Первый из них, выгнутый вперёд, находится над головой на уровне глаза оленя. Остальные отогнуты назад и имеют S-овидное завершение, которое, впрочем, плохо читается из-за размытости рельефа формы и

¹⁸ В результате слома диска зеркала на данном экземпляре хорошо видна цельнолитая фактура овального навершия рукояти.

сильной сточенности этой части рукояти в процессе шлифовки места крепления её к диску. Ноги оленя, согнутые в коленях, трактованы схематично в виде горизонтальной полосы. Круп животного более массивный, чуть приподнят над уровнем плечевого выступа. Обратная сторона фигурки выполнена ещё более схематично. В области морды оленя хорошо заметно несовпадение литейных створок. В результате у этой стороны фигурки отсутствует глазной выступ. Практически неясными остались S-овидные завитки рогов. Высота фигурки оленя 35 мм. Максимальная ширина от кончика носа до крупа – 48 мм.

Подставка фигурки, трактованная в виде четырёх горизонтальных валиков, исполнена очень грубо: края разделительных бороздок очень острые – формовочная модель явно не дорабатывалась мастером. В частности, не была даже исправлена случайная вмятина между вторым и третьим валиками лицевой стороны. Толщина валиков составляет 3 мм. Нижний валик тоньше – 2 мм. Общая высота «подставки» составляет 12 мм. Ширина рукояти на уровне верхнего валика 25 мм, на уровне нижнего валика – 22 мм.

Вертикальные колонки рукояти на лицевой стороне сверху имеют выступ, возвышающийся над плоскостью рукояти на 2 мм. Он расположен под нижним валиком подставки и образует подобие «карниза», если смотреть на рукоять в профиль. На формовочной модели этот «карниз» был разделён двумя глубокими вертикальными насечками, возможно, при прорезании каннелюр. Возможно, указанный «карниз» являлся обработанным литейным каналом (выпором), обработанным впоследствии при помощи рапила, но всё же сохранившим свой вертикальный рельеф. Все пять колонок проработаны очень хорошо. Их ширина составляет 5 мм. Причём, крайние правые колонки на обеих сторонах рукояти чуть уже: их ширина 3 мм. Общая ширина рукояти составляет 22 мм. Длина сохранившихся колонок составляет 16 мм. На обратной стороне рукояти сверху двух левых колонок имеется дефект литейной формы: бороздки каннелюр приматы были на модели. Рукоять зеркала, судя по относительно свежему слому, была испорчена сравнительно недавно – возможно, при рытье военной траншеи. Общая длина сохранившейся части рукояти (от ветвей рогов оленя до места слома) составляет 64 мм.

Наиболее точной аналогией березанской находке 2006 г. является бронзовое зеркало из собрания Государственного Эрмитажа (ГЭ. Инв. № В. 2823. Рис. 2, 3–4). Т. М. Кузнецова описывает его как сложносоставное зеркало, диск которого имеет бортик и боковую бронзовую рукоять, на вершине которой изображён олень, а на конце – фигурка лежащего кошачьего хищника на прямоугольной рифлёной подставке. Ручка имеет прямой каннелированный ствол с пятью рёбрами и отлита вместе с фигурками животных (Кузнецова. 2002. С. 250: Класс II, От-

дел II, Группа 01, Подгруппа 00, Тип 0И, Вид 0I, Вариант 02). Указывая на происхождение этого зеркала, Кузнецова ошибочно пишет в своей книге, что оно происходит из коллекции В. Н. Юргевича и поступило в Эрмитаж в 1931 г. (Кузнецова. 2002. С. 336. Табл. № 2, 267). На самом деле это зеркало поступило в музей в 1951 г. из личного собрания академика И. И. Толстого вместе с его большой коллекцией древностей, краткая опись которой хранится в Архиве Государственного Эрмитажа. Заинтересовавшись этим зеркалом лет десять назад, я не нашёл в архивной описи указаний на то, откуда это зеркало попало в коллекцию И. И. Толстого. Но благодаря любезности А. А. Нейхардт, мне удалось выяснить в семейном архиве И. И. Толстого, что зеркало, которое ныне хранится в Эрмитаже под № В. 2823, происходит из коллекции известного Очаковского коллекционера П. Левицкого, многие годы собиравшего древности из случайных раскопок на о. Березань и Ольвии. Таким образом, весьма вероятно, что рассматриваемое зеркало также происходит из древнего Борисфена¹⁹.

Хочу подробно перечислить те признаки, которые позволяют говорить о тождестве березанской находки 2006 г. с зеркалом эрмитажного собрания. Прежде всего, это одинаковые параметры дисков с бортиком обоих зеркал (диаметр 180 мм, высота бортика по внешнему краю 9 мм). Далее, абсолютно тождественные фигурки оленей, а также форма и размеры овального навершия на тыльной стороне зеркала. Как и у находки 2006 г. олень на зеркале эрмитажного собрания обращён головой влево, и только на лицевой стороне у него в рельефе изображён глаз. Очень похоже трактованы и пять ответвлений рогов оленей. Одинаково небрежно выполнена подставка под ногами фигурок оленей, разделённая в обоих случаях на четыре валика. Чуть более аккуратно на эрмитажном экземпляре трактованы вертикальные рёбра каннелированной рукояти, которые, также как и на березанском экземпляре, имеют сверху выступающий «карнизик», аккуратно разделённый на формовой модели на пять частей по числу рёбер. Совокупность всех перечисленных признаков позволяет уверенно говорить о том, что данные зеркала были исполнены одним мастером и на этом основании предположить, что рукоять березанской находки 2006 г. также когда-то заканчивалась фигуркой лежащего на рифлёной подставке льва – персонажа практически не встречающегося в скифской пластике эпохи архаики.

Любопытной деталью, которая не была отмечена никем из исследователей, публиковавших это зеркало, и которая привлекла моё внимание лет десять тому назад, являются несколько рисунков, выполнен-

¹⁹ Благодарю Ю. И. Ильину за предоставленную возможность внимательно изучить указанное зеркало и опубликовать мои наблюдения.

ных очень уверенно на обороте эрмитажного зеркала в древности каким-то острым инструментом. Прежде всего, это четыре линии, пересекающие слева-направо и снизу-вверх диаметр оборотной стороны диска (рис. 2, 4). Линии эти чуть расходятся веерообразно вверх у правого конца диска, останавливаясь у основания бортика зеркала. Эти четыре линии пересекают под небольшим углом семь прямых линий и одна, чуть загибающаяся, нижний конец которой заступает за нижнюю черту. Ассоциативно, весь этот рисунок напоминает современную нотную разлиновку. Этому впечатлению способствует характер процарапанных линий: все они выполнены по линейке, также, как и ещё одна полоса, прочерченная почти перпендикулярно «нотным линейкам» от середины овального навершия рукояти к противоположному основанию бортика зеркала. И, наконец, последний рисунок, выполненный под «нотными линейками» справа, изображает профиль головы хищной птицы с гипертрофированно загнутым клювом (рис. 2, 4). Рисунок выполнен очень уверенной рукой: линии контура решительны и изящны. Следует заметить, что резные рисунки на зеркалах подобного типа хорошо известны науке. Сошлюсь в качестве ближайшей аналогии на зеркало из архаического ольвийского некрополя (грунтовая могила 41/1912. ГЭ. Инв. № О.1912.169: Скуднева. 1988. С. 115), на котором имеются очень похожие контуры голов хищных птиц.

Итак, рассмотренные здесь находки фрагментов зеркал «ольвийского типа» имеют большое значение для решения вопроса об одном из вероятных центров их производства. Рукоять 2003 г., которая очень похожа на незавершённую заготовку, найдена была в закрытом комплексе металлургической мастерской середины – третьей четверти VI в. до н.э. Обломок зеркала 2006 г. найден в непосредственной близости от двух медеплавильных комплексов городища древнего Борисфена. Обе находки имеют ряд общих черт технологии изготовления данных предметов и находят близкие параллели среди зеркал «ольвийского типа», известных науке. Мне представляется, что у нас есть все основания считать, что, по крайней мере, какая-то часть подобных зеркал изготавливалась металлургами древнего Борисфена, откуда эти зеркала во второй половине VI в. до н.э. могли вывозиться в Ольвию и далее по широкой периферии лесостепи от Трансильвании на западе до Южного Приуралья на востоке. Этому предположению несколько не противоречит характеристика базовой функции Борисфенитского полиса – поселения, с довольно высоко развитыми ремесленными и, прежде всего, металлургическими мастерскими (Доманский, Марченко. 2004. С. 23–28).

Литература

- Б. М. Граков.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // *Археологія.* 1947. Т. III.
- Я. В. Доманский, К. К. Марченко.* Базовая функция раннего Борисфена // *Byuysthenika–2004.* Материалы международной научной конференции к 100-летию исследования острова Березань Э. Р. фон Штерном. Николаев, 2004.
- В. А. Ильинская.* Скифы днепровского лесостепного левобережья (Курганы Посулья). К., 1968.
- Т. М. Кузнецова.* Торговые или священные пути греков? // *Проблемы скифо-сарматской археологии.* М., 1990.
- Т. М. Кузнецова.* Зеркала Скифии VI–III в. до н.э. М., Индрик, 2002. Т. I.
- В. И. Маньчев, В. В. Назаров, Д. П. Недопако, С. В. Паньков.* Новая находка ручки бронзового зеркала на о. Березань // *Byuysthenika–2004.* Материалы международной научной конференции к 100-летию исследования острова Березань Э. Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 139–170.
- В. В. Назаров.* Культурная жизнь Березани // *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции.* СПб., 2006. Т. 1.
- В. В. Назаров, А. Г. Кузьмищев.* К проблеме интерпретации одной позднеархаической полужемлянки на о. Березань // *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников.* Материалы международной научной конференции. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005.
- Ф. Д. Нефёдов.* Отчёт об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведённых летом 1887 и 1888 гг. // *Материалы по археологии восточных губерний, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом.* М., 1899. Т. III.
- С. Я. Ольговский.* Скифо-античная металлообработка архаического времени. Киев, 2005.
- В. М. Скуднова.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // *Культура и искусство античного мира.* Л., 1962. Вып. 3. – (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 7).
- В. М. Скуднова.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- К. Ф. Смирнов.* Савроматы. История и культура ранних сарматов. М., 1964.
- Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России // *Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г.* Пг., 1914. – (МАР № 34).
- T. Gabor.* Skutha leletek. Erdélyi skutha tükrök // *Archaeologiai Ertesitő.* Budapest, 1913. Т. XXXIII.
- M. Párducz.* Scythian mirrors in the Carpatian basin // *Swiatowit.* Warszawa, 1960. Vol. XXIII.

А. Г. Кузьмищев

Скарабей, найденный на о. Березань

Среди археологических находок, проливающих свет на внешнеторговые отношения и духовный мир жителей Березанского поселения в античную эпоху, представляют несомненный интерес пронизи в форме скарабеев, созданные из т.н. «египетского фаянса», которые относятся преимущественно к архаическому периоду существования поселения.

Согласно мнению М. В. Скржинской, в рассматриваемый период скарабеи выполняли, по-видимому, «функции не столько украшений, сколько амулетов от дурного глаза, болезней и прочих напастей, были своеобразной сакральной защитой, отвращающей те или иные злые силы» (Скржинская. 1986. С. 121).

С самого начала планомерных раскопок на некрополе о. Березань, которые проводились Г. Л. Скадовским в 1900–1901 годах, в погребениях было обнаружено 7 скарабеев и скарабеоидов, причем исключительно в детских погребениях (Большаков, Ильина. 1988. С. 62). Их опубликовал в 1911 году Б. А. Тураев (Тураев. 1911. С. 118–120). В 1988 году вышла статья А. О. Большакова и Ю. И. Ильиной, посвященная скарабеем с о. Березань (Большаков, Ильина. 1988. С. 51–67). В ней вводились в научный оборот и были всесторонне изучены вновь найденные образцы, а также пересматривались скарабеи, изданные Тураевым. В 1993 г. была напечатана статья С. Б. Охотникова и А. С. Островерхова, которая касалась пересмотра экземпляра, введенного в научный оборот Б. А. Тураевым (Охотников, Островерхов. 1993. С. 69–74). Продолжаются находки скарабеев и сейчас. Один из последних был найден экспедицией ИА НАН Украины под руководством В. В. Назарова в 2003 году.

Скарабей (инв. № АБ-2003/479) был обнаружен на участке «Т» (Теменос) в широком углублении внутри полуземлянки овальной в плане формы. Размеры землянки: 4,00 x 3,25 м, глубина от уровня полки – 0,70–0,88 м. Размеры углубления: 1,90 x 1,70 м, глубина 0,43–0,47 м. Землянка была, скорее всего, связана с железоделательным производством (рис. 1. Манычев, Назаров, Недопако, Паньков. 2004. С. 35–41; Назаров, Кузьмищев. 2005. С. 178–180). Размеры скарабея: длина – 15 мм, ширина – 9 мм. Фаянс, из которого изготовлен скарабей, песчано-желтого цвета, хрупкий, мелкозернистый. На оборотной стороне изображено животное, напоминающее гепарда, с небольшим кругом – знаком солнца – над ним.

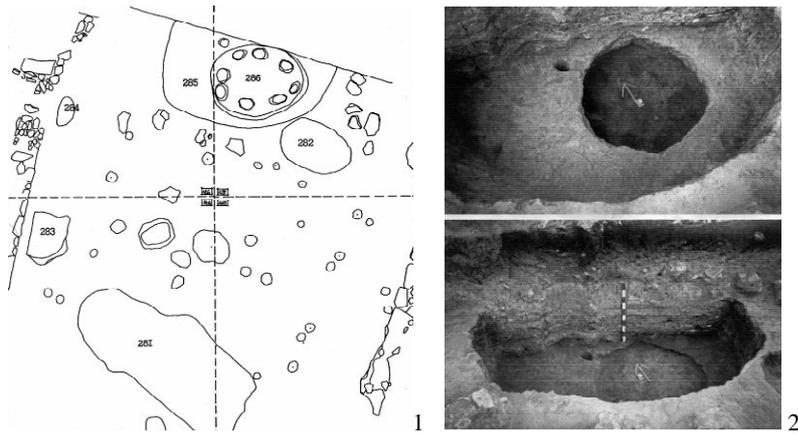

Рис. 1. 1 – Березань. Участок «Т». Общий план раскопа 2003 г. 2 – Вид ям 285 и 286 с остатками горна.

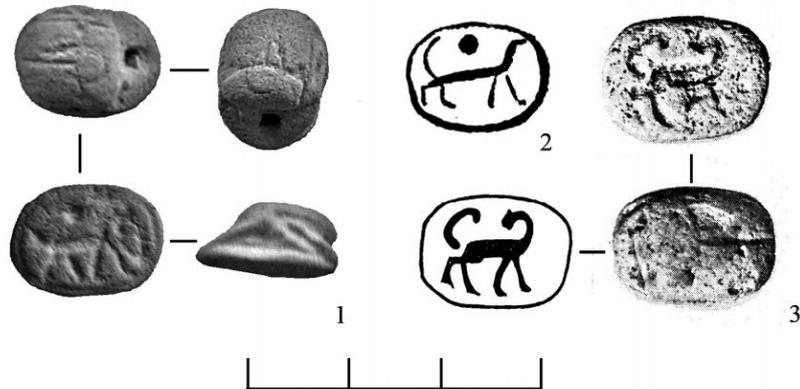

Рис. 2. 1 – Скарабей из раскопок на о. Березань 2003 г. (АБ. 2003. № 479); 2 – Скарабей из раскопок Навкратиса (по: Petrie. 1886); 3 – Скарабей из раскопок на о. Березань 1973 г. (по: Большаков, Ильина. 1988)

В представлении египтян многие звери были наделены мистической силой и воплощали то или иное божество. Соответственно, изображение животного на скарабее должно было охранять его владельца от злых сил и несчастий. Вероятно, это изображение представляет со-

бой энigmatическое написание имени «Амон-Ра» (Большаков, Ильина. 1988. С. 54–55).

Среди березанских скарабеев, наиболее похожим на публикуемого здесь, является образец из раскопок Л. В. Копейкиной с участка «Г» (инв. № Б. 73/439), опубликованный А. О. Большаковым и Ю. И. Ильиной под № 5, и по сопутствующему материалу датирующийся серединой – третьей четвертью VI в. до н.э. (Большаков, Ильина. 1988. С. 55). Следует отметить, что он был обнаружен в полуземлянке, которая предшествовала каменному домостроительству на поселении (Большаков, Ильина. 1988. С. 64), и, соответственно, относилась к т.н. I строительному периоду.

Тем не менее, наиболее близкие аналогии публикуемому скарабею прослеживаются в материалах Навкратиса (Petrie. 1886. P. 36–38). Ф. Петри обнаружил мастерскую в юго-восточной части этого города. Согласно сопутствующему инвентарю, она выпускала мелкие фаянсовые предметы – скарабеи, плакетки с лежащими львами, головы баранов и другие изделия. Но преобладали именно изображения священного жука, отчего весь слой с этими находками Ф. Петри назвал «слоем скарабеев». Слой был желтоват от отходов, содержал не только изделия, но и массу форм, в которых они оттискивались. Здесь было найдено 678 различных форм для изготовления скарабеев. Ф. Петри датировал открытый им «слой скарабеев» первой четвертью VI в. до н.э. Также он отметил, что аналогичные вещи были найдены в могилах на о. Родос, и считал их привезенными из Навкратиса (Petrie. 1886. P. 71).

Первым версию о том, что березанские скарабеоиды были изготовлены в Навкратисе, высказал Б. А. Тураев на основании аналогий, найденных в опубликованных Ф. Петри экземплярах (Тураев. 1911. С. 120). Действительно, абсолютное большинство скарабеев и других фигурных изделий из «египетского фаянса» с поселения на о. Березань и Ольвии имеют практически точные копии в Навкратийской коллекции. Еще один довод, возможно, в пользу данной версии заключается в том, что Навкратис, точно так же как Березанское поселение и Ольвия, являлся милетской колонией.

Кроме того, керамическая продукция, обнаруженная в Навкратисе – фрагменты киликов, кратеров, тарелок, также зачастую идентична тому, что обнаруживается на Березанском поселении. Это предметы не только навкратийской керамической продукции, но и других центров, что свидетельствует о единых культурно-исторических традициях милетских колоний.

Ф. Петри считал, что изготовление «египетского фаянса» находилось в руках греков-ремесленников, которые наследовали греческие традиции (Petrie. 1886. P. 36–37). В свою очередь А. О. Большаков считает, что производством скарабеев могли заниматься и египетские мас-

тера, причем не только в Навкратисе, чем объясняется осмысленность надписей на многих энигматических скарабеях (Большаков, Ильина. 1988. С. 61–62).

Тем не менее, нельзя полностью отказываться от версии о существовании других поставщиков скарабеев и прочих изделий из «египетского фаянса» на о. Березань и в Ольвию. Возможно, в то же самое время, что и производство в Навкратисе, существовали вне Египта подражания маленьким египетским глазурованным амулетам. Есть свидетельства, что их копировали на территории современной Испании (Алексеева. 1975. С. 25). Вряд ли их привозили в Понт Евксинский отсюда, но нельзя полностью исключить предположение, что подобные центры подражания египетским фаянсам могли находиться как на южном побережье Черного моря, так и на территории Малой Азии в целом.

Литература

- Е. М. Алексеева.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.
- А. О. Большаков, Ю. И. Ильина.* Египетские скарабеи с острова Березань // ВДИ. 1988. № 3.
- В. И. Манычев, В. В. Назаров, Д. П. Недопако, С. В. Паньков.* Новая находка бронзового зеркала на о. Березань // BORYSTHENIKA-2004. Николаев, 2004.
- В. В. Назаров, А. Г. Кузьмищев.* К проблеме интерпретации одной позднеархаической полуземлянки на о. Березань // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- С. Б. Охотников, А. С. Островерхов.* Скарабеоид с Березани // Краткие сообщения Одесского Археологического общества. Одесса, 1993.
- М. В. Скржинская.* Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Сборник научных трудов. К., 1986.
- Б. А. Тураев.* Скарабеи с острова Березани. // ИАК. 1911. № 40.
- F. Petrie.* Naukratis. L., 1886.

А. К. Каспаров

Новые результаты исследования фаунистических материалов поселения на острове Березань

Остров Березань располагается примерно в полутора километрах от берега в устье Днепро-Бугского лимана, напротив курортного поселка Рыбаковка. Слои памятника датируются временем с рубежа VII–VI в. до н.э. по вторую четверть V в. до н.э., когда поселение на острове

прекращает свое существование как крупный поселок (Соловьев. 1993). Березанское поселение, по мнению многих авторов не было обычным сельскохозяйственным пунктом. Вероятнее всего оно играло некую посредническую функцию в торговле греческой метрополии с варварским населением и кроме того было центром металлургического производства, продукция которого отправлялась на родину (Даманский, Марченко. 2007). Вероятно такой, не совсем обычный, статус поселения обусловил некоторые специфические черты его хозяйства, о которых речь пойдет ниже.

В настоящей работе описываются материалы, полученные в ходе работы экспедиции Государственного Эрмитажа в 2008 году, под руководством Д. Е. Чистова. В культурных слоях были обнаружены многочисленные кости животных. Всего их было просмотрено 10214 штук, из которых определимыми оказалось 6473. Фаунистические остатки из поселения Березань уже упоминались в некоторых фаунистических работах (Журавлев. 1983; 1983а; 1990). Однако здесь Березанские материалы не исследовались специально, а привлекались в основном для сравнения, описывалась лишь структура костной коллекции в разные периоды, а морфологические характеристики основных видов домашних животных, сезонность обращения со стадом и возрастной состав остатков не упоминались. В настоящей небольшой работе остеологические материалы с поселения на острове Березань описываются более подробно.

Фаунистические остатки содержат остатки следующих видов: обыкновенной лисицы *Vulpes vulpes L.*, льва *Panthera leo L.*, зайца *Lepus europaeus Pallas, 1778.*, дикого кабана *Sus scrofa ferrus L.*, благородного оленя *Cervus elaphus L.*, лошади *Equus caballus L.*, коровы *Bos taurus L.*, овцы *Ovis aries L.*, козы *Capra hircus L.*, свиньи *Sus scrofa domestica L.*, собаки *Canis familiaris L.*, дельфина *Delphinidae sp.*, птиц *Aves sp.* и рыб *Pices*. В таблице 1 приводится количество костей и особей для каждого вида.

Мелкий рогатый скот. Можно видеть, что мелкие полорогие доминируют среди остатков домашних животных. Как правило, овцы и козы были наиболее многочисленными домашними животными в эллинистических и раннесредневековых поселениях Причерноморья. Они составляли основу мясного питания для небогатых обитателей региона. В пищу, несомненно, могло использоваться также и молоко. Козы в стаде мелких полорогих составляли примерно 30%.

Говоря о морфологии овец Березани в первую очередь следует обратить внимание на то, что в среднем особи здесь были заметно крупнее чем, например на Боспоре в тот же период. Так, длина таранной кости овец Березани составляет в среднем 33,5 мм ($N = 22$; $\text{lim } 30,0 - 37,3$; $\sigma = 1,7$), аналогичный показатель на Мирмекии для овец VI–V в.

до н.э. составляет лишь 29,7 (N = 10, lim 26,3 – 34,6, $\sigma = 2,8$). Даже овцы Ольвии оказываются несколько меньше. Средняя длина таранной кости здесь 32,1 мм. (N = 14). Однако эти материалы датируются весьма широко – с IV по II в. до н.э. (Журавлев. 1980).

Промеры передних метаподий овец приведены в Таблице 2. Судя по длине передних метаподий (Цалкин, 1961), высота в холке овец на поселении колебалась от 68 до 72 см. На Боспоре, у овец из памятника Мирмекий средняя длина передней метаподии составляет 122 мм (N = 6) Таким образом, их высота в холке составляла только 59 см или чуть больше. Находки, исследованные В. И. Цалкиным (1960) имеют примерно такой же диапазон датирования, как и данные по Ольвии, то есть с IV по II в. до н.э. Он приводит среднюю длину передних метаподий овец Северного Причерноморья 123,7 мм. (lim 107,0 – 144,0; N=69) Как видим, овцы Березани и здесь оказываются заметно крупнее. По своим пропорциям передние метаподии их практически идентичны таковым древних болгарских овец. Средняя длина пястей у этой породы составляет 146,4 мм, (lim 133,0 – 152,0; N = 16), а индекс ширины диафиза (в %) 11,2 (Цалкин. 1958). На нашем памятнике и пределы изменчивости общей длины пястей, и средняя дна их абсолютно такие же (таблица 2). Средний индекс ширины диафиза у наших находок так же 11,2.

Козы Березани не так сильно отличаются по величине от коз Восточного Крыма, однако и у них длина таранной кости в среднем чуть больше: 30,6 мм (N= 10; lim 25,6-34,3; $\sigma = 3,0$). На Мирмекии у коз того же периода – 29,8 мм (N = 9; lim 27,2 – 31,7; $\sigma = 1,7$).

Остатки мелких полорогих составляют больше половины всех определимых костных остатков, поступивших из слоев Березанского поселения (60,4%). Примерно такие же данные приводят и другие исследователи. По данным О. П. Журавлева (1983), мелкий рогатый скот составлял на Березани среди находок их слоев VI–V вв. до н.э. – 58,2%. Очевидно, что баранина и козье мясо были основным мясным питанием обитателей поселения. Анатомический состав коллекции по мелким полорогим приведен в таблице 3. Представив эти данные на графике (рис. 1), можно видеть, что помимо обломков черепа, ребер и метаподий, мелкий рогатый скот представлен в достаточном количестве и фрагментами ценных в пищевом отношении частей туши: лопаточно-плечевой и тазовой областями, обломками бедра, верхней частью голени. Сравнивая анатомическую ситуацию по мелкому рогатому скоту на Березани с таковой в Ольвии (Журавлев. 1980), можно видеть, что структура обеих коллекций почти одинакова. В Ольвии несколько выше процент обломков предплечья, большой берцовой кости и метаподий. Однако, учитывая, что фаланги и ребра овец и коз в Ольвии почему-то не подсчитывались, можно предполагать, что доля предплечья, голени и метаподий несколько выше просто потому, что фаланги и

ребра, эти довольно многочисленные кости, в расчет не принимались. Так что структуру обеих коллекций можно считать почти идентичной. При этом следует помнить, что Ольвия – крупный полис, жители которого, вероятно, не занимались скотоводством в больших объемах, приобретали мясо у окрестных пастухов или, во всяком случае, не содержали своих овец непосредственно в городе, а получали продукцию в виде готовых порционных кусков.

Таким образом, если предполагать, что мелкий рогатый скот на Березанском поселении – это результат не местного животноводства, а товарообмена, то вполне логично предполагать, что за свои товары жители поселения требовали от варваров высокую цену, выбирая взамен лучших особей из стада, наиболее крупных и упитанных. Это и создало некоторое увеличение средних размеров домашних овец на поселении Березань. В Ольвии же объемы торговли были, конечно, гораздо больше и особенной избирательности, вероятно, не было. К тому же ольвийские материалы принадлежат более позднему периоду. Овцы к этому времени могли стать мельче.

Козы, возможно, использовались, главным образом, как источник молока или шерсти и потому эксплуатировались продолжительное время, частично разводились на поселении и поэтому эта закономерность у них почти не выражена. Судя по тому, что остров по своим размерам не велик, возможности выпаса мелкого рогатого скота в непосредственной близости от города были крайне ограничены. Однако, по мнению большинства исследователей, в середине первого тысячелетия до н.э. остров был связан с материком и существовала возможность сухопутного прохода на него с берега (Долуханов. 2007, Назаров. 2003).

Среди остатков каприн было обнаружено некоторое количество нижних челюстей полувзрослых животных, где третий нижний молочный зуб еще не выпал. По степени стертости его было установлено, что большинство животных (45 из 51 экземпляра) погибло в течение первого года жизни. Сезон смерти оказывается растянут практически на все сезоны года, однако наибольшее количество животных погибло в течение зимы или поздней осени (рис. 2).

Среди костей овец и коз основную часть составляют остатки взрослых животных – 82,1%. 17,6 % остатков принадлежит животным не достигшим зрелости, а остатки явно старых особей составляют всего 0,1%. Такая ситуация бывает в том случае, когда животные преимущественно забиваются на мясо.

Нет избирательности и в том правую или левую сторону туши использовать для изготовления костяных орудий и готовки. Соотношение право- и левосторонних костных фрагментов здесь практически одинаково.

Корова. Остатки коровы занимают по численности на памятнике второе место. Ей принадлежит 24,3% определимых костных остатков. В принципе, это говорит о том, что обитатели поселения Березань питались неплохо, т.к. говядина котировалась выше баранины и конины и в основном служила пищей состоятельным обитателям поселений. Весьма показательно, например, что на памятнике Генеральское-Восточное (IV–III в. до н.э., район г. Керчь) которое, по мнению археологов, являлось каким-то локальным центром царского землевладения, богатой загородной виллой, где совершались, помимо всего прочего еще и какие-то ритуальные действия и трапезы (Масленников. 2007), остатки коровы составляют 40,2% от всего материала и она там наиболее многочисленный вид. На прочих сельских поселениях и в городах в Восточном Крыму в это же время доля остатков коровы не бывает выше 28%. Остатки коровы становятся более многочисленными в первые века нашей эры, когда система земледелия становится двупольной, но даже в это время выше 40 % не поднимается.

Так же как и в случае с овцами обращают на себя внимание довольно крупные размеры некоторых коров Березани, по сравнению с коровами, например восточного Крыма. Как и в случае с мелким рогатым скотом, для оценки общих размеров животных была использован астрагал, как кость, достаточно часто остающаяся в целости. Средняя длина таранных костей коров Березани составляет 65,4 мм (lim 54,4 – 74,2; N = 28). Для крупного рогатого скота эллинистического времени Северного Причерноморья эта величина равна лишь 62,3 мм (lim 52,0 – 74,0; N = 749) (Цалкин. 1960). Однако на Мирмекии длина астрагалов крупного рогатого скота в слоях VI–V в. до н.э. 66,7 мм (N = 5). Тем не менее, среди Березанских материалов несомненно наличие остатков отдельных, очень крупных животных. Достаточно сказать, что ширина нижнего блока плечевой кости достигает здесь 89,4 мм. Максимум для коров эллинистического времени Северного Причерноморья – 89,0 мм (Цалкин. 1960). Таким образом, в целом, размеры коров на Березани достаточно стандартны для позднеархаического времени в регионе, однако среди них изредка попадаются отдельные очень крупные особи. С другой стороны, наличие в материале остатков очень старых особей говорит о том, что коров (возможно волов) использовали и как тягловый скот, для перемещения с небольшой скоростью достаточно тяжелых грузов. Очень показательными в этом смысле являются пропорции единственной целой передней метаподии коровы на Березани из отложений второй половины VI в. до н.э. По своей величине эта кость вполне стандартна. Ее длина – 188,0 мм. Для коров Ольвии эллинистического времени в среднем длина пясти – 187,5 мм (N = 29) (Цалкин. 1960). Индекс отношения ширины диафиза к общей длине кости здесь тоже вполне стандартен – 17,6 (для Ольвии – 17,2; N = 29) Однако ин-

декс ширины нижнего конца 32,7. Это величина превышает среднее значение для Ольвийского и скифского скота, где эта величина составляет соответственно 31,5 (N = 29) и 31,8 (N = 40). Такое превышение индекса говорит о том, что нижняя часть найденной на Березани метаподии относительно очень широка. Такое расширение нижнего конца происходит тогда, когда кость испытывает большие нагрузки. Например, при пахоте или перевозке тяжестей. Кстати, оценивая эти пропорции по методу O. Wiig (1985), можно предполагать, что данная метаподия принадлежала волу.

Анатомический состав коллекции остатков крупного рогатого скота практически не отличается от такового у мелкого рогатого скота (табл. 3). В целом, доля обломков краниальной области, мелких костей конечностей, метаподий и фаланг, ребер, то есть несъедобных и малосъедобных частей туши у коровы чуть больше. Однако общая структура практически одинакова (рис. 3).

Возможно, эти мелкие отличия вызваны тем, что, в отличие от овец, некоторая часть быков (волов?) была тягловыми животными.

Молодым особям принадлежит 12,3% остатков, взрослым 86,8%, старым 0,4%. Последний показатель превышает таковой для коз и овец. Опять-таки это может происходить за счет того, что тягловые быки, которых не забивают на мясо, доживают до глубокой старости. По высоте пяти молочных зубов D₃, было установлено, что эти животные погибли в возрасте до двух лет, причем двое осенью, а три в феврале-мае. Такого небольшого количества материала, конечно, недостаточно, чтобы делать выводы о сезонности забоя коров на Березани.

Лошадь. Остатков лошадей было обнаружено сравнительно немного. Ее остатки составляют всего 2% определимых костных остатков. Такая небольшая величина вызывает удивление. Однако другие авторы, исследовавшие березанские находки, приводят похожую величину – 1,9% для слоев VI–V в. до н.э. (Журавлев. 1983). В Ольвии, в слоях VI в. до н.э. остатки домашней лошади тоже не велики, хотя и больше чем на Березани – 2,1%. В материалах V–IV в. до н.э. эта величина составляет 3,5%, в отложениях IV–II в. до н.э. – 8,2%, а в римское время, во II – III в. н.э., уже 13,9%. Как видим значение коня в хозяйстве древних обитателей региона со временем неуклонно возрастало.

В этой связи следует упомянуть, что в Восточном Крыму в это время количество остатков лошади несколько больше. На городище Мирмекий в слоях VI–V в. до н.э. ей принадлежат 6,5% определимых костных остатков. Можно предполагать, что Мирмекий имел больше контактов с местным варварским населением и потому лошадь там была более популярна в повседневном обиходе.

К сожалению, среди этого малого количества остатков лошади не оказалось объектов, пригодных для сколько-нибудь достоверного мор-

фологического анализа. Длина таранной кости у лошадей Березани в среднем равняется 57,1 мм (lim 56,1–58,1; N = 6). Эта же величина для лошадей Северного Причерноморья эпохи эллинизма, приводимая В. И. Цалкиным (1960), составляет 57,04 мм (lim 51,0 – 64,0; N = 106). Таким образом, видно, что лошади Березани вполне укладываются в пределы изменчивости размеров лошадей в регионе и имели в среднем вполне стандартные размеры. Сравнения данных по первым фалангам передних конечностей дает несколько иные результаты. Общая длина этой кости на Березани равна в среднем 86,4 мм (lim 82,1 – 97,0; N = 6), а для эллинистических лошадей Северного Причерноморья – только 85,44 мм (lim 78,0 – 99,0; N = 176). Отношение ширины диафиза первой передней фаланги к ее длине на Березани в среднем 40,9, а у эллинистических лошадей 41,1 таким образом лошади Березани выглядят чуть более грацильными, чем лошади эллинистического времени в целом. Однако эти различия не значительны.

Среди костей лошади 2,2 % несут на себе следы кулинарной разделки. Среди костей коровы таких 2,3%, среди костей мелкого рогатого скота – 2%, а среди костей свиньи – 2,9%. Таким образом, лошадь употреблялась в пищу примерно с такой же интенсивностью, как и другие домашние животные. Конина составляла в рационе древних обитателей поселения меньшую часть просто в силу небольшого количества лошадей в их хозяйстве. К сожалению, исследованные остатки не позволяют ничего сказать ни о сезонности забоя коней, ни о их величине, ни о возрасте смерти молодых животных.

Свинья. Остатки свиньи на поселении немногочисленны. Среди определимых костей это 4,3%. Однако, в Ольвии, в слоях 6 в. до н.э. ее доля еще меньше – 1,0%. Причем примерно такой же процент ее остатков сохраняется там вплоть до римского времени. Лишь во II–III в. н.э. процент остатков домашней свиньи начинает достигать в Ольвии 4,3%. Причем свинья так же немногочисленна и на сельских поселениях Ольвийской округи и эллинистическое время (Бибикова. 1958, Журавлев. 1990). Во всех поселениях, с которых поступили более ли менее обильные костные материалы, ее остатки составляют 1–2%. Таким образом, дело не в том, что Ольвия являлась крупным городским центром, внутри которого содержание свиней было затруднено, а просто в сельскохозяйственной сноровке обитателей. Примечательно, что на поселениях расположенных несколько севернее, остатки свиньи бывают более многочисленны. Так на скифском поселении Трахтемировское городище в среднем Поднепровье остатки свиней составляют уже 19,2%. Можно предполагать, что природные условия в регионе в описываемое время были таковы, что свиноводство в значительных масштабах было затруднено. Хотя дикий кабан в регионе в это время несомненно присутствовал.

В Восточном Крыму на Мирмекии в это же время т.е. в период поздней архаики – ранней классики процент остатков свиньи составляет 7,5%. Это сравнительно очень высокий процент. В окрестных поселениях таких как Порфмий слои (VI–IV в. до н.э.) остатки свиньи составляют 5,3%, а на поселении Заветное 5 (слои V–IV в. до н.э.) – 4,3%. (Каспаров. 2006). Таким образом, большой процент свиньи на Мирмекии обусловлен, вероятно, какими-то местными, вполне конкретными причинами. Свинья в хозяйстве обитателей Северного Причерноморья в доримские периоды везде была немногочисленна.

Основную часть ее остатков (42,8%) составляют на поселении Березань остатки краниальной области. Остальные кости скелета составляют от 3 до 6 процентов. Чуть больше обломков голени и предплечья. Соответственно 8,5 и 11,3 %. Эти части имеют более низкую кулинарную ценность. Такое обилие фрагментов черепа и челюстей можно объяснить тем, что эта область вообще является малоценной в пищевом отношении частью туши. Голова свиньи, где примерно 80% массы составляют массивные кости черепа, в пищу, конечно же, почти не использовалась. Голова, как правило, дает большое количество обломков, которые не шли в кулинарную обработку, а сразу выбрасывались и таким образом захоранивались в культурном слое. Потому при общем незначительном количестве свиных остатков, основную часть их составляют обломки головы.

Челюсти молодых и полувзрослых животных, где смена зубов еще не закончена, можно подразделить на четыре возрастных группы. Первая – это челюсти новорожденных животных, возраст которых меньше месяца. Таких обнаружено 6 штук. Вторая группа – это животные в возрасте до полугода. Таких имеется 12 находок. Третья группа – животные в возрасте примерно 7–9 месяцев. Таких найдено 8 экземпляров. И, наконец, четвертая группа – это экземпляры в возрасте 9–10 месяцев. таких обнаружено только 2. Особей более старшего возраста не встречено, хотя третий молочный моляр у свиней окончательно выпадает в возрасте около полутора лет. Очевидно, основная часть животных забивалась именно в возрасте до 10 месяцев, причем главным образом в возрасте до полугода. Косвенно об этом говорит еще и то, что остатков молодых животных у свиньи на поселении Березань 45% от общего количества. У прочих видов эта доля не бывает выше 17,6%.

Рисунок 1.

**СООТНОШЕНИЕ СКЕЛЕТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СРЕДИ КОСТНЫХ
ОСТАТКОВ МЕЛКОГО РОГАТОГО СКОТА
В ОЛЬВИИ (по Журавлеву, 1980) И НА БЕРЕЗАНЬ**

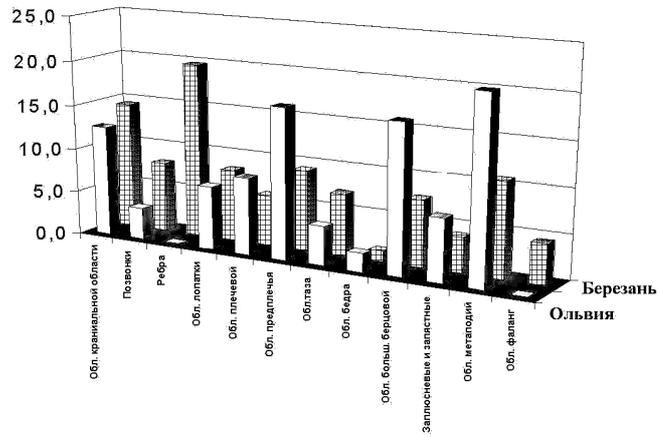

Рисунок 2.

**СЕЗОН СМЕРТИ МОЛОДЫХ ОВЕЦ НА ПОСЕЛЕНИИ БЕРЕЗАНЬ
В 6-5 ВЕКАХ ДО Н.Э.**

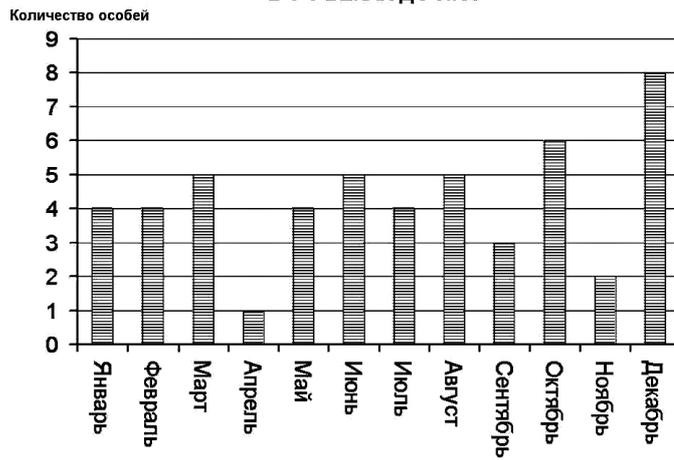

Рисунок 3.

СООТНОШЕНИЕ СКЕЛЕТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СРЕДИ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ КОРОВЫ И МЕЛКОГО РОГАТОГО СКОТА НА ПОСЕЛЕНИИ БЕРЕЗАНЬ

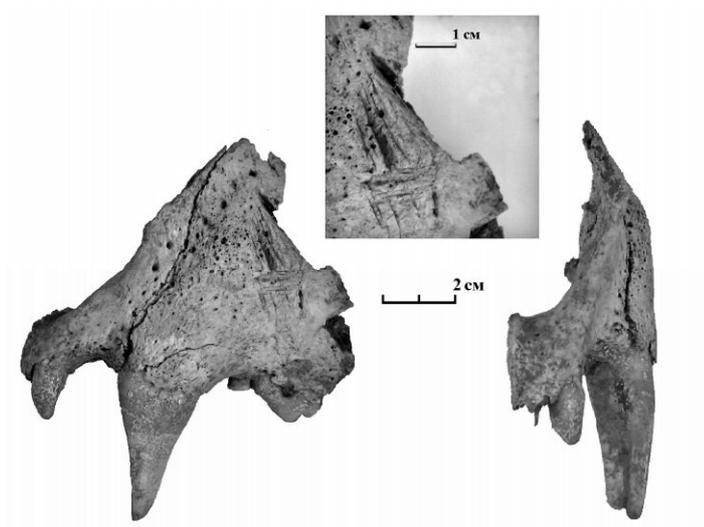
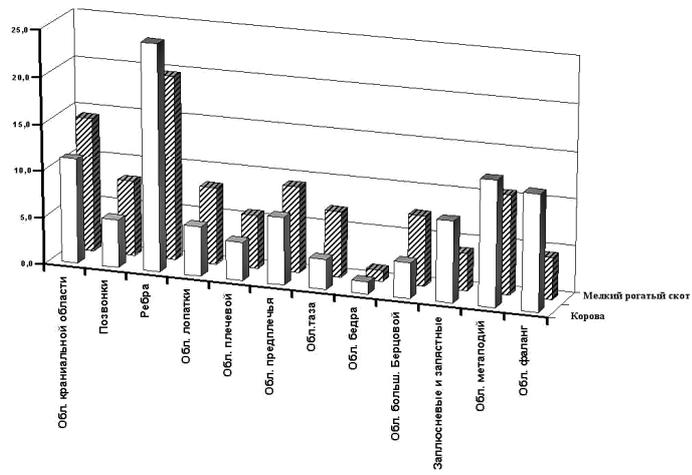

Рис. 4. Фрагмент верхней челюсти льва

Собака. Из всех домашних животных, остатки собаки наименее многочисленны. На поселении Березань остаткам собак принадлежит 0,9% определимых костей. Эти данные согласуются и с ранее опубликованными результатами (Журавлев. 1983; 1990). В самой Ольвии в слоях классического и раннеэллинистического времени доля остатков собак чуть больше – 1,7–4,5 %. В архаических слоях, окружающих Ольвию сельских поселений остатков собак чуть больше: в среднем примерно около 8% (Журавлев. 1990). В сельских селищах костей собак всегда бывает несколько больше.

Некоторые кости на Березанском поселении имеют следы зубов собаки. Таких всего 1,5%. Это вполне согласуется с небольшим количеством собак на поселении. Больше всего погрызенных собакой костей обнаружено среди остатков лошади. Четыре процента ее остатков несут на себе следы собачьих зубов. Среди остатков мелкого рогатого скота и коровы таких остатков лишь по полтора процента.

К сожалению, обнаруженные остатки собак не дают возможности обсуждать ее породную принадлежность. Не было найдено ни одного целого черепа или хотя бы достаточно крупного фрагмента его. В целом видно, что величина собак небольшая – примерно с современную карельскую лайку.

Говоря о собаках Ольвии и окружающих поселений, В. И. Бибилова (1958. С. 154) пишет: «...Во всех поселениях найдены остатки собак разнообразных пород (болонки, таксы, шпицы, борзые и др.)». Учитывая, что речь идет о слоях эллинистического времени, такие определения нельзя не признать слишком смелыми. Сомнительно, чтобы греческие колонисты разводили на своих поселениях такс и болонки. Однако определенную морфологическую разнородность собак следует отметить.

Пропорции семи обнаруженных на Березани нижних челюстей собак заметно различаются. Две челюсти имеют сходные пропорции. Отношение высоты челюсти за M_3 к альвеолярной длине ряда щечных зубов у них составляет 36,5 и 34,8 %. Две другие, будучи несколько меньше по величине, заметно более массивны: у них эти величины равны 39,8 и 40,3 %. Еще две нижних челюсти оказываются относительно тонкими у одного из этих экземпляров этот индекс равен 31,1%, а у другой, очень мелкой и искривленной – 27,8%. Эти собаки очевидно выглядели по разному, однако на наш взгляд это не различные, хорошо сформированные породы, а результаты вырождения и аномалий развития, которые вообще не редки у домашних животных.

Прочие виды. Говоря о прочих видах животных, остатки которых присутствуют в Березанской коллекции, в первую очередь следует упомянуть о левом фрагменте верхней челюсти льва, найденной в контексте ямы 13 а (рис. 4). Материалы отсюда датируются второй поло-

виной VI – началом V в. до н.э. Таким образом, это конец архаического, начало классического периода.

Остатки льва изредка попадались на памятниках Нижнего Поднепровья и Поднестровья и раньше. В. И. Бибилова (1973) описывает одну кость льва из поселения культуры гумельница у города Болград в Одесской области. Эта находка обнаружена в слоях середины IV тыс. до н.э. В материалах поздне трипольского поселения у села Маяки также в Одесской области обнаружено 9 костей крупной кошки, которую она определяет как льва. Памятник датируется серединой III тыс. до н.э. В своей работе В. И. Бибилова подчеркивает, что ландшафтные условия в районе устья Днестра, Днепра и Буга в раннеисторическое и античное время были таковы, что вполне подходили для обитания этого зверя. В. И. Громова (1928), упоминает, что Геродот описывал льва из Македонии в 480 г. до н.э.

Впервые находка фрагмента верхней челюсти льва в Ольвии была сделана в 1911 году, однако точной датировки эта находка не имеет. Затем в 1938 и в 1946 годах на городище были встречены еще около 9 обломков костей этого животного от трёх или четырёх особей. Среди них были и взрослые, и полувзрослые особи (Бибилова. 1958). В 1974 году в Ольвии было найдено еще два фрагмента костей льва. А в землянке 5 века до нашей эры в ольвийском предместье в том же году был обнаружен фрагмент его черепа.

На поселении Березань льва определяли из сборов 1975 и 1976 г., где среди материалов 6 века до н.э. было найдено в общей сложности 4 зуба этого зверя (Журавлев. 1983). Многие исследователи (Громова. 1928; Бибилова. 1973) обращают внимание на то, что лев был весьма небольшого размера по сравнению экземплярами из мест его исконного обитания. Наша находка – не исключение. По своим размерам она занимает промежуточное положение между львом и леопардом. Так, ширина в клыках нашего экземпляра, измеренная по половине черепа равна 70 мм. У льва эта величина составляет в среднем 87,2 мм, у леопарда 68,4 мм (в обоих случаях N = 10).

Однако из Южной Украины и Кубани остатки леопарда так же известны из отложений энеолита и эллинистического времени (Каспаров, Саблин. 2004, Бибилова. 1958, Винокур, Хотюн. 1965). Потому автор допускал мысль, что найденный экземпляр мог принадлежать и леопарду. Никаких существенных пропорциональных различий обнаружить не удалось. Однако по некоторым морфологическим признакам (например, приостренные ребра у краев переднебных отверстий), общей конфигурации симфизной области и некоторым другим, автор так же считает эту находку принадлежащей льву.

Вначале некоторые исследователи высказывали сомнение в том, что остатки льва имеют местное происхождение. Высказывались пред-

положения, что эти хищники были обитателями городского зверинца (Громова. 1928), что кости привезли откуда-то извне в качестве амулетов или редкостей (Топачевский. 1956). Однако к настоящему моменту существование льва в античный период в западной части Северного Причерноморья можно считать доказанным и наш экземпляр представляет из себя хотя и очень редкую, но отнюдь не неожиданную находку. Следует согласиться с В. И. Бибиковой (1973), которая считала, что остатки льва в античных контекстах памятников столь малочисленны потому, что этот хищник вообще был редок в регионе и, кроме того, местное население избегало охотиться на этого сильного и опасного хищника.

Найденный обломок верхней челюсти принадлежит далеко не молодому животному. Центральная вершина второго премоляра заметно сработана, сохранившийся третий левый резец так же имеет заметную, хотя и не большую, фасетку стирания. Клык животного был при жизни обломан и слом успел значительно заполироваться. Ориентируясь на эти признаки, можно очень приблизительно определить возраст животного примерно в 6–8 лет.

Наша находка несет на себе несомненные следы рубки каким-то не очень тяжелым тесаком на уровне второго премоляра (рис. 4). Трудно сказать с какой целью череп подвергся такой разделке. В этой связи следует вспомнить, что на Березани не раз обнаруживали остатки собак со следами несомненной кулинарной разделки (Журавлев. 1983 а). На неолитическом памятнике Мешоко, датированном концом V – началом IV тыс. до н.э., расположенном недалеко от г. Майкоп, была обнаружена дистальная часть левой плечевой кости леопарда со следами разделки по суставам (Каспаров, Саблин. 2004). Таким образом, теоретически можно предположить употребление льва в пищу хотя это и вызывает большие сомнения.

Прочие дикие виды – это заяц, лиса, дикий кабан, определенный по трем очень крупным костям посткраниального скелета и одному обломку очень мощного клыка, благородный олень, представленный обломком рога и дельфин. Все эти виды вполне обыкновенны для памятников региона. Единичность их находок говорит о том, что охота на Березанском поселении практически не практиковалась.

Ничтожное количество костей дельфина говорит о том, что и рыболовство было не очень развито. Дело в том, что остатки дельфинов на античных поселениях являются как правило остатками попавших под водой в рыболовные сети и погибших там животных. Потому количество остатков дельфина может косвенным образом говорить об уровне интенсивности рыболовства. Сравнительно высокий процент рыб в нашей коллекции обусловлен тем, что в контексте ямы 35, датированной концом VI в. до н.э. была обнаружена небольшая западина,

содержавшая почти полторы сотни рыбьих костей. Это несомненно был какой-то конкретный случай употребления в пищу рыб, не отражающий общей тенденции, однако он слегка изменил статистическую картину. Размеры рыб, приблизительно определенные по диаметру средних позвонков колеблются от 55 см до 170 см, однако размеры подавляющего большинства экземпляров находятся между 70 и 80 см. То есть размеры их достаточно крупные. Вероятнее всего, рыбы были морские. Количество остатков птиц невелико, и их определение впереди.

Итак, обитатели поселения на острове Березань практиковали скотоводство в ограниченных объемах, причем основным источником мяса здесь являлся мелкий рогатый скот, в основном овца. В пищу употребляли и корову, мясо которой, видимо, использовалось не так часто, хотя и регулярно. Остатки лошадей говорят о том, что это животное использовали главным образом как транспортное средство, но тем не менее, употребляли в пищу. Лошадь была немногочисленна и потому на поселении использовали быков как дополнительное транспортное средство.

Следы зубов собаки на костных фрагментах говорят о том, что эти животные не содержались в каком-то специальном месте или загоне, а свободно бродили по всей территории памятника. Собака на поселении была немногочисленна. Так же немногочисленна на поселении была и свинья, содержать которую в больших количествах обитатели региона видимо возможности не имели в силу особенностей природных условий и хозяйственных традиций. Сезонность смерти овец и коз говорит о том, что скотоводство, скорее всего, было придомным т. е. стада скота не угоняли хоть сколько-нибудь далеко от поселения. Возможно, что часть мелкого рогатого скота приобреталась для еды у степных скотоводов. В любом случае, дальнейшие исследования добавят новую информацию о хозяйстве древних обитателей памятника.

Таблица 1. Фаунистический состав остеологической коллекции поселения Березань сезона 2008 г.

В И Д Ы	Количество костей	%
Лев	1	0,01
Заяц	6	0,1

Кабан	4	0,04
Благородный олень	1	0,01
Лошадь	132	2,0
Корова	1574	24,3
Овца	962	4,9
Коза	270	4,2
Овца или Коза	2674	41,3
Свинья	280	4,3
Собака	58	0,9
Дельфин	2	0,02
Птицы	61	0,9
Рыбы	430	6,6
И Т О Г О	6473	100
Неопределимых	3741	

Таблица 2. Промеры передних метаподий домашних овец поселения Березань

ПРОМЕРЫ	N	M	lim	σ
Общая длина	5	146,9	139,0–153,0	5,8
Ширина проксимального эпифиза	5	28	26,4–29,2	1,1
Передне-задняя ширина проксимального эпифиза	5	19,7	18,9–20,7	0,8

Ширина диафиза в средней части	5	16,6	15,6–17,8	0,9
Ширина дистального эпифиза	3	29,6	28–31,9	2,0
Передне-задняя ширина дистального эпифиза	4	19,5	18,4–20	0,8

Таблица 3 Процентное соотношение остатков различных частей скелета коров и мелкого рогатого скота в Ольвии и на Березани

Типы обломков	Мелкий рогатый скот		Корова
	Ольвия	Березань	Березань
Обл. краниальной области	12,6	14,4	11,2
Позвонки	3,6	8,0	5,1
Ребра	0,0	19,7	24,3
Обл. лопатки	7,1	8,2	5,3
Обл. плечевой	8,7	5,7	4,1
Обл. предплечья	17,0	9,2	7,2
Обл. таза	4,4	7,0	3,2
Обл. бедра	2,0	1,2	1,3
Обл. больш. берцовой	16,8	7,5	3,8
Заплюсневые и запястные	7,1	4,0	8,7
Обл. метаподий	20,7	10,6	13,5
Обл. фаланг	0,0	4,5	12,4

Литература

- В. И. Бибикова.* Костные остатки льва из энеолитических поселений Северо-Западного Причерноморья // Вестник зоологии. 1973. № 1.
- В. И. Бибикова.* Фауна Ольвии та її периферії за матеріалами розкопок 1935–1948 рр. // Археологічні Пам'ятки. 1958. № 7.
- І. С. Винокур, Г. М. Хотюн.* Скіфський амулет // Археологія. 1965. № 19.
- В. И. Громова.* Лев в Европе в историческое время // Природа. 1928. № 10.
- Я. В. Доманский, К. К. Марченко.* К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // ERXAPIETHPION. Сборник памяти Я. В. Доманского. СПб., 2007.
- П. М. Долуханов.* Березань, Черное море, миграции // ERXAPIETHPION. Сборник памяти Я. В. Доманского. СПб., 2007.
- О. П. Журавлев.* Дрібна худоба елліністичного періоду Ольвії // Археологія. 1980. № 34.
- О. П. Журавлев.* Животноводство охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства (по костным остаткам) // Морфологические особенности позвоночных Украины. Киев, 1983а.
- О. П. Журавлев.* Кісткові рештки ссавців в Ольвії та на Березані (Дослідження 1972–1976) // Археологія. 1983. № 42.
- О. П. Журавлев, Е. П. Маркова, Л. В. Сычева.* К истории животноводства Ольвийской сельской округи // Античные поселения нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев, 1990.
- А. К. Каспаров, М. В. Саблин.* Исследование фаунистических остатков поселения Мешоко на Северном Кавказе // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А. А. Формозова. СПб., 2004.
- А. К. Каспаров.* Остеологические материалы поселения Заветное 5 из раскопок 2003–2004 г. // С. Л. Соловьев, Л. Г. Шенко. Отчет античной комплексной археологической экспедиции. Археологические памятники сельской округи Акры. СПб., 2006. Т. 2.
- А. А. Масленников.* Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007.
- В. В. Назаров.* Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины (памятники античной и средневековой эпох). Киев, 2003.
- С. Л. Соловьев.* О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // Петербургский Археологический Вестник. 1993. № 3.
- В. О. Топачевский.* Фауна Ольвії // Збірник прац Зоологічного Музею АН УССР. Київ, 1956. № 27.
- В. И. Цалкин.* Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61.
- В. И. Цалкин.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53.
- В. И. Цалкин.* Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень МОИП. Отдел биологии. 1961. 66. № 5.
- O. Wiig.* Sexing of subfossil cattle metacarpals // Acta theriologia. 1985. Vol. 30. № 21–31.

В. В. Крапивина, К. Домжалский

Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики

Позднеантичный период истории Ольвии Понтийской относится к последней четверти III–IV вв. н.э. После готского разгрома в 269–270 г. н.э. жизнь здесь прерывается и возобновляется не ранее середины – конца 80-х годов III в. н.э. Находки римских монет этого времени относятся ко времени правления Диоклетиана (284–305 г.) (Карышковский. 1968. С. 178). До недавнего времени этот этап считался наименее изученным в жизни города. Действительно, строительные остатки были сильно разрушены в новое и новейшее время²⁰ и чаще всего просто отмечались исследователями, не подвергаясь тщательному изучению. Тем не менее, определение характера и датировок этого этапа имеет большое значение для понимания особенностей исторического развития всего региона Нижнего Побужья во время поздней античности.

За последних два десятилетия накоплен значительный материал, позволяющий решить вопрос о том, какой была позднеантичная Ольвия. Специальное исследование стало возможным, прежде всего, благодаря широкомасштабным раскопкам, которые проводятся с 1982 г. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии (участок Р-25). Здесь впервые на площади порядка 4000 м² выявлены остатки построек самого позднего периода существования Ольвии. Стратиграфическая ситуация и разные категории находок (монеты, амфоры, краснолаковая керамика, изделия из стекла) позволяют датировать этот период концом III–IV в. н.э.

Следует констатировать, что Ольвия перестала быть центром большой сельскохозяйственной округи. Ее хора существует теперь только в радиусе 5–10 км, остальная территория занята поселениями черняховской культуры, которые появляются здесь, вероятно, немного позднее возрождения жизни на месте Ольвии, как отражение процесса возвращения части северопричерноморских племен, в состав которых входили и готы, после разгрома их войсками Римской империи (Крапивина. 1999. С. 96–97). Из-за сокращения хоры в Ольвии возрастает роль животноводства, ремесел и промыслов. Достаточно важную роль играет торговля, однако в целом количество торговых связей и поступающих товаров сокращается.

Территория собственно Ольвии сократилась незначительно относительно предшествующего периода: это по-прежнему южная часть

²⁰ Они особенно пострадали в результате разборки их при строительстве Очаковской крепости, а позднее – при строительстве с. Парутино.

Нижнего и Верхнего города, за исключением центральной возвышенности (Крапивина. 1984. С. 210–212). Производственно-хозяйственное предместье продолжает существовать в Нижнем городе, функционирует порт (Крыжицкий. 1984. С. 57–63).

В это время Ольвия, скорее всего, не имела оборонительных сооружений, они были разрушены в 269–270 гг. и больше не восстанавливались. Пока это установлено только в отношении юго-восточной части оборонительной стены, располагавшейся вдоль склона к лиману. На ее месте зафиксированы водостоки, а камни пошли на строительство, в частности, наружной стены жилого дома (Крапивина. 2006. С. 181).

Характер строительных остатков конца III–IV в. н.э. свидетельствует о сохранении прямоугольной планировки в пределах отдельных районов города. На территории бывшей цитадели выявлена вымостка Главной улицы города, располагавшаяся на верхней террасе почти параллельно склону. Ее южная часть расширяется в это время и образует небольшую площадь, замощенную каменными плитами и известняковой щебенкой, ограниченную в юго-восточной части бордюрными камнями. В южной части вымостки был найден бронзовый статер Рескупорида V (325/326 г. н.э.). К северу от бывшего здания претория была выявлена поверхность древней грунтовой дороги IV в. н.э. Она перпендикулярна Главной улице, ориентирована по оси запад-восток. Общая раскрытая длина дороги – 15 м., ширина – 7,8–8,8 м. Застройка склона по-прежнему проводилась террасами. В слое конца III–IV в. н.э. прослеживается не менее трех строительных периодов. Дома характеризуются значительной площадью, равнозначной – параллельным принципом планировки, иногда наличием вторых этажей, сочетанием жилых и хозяйственных помещений. Стены обмазывались глинистым раствором, штукатурились, в интерьере могли использоваться небольшие колонны и мраморные облицовочные плиты. Крыши были в основном черепичными. Дворы обычно вымощены камнем, имеют водостоки и водосборные колодцы, изредка – прямоугольные в плане алтари (Крапивина. 2006. С. 181–185).

Работы в Нижнем городе на участке НГФ-СВ выявили наличие в слое конца III – третьей четверти IV в. н.э. не менее двух строительных периодов. Раскрыта площадь IV в. н.э. с системой водостоков различной конструкции (каменных и черепичных), с водосборными и даже «смотровым» колодцами, препятствовавшими попаданию воды на нижнюю террасу (ныне обрушившуюся в лиман). О существовании, по крайней мере, еще одной террасы в данном месте свидетельствует подпорная стена, обнаруженная к северо-востоку. В юго-западной части участка продолжали использоваться два помещения дома II–III в. н.э. значительной площади (Крапивина и др. 2002).

Почти все металлообрабатывающие мастерские конца III–IV в. н.э. выявлены на территории бывшей цитадели города. В настоящее время их известно четыре. Лучшей сохранностью отличается мастерская, исследованная Ф. М. Штительман (Штительман. 1955. С. 62–63). К югу от двухэтажного дома, раскрытого в северо-западной части участка Р-25, была исследована еще одна большая мастерская IV в. н.э. Она отделялась от дома переулком, вымощенным камнем, позднее была перекрыта вымосткой улицы (Крапивина, Буйських. 2004). К востоку от этой мастерской, в помещении дома IV в. н.э. были раскрыты остатки небольшого глинобитного гончарного горна прямоугольной в плане формы с подпорным столбом по центру. Горн был заполнен золистым грунтом с обломками сероглиняной и серолощеной керамики, пирамидальных грузил, черепицы, вальков зеленой лиманной глины. Недалеко от горна, на уровне пола, была выявлена форма для изготовления терракот (Крапивина. 2006. С. 186).

Итак, на основании исследований, проведенных в Верхнем и Нижнем городе Ольвии, можно констатировать, что в планировке и строительной технике зданий конца III–IV в. н.э. сохраняются античные традиции, а некоторое ухудшение качества строительства является, вероятно, следствием экономических причин. Интересно появление на последнем этапе жизни Ольвии новых улиц и площадей (Крапивина. 2006. С. 188).

Следует отметить, что материальная культура Ольвии в целом остается античной, хотя материалы этого времени по численности значительно уступают предшествующему периоду I–III в. н.э. Амфоры IV в. н.э. представлены четырьмя основными типами. Наиболее многочисленны два из них: 1) тип Зеест, 100 (Зеест. 1960), Абрамов, 7.1–7.2 (Абрамов. 1993); 2) тип Шелов, Е (Шелов. 1978), Зеест, 104, Абрамов, 7.6–7.7. Эти типы амфор сосуществовали в Ольвии и были найдены вместе как в слоях Верхнего города, так и Нижнего. Амфоры типа Шелов, F немногочисленны и найдены также вместе с вышеуказанными типами амфор. Все эти амфоры производились в центрах Южного Причерноморья. Еще два основных типа амфор, однако, менее многочисленные, представлены красноглиняными экземплярами: 3) тип Зеест, 96, 97, Абрамов, 7.21–7.23; 4) тип Абрамов, 7.32–7.34. Они могли производиться на Боспоре (Крапивина. 2006. Р. 21–22).

Краснолаковая керамика позднеантичного времени до сих пор специально не изучалась, находки ее были немногочисленны и были представлены только отдельными формами (Крапивина. 1993. С. 109–110, тип 136, рис. 48.15–16; тип 14а, рис. 48.21; тип 14б, рис. 48.19).

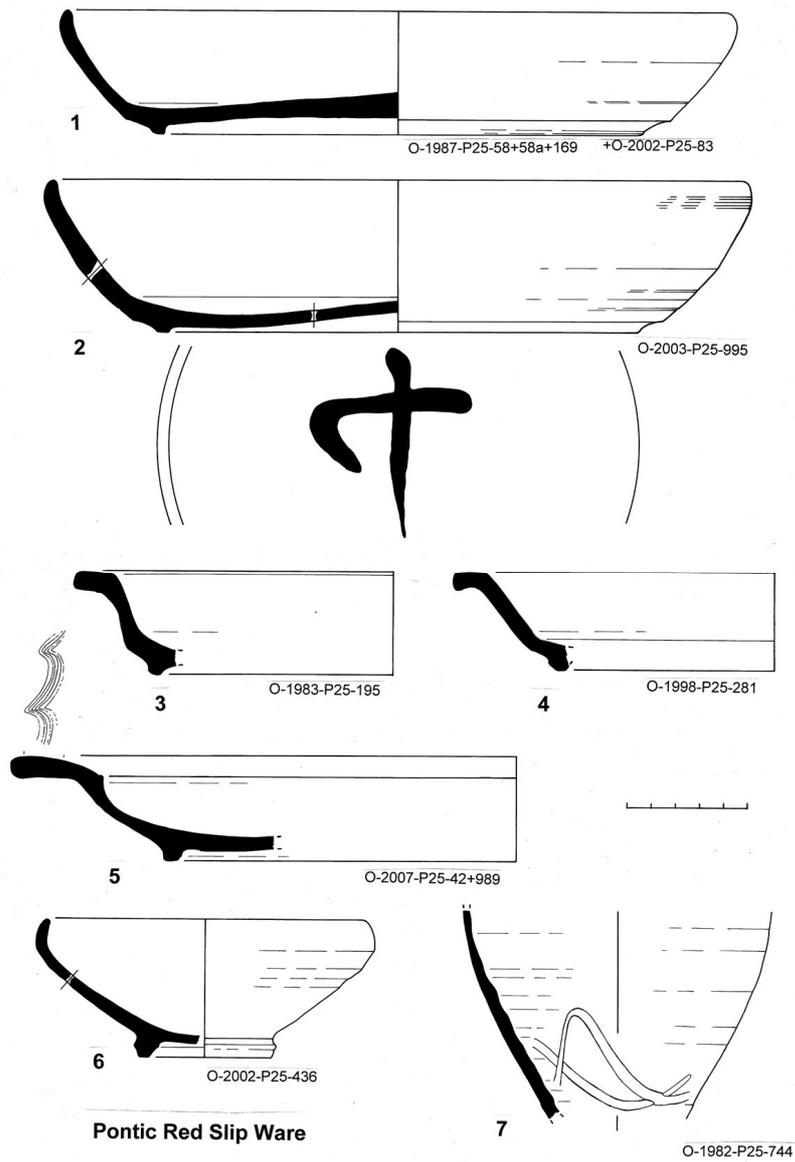

Рис. 1. Позднеримская понтийская краснолаковая керамика (PRS): 1, 2 – форма 1А; 3, 4 – форма 2; 5 – форма 3; 6 – форма 4; 7 – кувшин

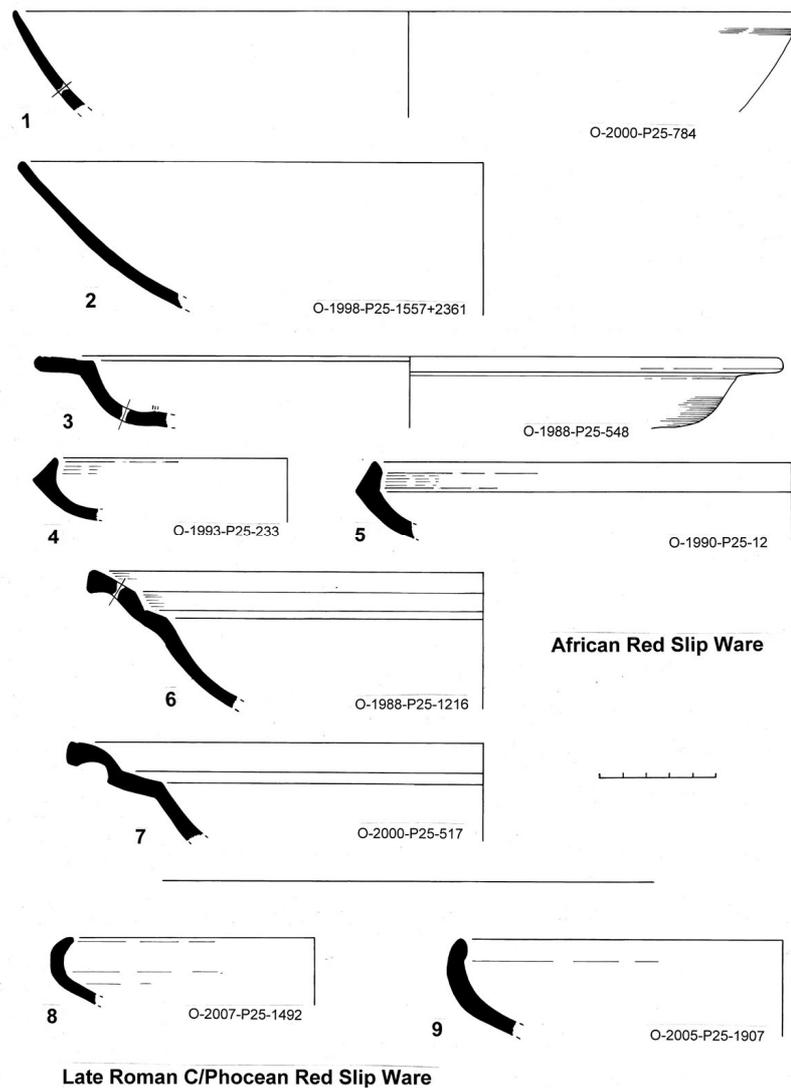

Рис. 2. Позднеримская североафриканская краснолаковая керамика (ARS): 1 – форма 50А; 2 – форма 50В; 3 – форма 59В; 4, 5 – форма 61А; 6, 7 – форма 67. Позднеримская С/фокейская краснолаковая керамика (LRC/PhRS): 8 – форма 1А; 9 – форма 1В

Однако за последние годы накоплен значительный материал, нуждающийся в специальном изучении. В 2006–2007 г. проведено исследование всех находок краснолаковой керамики, найденной на участке Р-25, с первоначальной целью идентификации тех сосудов, которые относятся к вышеупомянутому самому позднему периоду существования Ольвии²¹.

В фондах НИАЗ «Ольвия» хранится около 10000 т.н. диагностических фрагментов краснолаковой керамики, датируемых ориентировочно второй половиной II в. до н.э. – первой половиной V в. н.э. Материал этот очень фрагментирован, однако встречаются отдельные почти целые сосуды и большое количество профильных фрагментов. Среди этого материала выявлено почти 200 фрагментов (около 2% всего объема краснолаковой керамики), которые можно определить как принадлежавшие известным группам позднеимской (позднеантичной) краснолаковой керамики: понтийской (Pontic Red Slip Ware – PRS), североафриканской (African Red Slip Ware – ARS) и т.н. позднеимской С или фокейской (Late Roman C/Phocian Red Slip Ware – LRC/PhRS).

Большинство этих сосудов (165 фрагментов, свыше 82%) принадлежит к понтийской группе (PRS). Они производились в пока неустановленном центре, который находился где-то в черноморском регионе и их распространение не выходит далеко за рамки Понта Эвксинского (Arsen'eva, Domžalski. 2002. P. 422–428). Самые многочисленные находки этой керамики известны в юго-западном Крыму, на Боспоре, на восточном побережье Черного моря и в Танаисе. В Западном Причерноморье известны до сих пор единичные находки этих сосудов (дельта Дуная и отдельные памятники южной границы черняховской культуры). Сосуды группы Pontic Red Slip Ware пока не найдены в Эгейском бассейне и дальнейшем Средиземноморье. Хотя пока их датировка предварительная и для ее уточнения нужны дополнительные исследования, тем не менее, основные ее рамки и этапы типологического развития выделенных форм известны достаточно надежно (Arsen'eva, Domžalski. 2002. P. 422–428. Fig. 5–13, 20–24). Понтийские сосуды появляются во время стабилизации экономической ситуации Римской империи при Константине. Наиболее ранние находки можно датировать второй четвертью IV в. Расцвет производства этой керамики приходится на конец IV – первую половину V в. Со второй половины этого столетия начинается постепенный упадок производства, а последние

²¹ Работы проводились авторами этой статьи в рамках совместного проекта *Эллинистическая и римская керамика в Ольвии и в Северо-Западном Причерноморье* Института Археологии Национальной Академии Наук Украины в Киеве и Института Археологии и Этнологии Польской Академии Наук в Варшаве.

понтийские сосуды в широкой торговле существовали до первой четверти – середины VI в.

В Ольвии найдены формы сосудов Pontic Red Slip Ware, которые можно датировать IV в. или рубежом IV–V вв. Самая распространенная форма (больше 100 фрагментов) – это большое блюдо формы 1 – вариант с сужающимся краем (1А) (рис. 1, 1–2). Кроме нее найдено больше 20 фрагментов блюд формы 2 с узким, отогнутым краем (рис. 1, 3–4). Обе эти формы, синхронные, были лишены какого-нибудь украшения. Крайне редко на этих ранних сосудах встречаются дипинти (рис. 1, 2), но они не имели декоративного характера. Самая поздняя форма PRS, присутствующая в Ольвии, это очень большое блюдо с широким отогнутым краем – форма 3 (рис. 1, 5), которая является типологическим развитием вышеупомянутой формы 2. Находки этой формы немногочисленные – всего немного больше 10 фрагментов. На внутренней стороне краев этих сосудов и доньев отмечены отдельные случаи украшения волнистыми, концентрическими линиями, выполненными расческовидным инструментом по сырой глине. Кроме этих форм больших сосудов, которые составляли основную массу понтийского производства, отмечены также немногочисленные находки малых мисок формы 4 (рис. 1, б) и закрытых сосудов, скорее всего кувшинов (рис. 1, 7). Миски лишены орнаментации, но один фрагмент кувшина украшен в нижней части мотивом волнистой линии, исполненной остроконечным инструментом.

Вторую по количеству находок группу позднеимских краснолаковых сосудов (около 12% всего объема изучаемого материала) составляют в Ольвии изделия североафриканских мастерских, которые находились на территории современного Туниса – это сосуды группы African Red Slip Ware (Hayes. 1972. P. 13–299; Hayes. 1980. P. 484–523; Bonifay. 2004. P. 45–65, 154–211). Эту керамику производили со второй половины I в. н.э. до конца VII в. н.э. Однако самое широкое распространение, охватившее дальние регионы Римской империи на трех континентах, она получила в позднеимское время – от IV в. до начала VII в. В Ольвии единичные североафриканские сосуды появились уже в раннеимское время, свидетельством чего является фрагмент миски формы Hayes 9A, датированной первой половиной II в. Но самые популярные сосуды – это позднеимские блюда форм Hayes 50A–B (рис. 2, 1–2), 59B (рис. 2, 3), 61A (рис. 2, 4–5) и 67 (рис. 2, 6–7), датируемые широким промежутком времени – в основном IV, а также первой половиной V в. Они иногда украшены штампованным орнаментом на дне в виде концентрических, геометрических композиций. Находки этой керамики известны также на других памятниках Причерноморья, в том числе и в Танаисе (Arsen'eva, Domžalski. 2002. P. 433–435. Fig. 19, 648–652).

Самую малочисленную группу позднеримской керамики найденной в Ольвии (около 5%) составляют сосуды восточноэгейской группы, называемой Late Roman C или Phocean Red Slip Ware, основные мастерские которой работали в Фокее со второй половины IV в. до примерно середины VII в. (Hayes. 1972. P. 323–370; Hayes. 1980. P. 525–527). Распространение фокейских сосудов можно сравнить только с распространением североафриканской керамики. Они преобладают скорее в восточной части позднеримской империи, особенно в Эгейском бассейне, в Причерноморье и в Восточном Средиземноморье. Единичные находки фокейских сосудов известны также в Западном Средиземноморье и даже на атлантическом побережье римских провинций. Производство этих мастерских продолжала гончарные традиции производства красного лака пергамского региона (включая Чандарли) в позднеэллинистических и раннеримских временах, а также традиции производства раннеримской кухонной керамики в самой Фокее.

В Ольвии известны фрагменты сосудов самой ранней серии фокейского производства: миски формы 1A–B (рис. 2, 8–9), датируемые суммарно второй половиной IV – первой половиной V вв. Отсутствие фокейских сосудов форм 1D/2A, 2 и 3, торговля которыми активно развивалась не раньше V в., и которые найдены в больших количествах на других причерноморских памятниках, например в Танаисе (Arsen'eva, Domžalski. 2002. P. 428–433. Fig. 15–18), говорит о том, что даже в первой половине V в. позднеантичная Ольвия уже не существовала.

Некоторые из вышеупомянутых форм всех групп краснолаковых сосудов позднеримского времени датированы довольно широко, поэтому трудно окончательно сказать, когда точно были привезены в Ольвию последние из этих изделий. В связи с этим особенно важным для установления верхней даты поставок краснолаковой керамики в Ольвию является сравнение ее наличия в другом самом северном позднеантичном поселении в Причерноморье – в Танаисе (Arsen'eva, Domžalski. 2002). Почти полностью отсутствуют там сосуды понтийской (PRS) формы 2, типичной исключительно для IV в., зато большой популярностью пользовалась форма 3, являющаяся ее типологическим (и, естественно, хронологическим) развитием. Отмечено там также присутствие понтийских блюд формы 1B с закругленным краем (развитие варианта 1A) и формы 7, а также фокейских (LRC/PhRS) форм 1D/2A и 2, типичных для первой половины V в. Когда большинство из вышеупомянутых форм привозили в Танаис, в Ольвию они уже не попадали. И наоборот, когда в Ольвии появились ранние понтийские тарелки формы 2, позднеантичное поселение в Танаисе еще не было основано или не имело торговых связей с римскими центрами. В этой ситуации ориентировочным временем гибели позднеантичной Ольвии и основания позднеантичного поселения в Танаисе может являться по-

следняя четверть IV в.н.э. – период последствий гуннского переселения.

Литература

- А. И. Абрамов.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. 3.
- И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
- П. О. Карышковский.* Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. № 1.
- В. В. Крапивина.* К вопросу о застройке Ольвии во II–III в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- В. В. Крапивина.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993.
- В. В. Крапивина.* Нижне Побужжя в III–IV ст. н.э. (до історії взаємовідносин греків та варварів) // Україна–Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва (м. Маріуполь, 27–29 травня 1999 р.). Збірник наукових праць міжнародної науково-практичної конференції. Маріуполь, 1999. I том, частина I.
- В. В. Крапивина.* О застройке Ольвии в конце III–IV вв.н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окобс. Материалы VII Боспорских чтений. Керчь, 2006.
- В. В. Крапивина, А. В. Буйских, В. В. Крутилов, Д. Н. Хмелевский, А. И. Смирнов.* Охранные раскопки в южной части Нижнего города Ольвии в 2001 году (краткие итоги) // Археологічні відкриття в Україні у 2000–2001 рр. Київ, 2002.
- В. В. Крапивина, А. В. Буйських.* Результаты досліджень 2002–2003 рр. на ділянці Р-25 в Ольвії // Археологічні відкриття в Україні у 2002–2003 рр. Київ, 2004.
- С. Д. Крыжицкий.* Основные итоги изучения затопленной части Нижнего города Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Д. Б. Шелов.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э.: классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
- Ф. М. Штительман.* Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии // КСИА АН УССР. 1955. 4.
- T. M. Arsen'eva, K. Domžalski.* Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua*. 2002. 8.
- M. Bonifay.* Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique, BAR International Series 1301. Oxford, 2004.
- J. W. Hayes.* Late Roman Pottery. London, 1972.
- J. W. Hayes.* A Supplement to Late Roman Pottery. London, 1980.
- V. V. Krapivina.* Amphorae of the 3rd–4th Centuries AD in Olbia Pontica // The International Round-Table Conference. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Batumi Trabzon, 27th–29th April, 2006. List of Abstracts.

Ю. А. Виноградов

Археологи и власти. Один штрих к вечной проблеме

Публикуемая статья впервые была представлена вниманию ученого сообщества 1 июня 2001 г. в виде доклада на заседании Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященного 50-летию Е. Я. Рогова (Вахтина, Виноградов, Зувев. 2002. С. 12). Так получилось, что через несколько дней после этого события он преждевременно ушел из жизни. Боль этой утраты с годами не утихает, и мне очень хочется, чтобы публикация доклада, воспроизведенного здесь лишь с незначительными изменениями, стала скромной данью памяти этого очень талантливого, очень порядочного и очень жизнелюбивого человека.

Проблема, вынесенная в заглавие, конечно, существовала всегда и существует до сих пор, хотя в научной литературе специально никогда не рассматривалась. В советское время разве что указывалось, что до Октябрьской революции на развитие масштабных археологических раскопок на юге России (порой почти хищнических) повлияло стремление монархов получить для Императорского Эрмитажа первоклассные произведения античного искусства. По понятным причинам, такое влияние властей на археологию оценивалось как сугубо отрицательное. Взаимоотношения археологов и властей, сложившиеся в нашей стране после революции 1917 г., стали рисоваться почти идиллическими, в полной мере содействующими и даже гарантирующими успех научных поисков советских ученых. Уверен, что могут найтись люди, которые станут утверждать, что после очередной российской революции наконец-то действительно восторжествовала наиболее разумная система взаимодействия археологов и властимущих, но не об этих отвлеченных сюжетах я хотел бы сейчас рассказать. Ведь дело не в официальных декларациях и даже не в благих намерениях сильных мира сего, а в том, как они отражаются на судьбах и научной деятельности отдельных ученых, проводящих исследования на конкретных археологических памятниках. Суть вопроса заключается в том, существует ли взаимопонимание между археологами и властями, ощущают ли ученые поддержку властных структур или же, напротив, они сталкиваются с непониманием, может быть, даже с враждебностью.

В отношении развития боспорской археологии, разумеется, следует вспомнить керчь-еникальского градоначальника И. А. Степковскового, который понимал значимость изучения культурного наследия классической древности и сделал в этом отношении очень много по-

лезного (о нем см. Марти. 1926. С. 5–6; Формозов. 1986. С. 38 сл.; Тункина. 2000; 2002. С. 120 сл.). Имя этого человека заслуженно окружено очень большим уважением. Но не все керчь-еникальские градоначальники были похожи на него в этом отношении, не все осознавали значение Боспора Киммерийского для исторической науки. Один из них – градоначальник Спицын или, как он себя называл в официальных документах, – вице-адмирал Спицын-Первый. Он – один из главных участников истории, о которой пойдет речь, другие действующие лица: директор керченского музея древностей А. Е. Люценко и председатель Императорской археологической комиссии, граф С. Г. Строганов. Документы, ярко характеризующие детали происшедшего в 1868 г. конфликта, хранятся в Рукописном архиве ИИМК РАН (Ф. 1. Оп. 1. 1868. № 41).

Начать следует с личного письма графу, которое А. Е. Люценко направил 28 мая 1868 г. В этом письме сообщается, что он получил от градоначальника Спицына официальное предписание прекратить раскопки на горе Митридат, поскольку раскопки, по его мнению, уродовали эту гору. Действительно, А. Е. Люценко в это время проводил исследования на северной покатости Митридата около часовни И. А. Стемпковского, где находилось древнее «пепелище». Возражения археолога Спицын слушать не хотел, а при личной встрече даже пытался убедить его, что на Митридате ничего найти невозможно, что АРХЕОЛОГИЯ (все буквы этого слова в письме написаны заглавными – *Ю. В.*) – это наука пустая, которую он не любит, и считает, что, может быть, она и нужна ученым, но совершенно бесполезна для общества (Ф.1. Оп. 1. 1868. № 41. Л. 9).

В рапорте С. Г. Строганову, лишенном свойственной письму эмоциональной окрашенности, директор музея изложил факты следующим образом. Градоначальник Спицын, находя раскопки «уродующими гору Митридат и отнимающими у нее благообразный вид со стороны города и моря», 26 апреля официально потребовал прекратить их, что и было исполнено 4 мая 1868 г. А. Е. Люценко приложил к рапорту всю переписку, возникшую по этому поводу между ним и градоначальником, прося графа предложить господину Спицыну не стеснять его в дальнейшем проведении раскопок (Ф. 1. Оп. 1. 1868. № 41. Л. 12). Копии прилагаемых к рапорту документов, на мой взгляд, очень любопытны и выразительны. Среди них – копия отношения керчь-еникальского градоначальника к директору музея, направленного 26 апреля, в котором он «покорнейше просит» археолога безотлагательно прекратить раскопки на горе. Причины, по которым было принято такое решение, столь ярко обозначены, что необходимо привести длинную цитату:

«Проводимые Вашим Превосходительством археологические разыскания на горе Митридат не только уродуют эту гору, отнимая у нее благоуобразный вид с города и моря, но даже выкопанною землею закопана большая часть дороги, ведущей по склону горы к Александровской церкви, засыпается каменная лестница, стоящая огромных денег городу, и кроме того, что гораздо важнее, раскопки Ваши до того подкапывали на горе каменную скалу, что она грозит падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья» (Ф. 1. Оп. 1. 1868. № 41. Л. 14).

Итак, основные пункты предъявленных обвинений ясны. Как же защищался А. Е. Люценко? В ответ на эту бумагу он 13 мая направил свою, в которой сообщил о прекращении раскопок, но счел должным заявить следующее:

1. Археологические изыскания на г. Митридат предприняты по желанию ИМПЕРАТОРСКОЙ (все буквы в слове автор опять написал заглавными – *Ю. В.*) археологической комиссии с целью открытия «древних мраморов». Раскопки проводились по специально составленному плану «на перевал», то есть по такой системе, когда ранее сделанные раскопы засыпались отвалом из других, более поздних. Эта система засыпки со временем возвратила бы горе ее прежний вид, но раскопы, остановленные на полпути и стоившие значительных издержек, такого результата дать не могут.

2. Благообразный вид горы уродуется не столько от деятельности археологов, сколько от раскопок местных жителей, которым позволено на Митридате добывать камень с уплатой десятины откупщику городских каменоломен. Со стороны этого откупщика, однако, за деятельностью добытчиков камня нет никакого присмотра.

3. На дорогу, ведущую по склону к Александровской церкви, археологи не вывезли ни единой тачки земли. Отвал уложен аккуратно выше дороги, и, если при дожде часть его обвалится, то все будет немедленно очищено.

4. Таким же образом археологи не повинны в засыпке каменной лестницы, ведущей на гору, поскольку та вообще значительно удалена от заложеного раскопа. Лестница эта, при которой нет сторожа, засыпана мальчишками, которые ищут по ее сторонам древние монеты, а земля от их деятельности попадает на ступени.

5. Наконец, никакие скалы, «которые грозили бы падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья», археологи не подкапывали. Что касается огромной скалы, которая возвышается с правой стороны от раскопа, то она находится в этом положении «с незапамятных времен» (Ф. 1. Оп. 1. 1868. № 41. Л. 17–18).

Из объяснений А. Е. Люценко, как видим, следует, что неэстетичный вид горы Митридат был связан, прежде всего, с непродуманными действиями властей, сделавшими из руин древнего Пантикапея на-

стоящую каменоломню, а также с деятельностью керченских мальчишек, на которых любой власти очень трудно найти управу. Вообще же, по мнению директора музея, «вершина горы Митридат уже давно обезображена раскопками, произведенными на ней искателями кладов» (Ф. 1. Оп. 1. 1868. № 41. Л. 16).

На это послание градоначальник отреагировал письмом от 17 мая, при этом уже значительно смягчив свою позицию. Происшедшую метаморфозу, вероятнее всего, следует объяснять тем обстоятельством, что Спицын-Первый, возможно, впервые в жизни узнал, что раскопки производятся не просто по прихоти чудаков-ученых, а по решению Императорской археологической комиссии, а значит, сам Государь Император совсем не считает археологию наукой пустой и бесполезной для общества. Ясно, что керчь-еникальский градоначальник в этом отношении неожиданно для себя попал в весьма неловкое положение. В общем, он уже не имел претензий по поводу дальнейшего производства раскопок на Митридате при условии, что все углубления будут засыпаны землей (почему-то чиновник упорно называл раскопы углублениями). Вместе с тем, в его послании появилось новое, чрезвычайно важное обстоятельство, которое могло бы подкрепить занятую им ранее непримиримую позицию, – раскопки могли быть продолжены только при том условии, если Инженерное ведомство не выразит к этому претензий. Дело в том, что, как следовало из его слов, местность на горе была отведена этому ведомству для строительства укреплений. В заключении директору музея еще раз указывалось: «Независимо от изложенного, имею честь покорнейше просить теперь же распоряжения Вашего Превосходительства о засыпке всех углублений и раскопок, сделанных Вами в разных направлениях горы Митридат» (Ф. 1. Оп. 1. 1868. № 41. Л. 15).

Странно, но о таком важном обстоятельстве, как план укрепления города, ранее этого послания градоначальник не написал ни слова, возможно, храня военную тайну. Вопрос о строительстве новых оборонительных сооружений в Керчи, конечно, имел особое значение, поскольку совсем недавно Россия понесла тяжелое поражение в Крымской войне. Керчь при этом была легко захвачена неприятелем, и об ее защите в возможных будущих военных конфликтах власти должны были серьезно задуматься. Правда, крепость начали строить не на Митридате²², а на южной оконечности Керченской бухты – мысе Ак-Бурун, во время строительства там было раскопано несколько курганов, содержащих интереснейшие погребальные комплексы. Взаимоотношения

²² Крепостная эспланада была сделана на Митридате, в 1898 г. она была передана в аренду городу.

археологов с военными властями тогда тоже были весьма непростыми, но это особая тема (Виноградов. 2001).

На послание градоначальника с новыми указаниями и предостережениями А. Е. Люценко ответил 21 мая. В своем очередном письме он заявил, что по случаю дороговизны рабочей силы и своего отъезда на Таманский полуостров для проведения раскопок, не может приступить к засыпке раскопов, но обещает, что постепенно к концу этого года или к началу следующего, когда археологические изыскания на Митридате возобновятся, это будет выполнено. Что же касается приказа о засыпке «всех углублений и раскопок», то по этому поводу Спицыну-Первому было рекомендовано обратиться непосредственно в Императорскую археологическую комиссию, ибо директор музея сам по себе не может провести столь масштабные работы, требующие огромных издержек. В отношении Инженерного ведомства в ответе А. Е. Люценко было отмечено, что оттуда в музей еще не поступало никаких требований о прекращении раскопок на горе Митридат. По его мнению, этого вообще было трудно ожидать, поскольку масштабы археологических раскопок слишком незначительны в сравнении с работами, обычно проводимыми этим ведомством (Ф. 1. Оп. 1. 1869. № 41. Л. 16).

Из приведенной переписки нетрудно понять, что директор Керченского музея древностей в конфликте с керчь-еникальским градоначальником чувствовал себя достаточно уверенно, по существу не уступив ему ни по одной из позиций. За своей спиной он явно чувствовал серьезную поддержку, и эта поддержка заключалась в существовании Императорской археологической комиссии. Каким же образом на спор градоначальника и директора музея отреагировала эта авторитетная организация? Что предпринял по этому поводу ее председатель С. Г. Строганов? 30 сентября 1868 г. он направил два письма; одно – А. Е. Люценко, другое – Спицыну.

В первом он порекомендовал археологу при проведении раскопок «стараться засыпать, насколько возможно, слишком большие углубления». С. Г. Строганов просил также А. Е. Люценко связаться с местным Инженерным ведомством и выяснить, на каком именно месте горы Митридат предполагается строить укрепления, и не будет ли со стороны этого ведомства препятствий «в предварительном расследовании этой части в археологическом отношении» (Ф. 1. Оп. 1. 1868. № 41. Л. 34), то есть, выражаясь современным языком, в проведении «новострочных раскопок».

Письмо к керчь-еникальскому градоначальнику выдержано несколько в ином тоне. Граф сообщил Спицыну-Первому, что проинформирован о его распоряжении прекратить раскопки на горе Митридат и причинах, которыми такое решение было вызвано. Все они признаны несущественными. В конце послания в словах высокопоставленного

чиновника явно чувствуются металлические нотки. С. Г. Строганов посчитал своим долгом просить градоначальника «допустить г. Люценко к продолжению этих раскопок, обещающих доставить еще много разных интересных археологических памятников» (Ф. 1. Оп. 1. 1868. № 41. Л. 33). На такую просьбу, разумеется, было очень трудно дать отрицательный ответ. По этой причине вряд ли следует удивляться тому, что раскопки на горе Митридат были продолжены и действительно привели и до сих пор приводят к интереснейшим археологическим открытиям.

Уверен, что многие из практикующих археологов, неоднократно сталкивавшихся в своей работе, так сказать, с неадекватным поведением властей, вполне могли бы поставить себя на место А. Е. Люценко и, скорее всего, позавидовать ему. Современный археолог часто представляется мне одиноким, полузабытым воином, на свой страх и риск продолжающим дело предшественников. Увы, этот Дон Кихот порой вынужден противостоять отнюдь не ветряным мельницам или сонмищу мнимых чудовищ, а фигурам вполне реальным, сильным и влиятельным.

Вновь возвращаясь к празднованию 50-летия Е. Я. Рогова могу добавить, что тогда я от всей души пожелал юбиляру, чтобы на его жизненном пути попадалось побольше просвещенных графов Строгановых и поменьше градоначальников типа Спицына-Первого. Судьбе, однако, было угодно, чтобы Евгения Яковлевича тогда ожидала встреча совсем другого рода.

Литература

- М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. Ю. Зуев.* Евгений Яковлевич Рогов. Основные вехи биографии // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2002.
- Ю. А. Виноградов.* Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью // Археологические вести. 2001. № 8.
- Ю. Ю. Марти.* Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь, 1926.
- И. В. Тункина.* Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // ΣΥΣΣΤΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000.
- И. В. Тункина.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- А. А. Формозов.* Страницы истории русской археологии. М., 1986.

Е. А. Молев

**О характере взаимоотношений полисов Боспора
в VI – начале V в. до н.э.**

Взаимоотношения эллинских колоний Боспора друг с другом и с соседними варварскими племенами весьма важны для понимания процесса складывания уникального для античности территориального государства, каковым стало Боспорское царство в V в. до н.э. А priori можно предполагать, что характер этих взаимоотношений должен был во многом совпадать с характером таковых и в других районах античного мира, что напрямую связано с аналогичной формой организации их государства – полисом. Полис в Греции являлся «политически господствующим типом поселения, подчинившим себе все остальные» (Андреев. 1976. С. 32). И, не вызывает сомнений, что «полисный мир со всеми его особенностями греки переносили и в свои колонии» (Суриков. 2005. С. 23). А значит, и апойкии, выведенные на Боспор, должны были быть по своему статусу полисами (Кошеленко. 1983. С. 10–13; см. также: Завойкин. 2001. С. 22; Кузнецов. 2001. С. 248), т.е. гражданскими общинами, независимо от того каковы они были по численности населения, жили ли их обитатели в землянках или наземных постройках и т.д. А, следовательно, и процесс образования объединенного Боспорского государства надо рассматривать в свете характеристики отношений самостоятельных полисов Боспора между собой. Учитывая весьма значительное и разнообразное варварское окружение полисов Боспора, можно предполагать вполне определенную, но отнюдь не первостепенную, роль в этом процессе и взаимоотношений с окрестными варварами.

Начнем с того, что чисто теоретически характер взаимоотношений полисов Боспора мог зависеть от формы их политической организации, что со всей определенностью прослеживается в собственно Элладе. Здесь полисы с демократическим, аристократическим или тираническим характером управления, как правило, противостояли друг другу. А потому первый вопрос в связи с выяснением характера взаимоотношений ранних полисов Боспора между собой должен начаться с уточнения формы их политической организации. По мнению ряда авторов, боспорские колонии в большинстве своем должны были быть полисами с аристократической формой управления, характерной в то время и для собственно Эллады (Блаватская. 1959. С. 22; Werner. 1961. S. 143.; Vinogradov. 1980. S. 8 ff.). В абсолютном большинстве случаев, вероятно, так оно и было. Однако для некоторых городов есть основания предполагать изначально более жесткую, тираническую форму власти.

Речь идет о Фанагории, Гермонассе и Пантикапее. По сообщению Псевдо-Арриана, жена основателя апойкии Гермонасса «сделала город себе подвластным и дала ему свое имя» (Агг., РРЕ., 60). Данный ее поступок со всей очевидностью свидетельствует о тираническом характере ее правления, который она, вероятнее всего, унаследовала от своего мужа Семандра. О том же свидетельствует экзегетический характер названий «Гермонасса» и «Фанагория», что отмечал еще С. А. Жебелев (Жебелев. 1953. С. 67). Ни Псевдо-Арриан, ни Евстафий и никакой другой источник не называют метрополий этих апойкий, хотя отмечается, что Фанагор был теосец. Это означает; что оба эти полиса были основаны группами переселенцев из разных, ионийских полисов, без определенного преобладания одного из них. Тем значительнее должна была быть власть ойкиста над своими спутниками. Впрочем, реальная власть ойкиста всегда была достаточно значительной и по своему характеру приближалась к тиранической (Busolt, Swoboda. 1926. S. 1264–1279).

В настоящее время практически никто не сомневается в тираническом характере власти правителей Пантикапея из родов Археанактидов и Спартокидов (Виноградов. 1983. С. 396). Но власть первого из них обычно отсчитывают лишь с 480 г. до н.э., хотя в единственном нашем источнике о них (Diod., XII, 31, 1) говорится, что они правили в Азии уже будучи правителями Киммерийского Боспора, т.е. контролировали всю зону Керченского пролива. А это значит, что их правление в Пантикапее, началось раньше общепризнанной даты. Насколько раньше – судить трудно, но не исключено, что вскоре после основания города. Ряд косвенных свидетельств подтверждают это. Сообщения Стефана Византийского и Евстафия об основании Пантикапея сыном колхского царя как будто позволяют думать об автократическом характере управления городом уже изначально. Более весомым выглядит замечание Страбона о том, что «скифов из этих мест изгнали эллины, основавшие Пантикапей и другие полисы на Боспоре» (XI, 2,5). Из этого отрывка видно, что Страбон рассматривал Пантикапей как первый эллинский полис на Боспоре, а то, что его жители изгнали прежних и весьма могущественных обитателей этих мест – скифов, позволяет думать, что система управления полисом была, во всяком случае, близка к тиранической. Но и это свидетельство имеет слишком общий характер, чтобы полностью полагаться на него (Виноградов. 1983. С. 371). К тому же свидетельств военных столкновений эллинов и варваров на Боспоре в VI в. до н.э. пока открыто очень немного. Лишь в Порфмии и Мирмекии зафиксированы следы пожаров и строительства оборонительных сооружений акрополей в середине – второй половине VI в. до н.э. (Вахтина. 1995. С. 33; Вахтина. 2005. С. 45–46; Вахтина, Виноградов. 2002. Ч. 1. С. 44). Укрепления этих пунктов, по мнению их исследователей, были рассчитаны на отражение сравнительно небольших отрядов. Таковыми могли быть и воль-

нонаемные скифские отряды, о которых сообщает Геродот, и отряды соседних эллинских полисов, в частности Пантикапея, население которого еще не было очень многочисленным. Следовательно, есть некоторые основания рассматривать систему управления Пантикапея как авторитарическую.

Все изложенное с учетом материалов других источников позволяет представить следующую картину характера взаимоотношений полисов Боспора между собой.

Уже на первом этапе этих отношений, в течение второй четверти VI в. до н.э., можно предполагать, как минимум, три их формы. Выселки из самого Пантикапея, несомненно, имели внутреннюю автономию, но во внешних делах зависели от своей метрополии. Данное предположение основано на заметке Страбона о том, что Пантикапей был складским местом для товаров, прибывающих на Боспор с моря (XI, 2, 10), на выпуске Пантикапеем своей монеты уже с середины VI в. до н.э. и на факте уплаты Пантикапеем дани скифским царям. Заметка Страбона свидетельствует, что при Спартокидах внешняя торговля Боспора осуществлялась через Пантикапей. Выпуск пантикапейской монеты в то время, когда она была нужна исключительно для контактов эллинских колоний между собой и когда потребность в ней могла возникнуть лишь у поселений, тесно связанных друг с другом и осуществляющих свою внешнюю торговлю через общий порт, дает основание предполагать, что подобная форма отношений Пантикапея с другими городами Боспора сложилась еще в период формирования отношений его со своими ближайшими выселками, составившими уже к середине VI в. до н.э. определенную экономическую и политическую общность – раннебоспорское объединение. Запрет на самостоятельность внешнеполитических взаимоотношений, прежде всего со скифами, вытекает из необходимости уплаты дани их правителям. Совершенно естественное желание Пантикапея переложить часть расходов на плечи своих колонистов делало крайне желанным для него политический контроль за своими выселками.

Не исключено, что апойкии Пантикапея даже управлялись его наместниками и платили дань. Эта тенденция связана с тираническим характером управления Пантикапеем. Как известно, тиранам Греции было свойственно стремление к удержанию в повиновении колоний своего родного города (Will. 1954. P. 413–460). Аналогичное явление, кстати, мы наблюдаем в Синопе. Основанные ей колонии Керасунт, Котиора и Трапезунт платят дань синопейцам, а Котиора даже управляется синопским наместником (Хен, *Anab.*, V, 5, 10; V, 5, 19). Установить подобную зависимость своих колоний в случае их первоначальной автономии было бы для Синопы весьма трудным делом. Любой античный полис, при наличии благоприятных условий для своего существования, стре-

мился к автономии и автаркии. Поэтому есть основания предполагать, что колонии Синопы с самого начала их существования находились в полной зависимости от своей метрополии (Максимова. 1956. С. 75–76).

Институт наместников известен по письменным источникам и на Боспоре, но только со времени Сатира I. Зато выселки Пантикапея находились ближе от своей метрополии и в более доступной местности, чем колонии Синопы. Все это дает основания считать пример Синопы возможной аналогией к характеристике отношений Пантикапея со своими колониями.

Вторую форму отношений представляют связи Пантикапея с Кепами. Этот город, основанный, как и Пантикапей, милетянами, с начала своего существования, вероятнее всего, поддерживал дружественные отношения с правителями Пантикапея, вследствие чего довольно быстро оказался включенным в сферу экономического и политического влияния последних. Не исключено, что более тесное сближение Кеп с Пантикапеем началось после основания теосской Фанагории уже на втором этапе взаимоотношения апойкий на Боспоре.

Гермонасса, основанная эолийцами при участии ионийцев, а также Нимфей, дают образец третьей формы отношений Пантикапея с соседями. Тиранический характер власти ойкиста Гермонассы и его преемницы позволяет думать о некотором политическом противостоянии двух полисов, но не более того. Столь же «прохладными», скорее всего, были отношения Пантикапея с Нимфеем, основанным, вероятно, выходцами с Самоса (Gajdukevič. 1971. S. 187) на достаточно хорошо защищенном самой природой полуострове. Что же касается Феодосии, то, вероятнее всего, она в то время не имела ни экономических, ни политических контактов с Пантикапеем.

Следующий этап во взаимоотношениях апойкий и полисов Боспора – вторая половина VI в. до н.э. В начале этого периода на островах дельты Гипаниса возникают города Патрэй и Фанагория, а также ряд небольших сельских поселений. Отсутствие информации о метрополии Патрэя и его собственной истории в источниках, а также то, что у Страбона он уже упоминается как селение, а не город (XI, 2, 8), позволяет думать, что Патрэй уже во второй половине VI в. до н.э. (а может быть, и изначально в связи с участием пантикапейцев в его основании) оказался сначала в экономической, а потом и в политической зависимости от Пантикапея.

Иначе сложились отношения Пантикапея с Фанагорией. Этот город был основан достаточно мощным политическим коллективом, явно не склонным признавать чей-либо протекторат. Более того, тиранический характер управления ей предполагает возможность более активной деятельности фанагорийцев по освоению окружающей территории, в том числе и выведение собственных колоний в виде сельских поселений, а к

концу века, возможно, и небольших городов. Однако активное военное противостояние двух полисов в то время маловероятно. Борьба за освоение новых территорий на Боспоре еще не сталкивала напрямую их интересы. Фанагория осваивала преимущественно восточную территорию островов в дельте Гипаниса, в то время как Пантикапей сконцентрировал свою деятельность на европейской стороне пролива и, может быть, на северном острове дельты Кубани.

Учитывая, что город Синдская Гавань был основан «эллинами, пришедшими из ближайших местностей», можно думать, что ее основание стало результатом совместных усилий Фанагории и Гермонассы, как наиболее развитых полисов в данном регионе. А значит, есть вероятность наличия каких-то политических соглашений между ними, благоприятных для обеих сторон. Фанагорией же могла быть основана Тирамба (Коровина. 1987. С. 65). Все прочие выселки фанагорийцев остались лишь сельскими поселениями. Сколько их было – мы не знаем, но на том небольшом острове, где располагалась Фанагория, находилась и милетская колония Кепы, для которой деятельность Фанагории ограничивала возможности расширения хоры в перспективе. Это могло усилить напряженность в отношениях двух соседей и создать условия для политической ориентации Кеп на Пантикапей.

На европейской стороне пролива в то время наблюдается рост ранее основанных апоек и основание новых. Такие города как Китей, Киммерик, Порфмий, поселения на мысе Зюк, у сел Андреевка Южная, Михайловка, Чокракский родник основываются пантикапейцами или, во всяком случае, под руководством пантикапейцев и остаются в подчинении своей метрополии. Факт основания боспорскими тиранами на северном острове Таманского архипелага Киммерия свидетельствует об экспансии Пантикапея и в этом направлении. Не исключено, что какая-то часть сельских поселений в этом районе также основана при участии пантикапейцев.

Нимфейскими выселками можно считать поселения у сел Героевка 1 и Героевка 2 (Зинько. 2007. С. 51–54). Взаимоотношения с Нимфеем были в то время, по-видимому, основным объектом внимания пантикапейских правителей. Погребение А-44 нимфейского некрополя с убитым воином и клад серебряных пантикапейских монет из Нимфея (Скуднава. 1950. С. 78–79) свидетельствуют о возможности военной конфронтации двух центров. Считать приведенные факты следствием скифской угрозы меньше оснований, поскольку скифы в то время активно осваивали степи Северного Причерноморья, а затем началась скифо-персидская война, надолго отвлекшая их внимание от Боспора.

Таким образом, к концу VI в. до н.э. эллинские полисы Боспора были в значительной степени предоставлены самим себе. Не случайно именно в то время было основано большинство поселений Боспора,

особенно на хоре. Такие полисы как Фанагория, Нимфей, Гермонасса, Кепы, Патрэй и Феодосия превратились в настоящие античные города. Пантикапей и ряд его колоний, расположенных преимущественно на побережье пролива, составили более сложное государственное образование, состоящее из полиса-гегемона и зависимых от него поселений, выведенных при его участии и фактически входящих в состав этого полиса.

Можно говорить о том, что экономически к нему тяготели все прочие полисы, за исключением, быть может, Фанагории, самой сильной из них. В политическом же отношении к сотрудничеству с Пантикапеем явно склонялись Кепы и Патрэй, в меньшей степени Гермонасса, влияние которой на острове ухудшалось из-за противодействия ее конкурента здесь – Фанагории. Нетрудно заметить, если взглянуть на карту Боспора VI в. до н.э., что владения Пантикапея практически ставили под полный контроль Керченский пролив – древний Боспор Киммерийский. Поскольку Диодор называет в своей первой заметке о Боспоре Археанактидов правителями Боспора Киммерийского, я считаю возможным говорить о появлении этого понятия как политико-географического уже с конца VI в. до н.э.²³, и связывать его с объединением ряда апойкий региона уже в то, а, может быть, и еще более раннее время.

Литература

- Ю. В. Андреев.* Раннегреческий полис. Л., 1976.
Т. В. Блаватская. Очерки политической истории Боспора. М., 1959.
А. Н. Васильев. Проблемы политической истории Боспора в отечественной историографии. Автореферат канд. дис. Л., 1985.
А. Н. Васильев. К вопросу о времени образования Боспорского государства // ЭАИКСП. СПб. 1992.
М. Ю. Вахтина. О древнейших оборонительных сооружениях античного Порфмия // Фортификация в древности и средневековье. ТД. СПб., 1995.
М. Ю. Вахтина. Античный Порфмий: основные этапы существования // VI Боспорские чтения. Керчь, 2005.
М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2002. Ч. 1.
Ю. Г. Виноградов. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1.
С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М., Л., 1953.

²³ А. Н. Васильев согласен с таким происхождением данного термина (см.: Васильев. 1985. С. 17), однако возникновение его связывает с более поздним временем. См.: Васильев. 1992. С. 122.

- А. А. Завойкин.* Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции. 2001. Т. 1.
- В. Н. Зинько.* Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I в. до н.э.) // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2007. Т. XV.
- А. К. Коровина.* Раскопки некрополя Тирамбы // СГМИИ. 1987. № 8.
- Г. А. Кошеленко.* Древнегреческий полис // Античная Греция. М., 1983. Т. 1.
- В. Д. Кузнецов.* Полис на Боспоре // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4.
- М. И. Максимова.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М., Л., 1956.
- В. М. Скуднова.* Два клада монет из Нимфея // ВДИ. 1950. № 4.
- И. Е. Суриков.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. М., 2005.
- G. Busolt, K. Swoboda.* Griechische Staatskunde. München, 1926. Bd. II.
- V. F. Gajdukevič.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Ju. G. Vinogradov.* Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5 Jahr v. Chr. // Chiron. 1980.
- K. Werner.* Das Bosporanische Reich // Grundriss der Geschichte antiker Randkulturen. München, 1961.
- E. Will.* Sur l'évolution des rapports entre colonies et metropolis en Grece a partir du VI-e siecle // La nouvelle Clio. Bruxelles, 1954. Vol. VI. № 7–10.

А. М. Бутягин

Десять лет работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа

В этом юбилейном для конференции году отмечает десятый сезон работы и Мирмекийская экспедиция Государственного Эрмитажа. Такая дата – повод для того, чтобы подвести некоторые итоги и наметить новые перспективы работ.

В 1999 году при формировании первых планов исследования памятника, совместно с Ю. А. Виноградовым, принимавшем активное участие в раскопках в первые годы возобновления экспедиции, было решено сосредоточиться на изучении той части памятника, которая непосредственно прилегала к скале древнего акрополя. В связи с тем, что на скале акрополя практически не осталось культурного слоя, а ее центральная часть была использована для захоронения римского времени, только обследование прилегающей территории могло открыть сброс со скалы и прояснить ее использование в античности и средневековье. На этом участке предполагалось сосредоточить основные силы экспедиции. Параллельно с этой задачей было решено небольшими силами проводить исследования на других участках памятника с целью прояснения хронологии тех слоев, которые не могут быть изучены в районе

акрополя, а также разрушающихся объектов. Основное внимание должно было быть сосредоточено, в продолжение исследований 1982–1994 г. на раннем периоде развития колонии.

За прошедшее десятилетие в предполагаемых планах произошли некоторые изменения, вызванные, в первую очередь, сложной стратиграфией изучаемых участков. За это время было изучено около 1000 м² памятника. Работы происходили на участке «С» к западу и северу от акрополя, на участке «Т», заложенном к востоку от скалы, и на участке «И» в центральной части памятника. Кроме того, небольшие работы в последнем сезоне были проведены у восточной границы Мирмекия на участках «М» и «У». В целом, удалось выполнить главную из поставленных задач – замкнуть кольцо раскопов вокруг скалы, образовав единый участок «ТС». Однако работа по полному изучению построек, которые возникли возле основания скалы еще не завершены.

Кратко охарактеризуем объекты открытые за время раскопок. Наиболее неожиданным открытием к востоку от скалы акрополя, оказалось открытие христианского некрополя, относящегося к XIII–XV в. Было открыто более 80 погребений, часть из которых была повреждена позднесредневековыми ямами и перекопами времен последней войны. Антропологические материалы были полностью изучены. Помимо этого вблизи акрополя были открыты две позднесредневековые землянки, в одной из которых была обнаружена печь, а в другой суфа, зафиксированная в Крыму до этого только один раз. Кроме того, к 13–15 вв. относилось множество ям и слоев плотностью до 0,8–1 м.

Непосредственно под слоем некрополя были открыты остатки крупной усадьбы, существование которой относится к концу II – рубежу III–IV в. н.э. Она состояла из основного здания, неоднократно перестроенного, и обширного двора с колодцем прекрасной сохранности. При изучении подвала здания были открыты *in situ* хранившиеся там амфоры и уникальный набор ткацких пирамидальных грузил. Судя по стратиграфическим наблюдениям, после оставления усадьбы, жизнь на античном городище более не возобновлялась вплоть до раннего средневековья. Остатки построек III в. н.э. были обнаружены и с западной стороны акрополя.

Параллельно северной границе акрополя в I в. н.э. была сооружена терраса длиной более 20 м. К северу от нее сохранились остатки нескольких помещений, которые продолжались в западном направлении. В это же время была сооружена четырехугольная в плане постройка к северо-западу от скалы, стены которой были сложены с использованием эллинистических антропоморфных надгробий, и круглая у его западной полы. Все эти сооружения погибли в пожаре во II в. н.э.

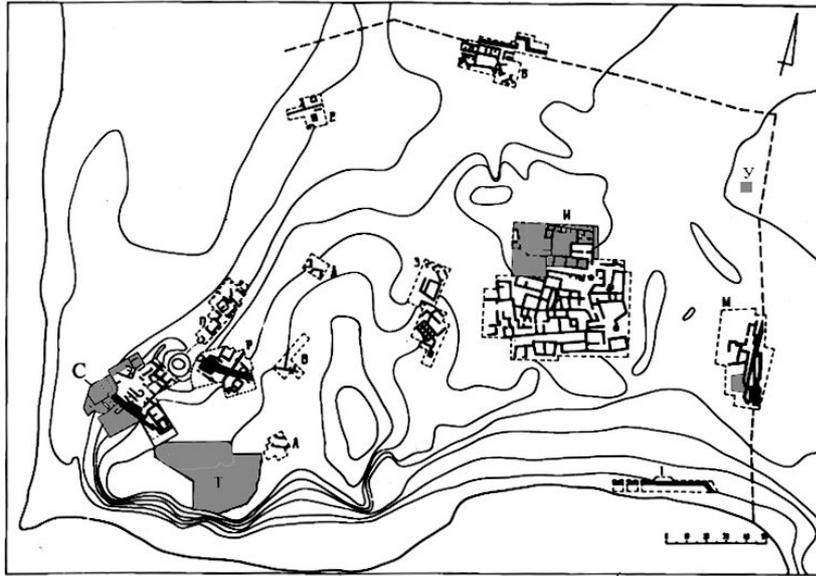

Рис.1. Участки работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1999–2008 г.

Установлено, что с восточной и западной стороны от скалы акрополя в эллинистический период располагались зольники, образовавшиеся из-за сброса мусора со скалы. Полностью изучен «западный зольник», в котором обнаружено множество фрагментов терракот, расписных сосудов и фрагментов резной кости. «Восточный зольник» исследован только предварительно. Вероятно, к этому же периоду относится и четырехугольный каменный алтарь, сложенный из каменных блоков, располагавшийся к востоку от скалы акрополя. Неожиданным открытием стали две землянки, точнее, одна землянка и крупная яма, открытые на западной поле городища. Ранее построек такого типа, относящихся к периоду эллинизма, в Мирмекии открыто не было. Загадочным комплексом, относящимся к раннему эллинизму (около рубежа IV–III в. до н.э.), оказалось четырехугольное (около 5 x 5 м) помещение, открытое под «западным зольником». Для его сооружения были сделаны высечки скалы до 7 м в высоту, а стены были укреплены кладками уникального для Мирмекии качества. Предполагается, что этот объект мог быть незаконченным фортификационным сооружением или гробницей.

В районе акрополя строительные остатки были обнаружены только возле западной полы городища, где были частично исследованы развалины богатого дома. На участке «И» были почти полностью доследованы остатки «святилища Деметры», что позволило уточнить его устройство, а также время разрушения. В южной части «святилища» открыта четырехугольная яма глубиной около 3 м, в которой был обнаружен костяк молодого человека, свидетельствующий о серьезных разрушениях Мирмекия около середины IV в. до н.э. Кроме того, проводились частичные расчистки башни ранней восточной оборонительной стены.

Не смотря на то, что изучение ранних слоев и объектов было одной из первейших задач экспедиции, их удалось обнаружить сравнительно немного. В районе акрополя ранние строительные остатки были открыты только в последнем сезоне, если не считать нескольких ям и небольших участков стены и вымостки. Зато значительные успехи были достигнуты на участке «И». Здесь была открыта первая землянка в центральной части городища. Также значительные усилия были сосредоточены на изучении крупного раннего дома, площадь которого оказалась более 400 м². Были установлены детали его внутреннего устройства и уточнена хронология. Кроме того, изучен перекрывавший дом зольник I. Также найдена еще один участок фортификации акрополя начала V в. до н.э.

Помимо открытия комплексов, в ходе работ были сделаны уникальные археологические находки, к которым относятся два клада: 723 медных монет Пантикапея 2-ой четв. III в. до н.э., открытый в раннем зольнике, и 99 статеров Кизика V – начала IV в. до н.э., открытый при изучении «святилища Деметры». Также следует упомянуть фрагмент камей с изображением римского императора II в. н.э., видимо, выброшенный из гробницы на скале, а также фрагмент Мирмекийского саркофага. Был существенно пополнен банк лапидарных находок – во вторичном использовании были открыты фрагменты 5 плит с надписями. Из керамических находок можно упомянуть редчайший фрагмент белфонного кратера V в. до н.э. Этот список легко продолжить. В целом, полученные находки позволили по-новому взглянуть на роль Мирмекия в Боспорском государстве.

При изучении Мирмекия был осуществлен 100% анализ остеологического и антропологического материала соответствующими специалистами, что позволило получить важнейшую информацию о жизни древнего города. Кроме того, удалось в течение последних лет осуществлять полную отрисовку профильных частей керамики. В ходе работ проверялись различные методики сбора и обработки материала.

В целом, результаты работ можно охарактеризовать следующим образом:

Были уточнены наши данные о развитии памятника в период архаики – расширены границы зоны земляночного домостроительства и выявлены крупные кварталы регулярной планировки на центральном участке городища.

Уточнены границы ранней фортификации позднеархаического акрополя.

Открыты новые объекты классического времени, уточнена хронология «святилища Деметры».

Открыты два новых эллинистических зольника в районе скалы акрополя.

Находки римского времени позволили поставить вопрос о существовании двух периодов развития Мирмекия в этот период (середина I – середина II в. н.э. и конец II – рубеж III–IV в. н.э.), в промежутке между которыми была построена гробница на Карантинном мысу, время строительства которой также удалось уточнить. Выяснено время оставления античного Мирмекия жителями.

Выявлен и изучен крупный участок некрополя XIII–XV в.

Богатые находки позволили предположить особый статус Мирмекия, как аристократических «выселок» близлежащего Пантикапея, начиная, как минимум, с V в. до н.э.

В настоящее время остро стоит вопрос полного издания результатов раскопок, представленных пока в публикациях только предварительно. Предполагается издавать открытые комплексы по хронологическим группам. Археологические работы предполагается развивать в северном направлении от акрополя, а также продолжить изучение зольника I и восточной оборонительной стены.

А. А. Масленников

Сакральная практика сельского населения Европейского Боспора. Традиции и инновации²⁴

Религия, как известно, являясь одним из самых традиционных, консервативных явлений человеческого бытия и сознания, в тоже время относится к столь же инновационным. Доказательством первого, между прочим, служит то, что та или иная система религиозных взглядов и ценностей входит в число основополагающих черт этнической и государственной самоидентификации. Второго – та стремительность

²⁴ Работа выполнена в рамках проекта «Традиции и инновации в истории и археологии Боспора Киммерийского» (Грант РГНФ. № 07-01-00190а).

(разумеется, в общеисторическом плане) с какой-то некоторыми новыми религиозными концепциями (прежде всего, т.н. мировые религиозные системы, но не только) овладевали сознанием громадного числа жителей целых регионов и государств. Маленький пример этого «единства противоречий», рассмотренный на материалах новейших археологических изысканий, и положен в основу данного весьма сжатого изложения.

В самом деле, означенная в заглавии тема ещё относительно недавно «повисла бы в воздухе» по причине практически полного отсутствия источниковедческой базы. Соответствующая письменная традиция вообще отсутствует, если не считать нескольких памятников малой эпиграфики. А археологические источники появились лишь сравнительно недавно.

При всей своей интерпретационной сложности эти вновь открытые объекты чрезвычайно информативны и, надеемся, ещё ни раз будут привлекаться специалистами в области культурологии и религиоведения античности. Вовсе не собираясь останавливаться на них сколь-либо подробно по причине их публикации, постараемся лишь оценить их с точки зрения соотношения традиционного и инновационного. Но прежде, хотелось бы сделать некоторые, кажущиеся нам существенными, замечания.

Во-первых, следует признать, что ко времени освоения древними греками Северопонтийского региона их религиозные представления и соответствующая практика во всех их проявлениях в основе своей уже сложились. При всех возможных или неизбежных «нововведениях», обусловленных разного рода местными объективными обстоятельствами, а вовсе не влиянием варварского населения, весь культово-религиозный «набор» в целом оставался здесь прежним, т.е. чисто эллинским. Это относится, как к раннему, так и к последующим периодам истории античного Боспора, в том числе, с известными оговорками, и его сельского населения. Не останавливаясь на этой чрезвычайно сложной и спорной проблеме, отметим лишь, что некоторые следы такого симбиоза (да и то скорее чисто теоретически) вряд ли на наш взгляд проявились ранее приблизительно второй четверти – середины IV в. до н.э.

Но именно с этого времени вообще можно говорить о формировании собственно сельского населения Боспорского государства, как особой, постоянно живущей вне городов-полисов и связанной в основном с иным хозяйственным укладом социально-демографической группы, которой со временем стали присущи некоторые специфические черты менталитета, культуры, а в последствии и этнического состава.

Возвращаясь к теме отметим, что раскопанная в Крымском Приазовье серия сакральных памятников не только расположена вне городов, но и, по всей видимости, «инкорпорирована» именно в сугубо

сельские структуры. То есть, если в первом случае они могли служить локальным или общегосударственным и даже в отдельных случаях межгосударственным целям, то во втором – удовлетворяли соответствующие потребности адептов местных сельских (соседских?) общин разной структуры, происхождения, статуса и социально-этнической характеристики. Объекты первой группы по всем основным «показателям» в наибольшей степени соответствовали общегреческим, античным нормам и традициям, естественно с учётом всех возможных оттенков «далёкого провинциализма». Сакральные же памятники собственно сельской глубинки в этом плане более сложные и неоднозначные. При этом в данном случае речь пойдёт не о святилищах вообще, а лишь о тех из них, которые, хотя и с некоторыми оговорками, являлись коллективными.

Итак, прежде всего, остановимся на географо-топографическом факторе. Общеизвестно, что в любой сакральной практике местоположению культовых объектов всегда уделялось большое внимание. Разумеется, эта природная примечательность, понималась и воспринималась не всегда и не везде одинаково. Но практически в любом случае мы имеем здесь дело с очень показательным симбиозом обыденно – удобного и возвышенно – духовного в извечном контексте взаимодействия природы и общества. И признанные центры античного мира, как свидетельствуют письменные и археологические источники, здесь не исключение, а скорее ярчайшее правило. Практически все мало-мальски примечательные природные объекты: вершины, особенно значительные или просто одиночные и заметные, мысы и полуострова, ущелья и пропасти, пещеры, каньоны и расщелины, сероводородные или питьевые водные источники с обильной и качественной водой, места памятных, а порой трагических событий или сражений, переправы, горные перевалы и проходы, одинокостоящие скалы и крупные камни, рощи, могучие деревья и т.п., то-есть, всё, что поражало воображение, вызывало высокий эмоциональный подъём и переживания, доставляло эстетическое наслаждение и, вообще, несло в себе особый духовный энергетический заряд, могло в разные эпохи (а нередко и на все времена) в той или иной степени быть сакрализовано.

В Приазовье – это вершины горы-сопки Сююрташ, самой высокой и заметной на побережье с окрестными сероводородными источниками и грязевыми «вулканчиками», оконечность мыса Зюк – крайне северная точка полуострова и важный морской ориентир, глубокий и мрачный овраг-ущелье в районе урочища Куль-Тепе, может быть, родники у Чокракского озера, как бы стоящая особняком массивная скала причудливых очертаний в западной части т.н. Генеральской бухты (Салачик), не исключено, вершина Темир-Горы, плоская, заметная вершина близ большого поселения «Генеральское-восточное». Менее выражен-

ная холмообразная возвышенность была выбрана для теменоса соседнего поселения «Сиреневая бухта». В целом, они просуществовали со второй половины III в. до н.э. по середину-третью четверть III в.н.э. Важно также отметить, что всё это прибрежная зона, т.е. ориентиры, открывавшиеся, как с суши, так и с моря и по большей части «командные» высоты, соседствовавшие, как правило, с синхронными античными поселениями. Предполагать здесь какие – либо инновации в зависимости от времени бытования сакральных памятников не приходится.

Непременным атрибутом соответствующих религиозных воззрений и сакральной практики античных греков являлось представление о некоем священном пространстве – теменосе, окружавшем святилище, храм или алтарь. При этом оно обычно имело реальное, но иногда символическое (природно-естественное) ограждение. Традиция эта, во всех её проявлениях, прослеживается и в Приазовье.

Довольно приличная сохранность большей части раскопанных здесь в пределах теменосов строений важна в плане анализа архитектурно-планировочных традиций. Общеизвестно, что античный храм, являлся или символизировал место обитания, точнее пребывания одного или нескольких божественных персонажей. (Исключения составляли постройки, непосредственно связанные с мистериями, закрытый характер которых диктовал иные принципы «взаимоотношений» богов и их адептов. Но о наличии и тем более специфике такого рода сакральных объектов на хоре античной «метрополии» нам просто ничего не известно. Единственное исключение, до и то отнюдь не сельской глубинки – комплекс построек Элевсинского святилища.) При этом уже довольно давно предполагалось, что в основе классической храмовой планировки лежали древние домостроительные приёмы, восходящие ещё к эпохе микенских цивилизаций. Речь идёт о т.н. домах мегаронного типа (одно – двухкамерные прямоугольные в плане помещения с очагом-алтарём в центре). Эти конструктивные элементы и детали интерьера легли в основу широко распространённой храмовой схемы: пронаос, наос с алтарём или без него, иногда опистодом. В гражданской строительной практике данный тип построек ни в Греции, ни на периферии античного мира в последующее время почти не использовался. Однако удивительным образом, это, в сущности простейшее планировочное решение, представлено в Приазовье целой серией строений. (Что же касается т.н. позднескифских аналогий, то, скорее всего, мы имеем здесь дело со своего рода стадияльным моментом, а вовсе не заимствованием в области сакральной архитектуры.) А вот соответствующие «храмы» Приазовья, в этом и не только отношениях, как нам кажется, являют собой примеры архаизации в античной сакральной строительной практике. Данное явление само по себе, чрез-

вычайно сложное и интересное, как бы вбирает в себя инновационные и консервативно-традиционные аспекты.

Площадь культовой постройке сама по себе весьма относительный и, вообще, третьестепенный показатель в контексте данной проблематики. Напомним лишь, что она колеблется в «наших» примерах от 120 до 20 кв.м. Гораздо важнее другие элементы планировки и конструктивных особенностей, уровень строительного дела и качество материала, ориентация при общей разбивке на местности и ориентация входа, специфические детали интерьера, в первую очередь наличие особого рода конструкций сакрального назначения. Кратко охарактеризуем все эти «пункты» и черты.

Всё это хотя и безордерные, но всё же не лишённые вовсе определённой модульной основы, использованной при воплощении архитектурного замысла, строения. О точном значении этого «модуля» пока говорить преждевременно. Зато характер материала, качество кладки и основные параметры сохранившихся строительных остатков позволяют говорить, что при всех естественных различиях, в целом это были довольно добротные, в целом каменные, относительно невысокие постройки, вряд ли (как ни странно) имевшие черепичную кровлю. О каких-либо изменениях во времени этих характеристик говорить не приходится, равно как и о наличии особых, заимствованных строительных приёмах, типах кладок и т.п. Иными словами, ничто, кроме планировки и чёткой ориентации, не отличает экстерьер этих «храмов» и «храмиков» от большинства синхронных им домов на соседних поселениях. Видимо, их строители не могли себе позволить большего даже в отношении «жилищ» божества. Впрочем, сельские святилища собственно греческой глубинки также имели весьма скромный облик.

Ориентация греческих храмовых построек в принципе строго не регламентировалась, но повсеместно, особенно в ранний период, преобладало направление, приближающееся (продольными осями) к линии: восток-запад, с входом в сторону восходящего солнца. Вряд ли такой выбор был изначально случайным. За ним стояли древнейшие культово-космогонические представления и обряды. Данная традиция вполне отчётливо прослеживается и на рассматриваемых памятниках. Все наиболее солидные и сохранившиеся святилища имели именно такую ориентацию. Однако она не была единственной. Есть примеры ориентации входа на юг, но иная – не представлена вовсе.

Иное дело – состояние этих проходов и довольно запутанный в соответствующей историографии вопрос о соотношении, вернее месте алтаря и святилища. Относительно первого обстоятельства, отметим, что раскопками была выявлена такая странная и даже загадочная строительно-конструктивная деталь, как преднамеренный заклад входов камнями к моменту «оставления» святилища. Она была зафиксиро-

вана почти везде, где сохранность объектов позволяла это сделать. Вряд ли стоит на наш взгляд видеть в этом некую местную инновационную традицию. (Раскопанные святилища сельской глубинки митрополии, как будто бы не демонстрируют ничего подобного.) Можно, конечно, посчитать изначальное отсутствие деревянных дверей ещё одним следствием бедности жителей окрестных поселений. Однако вряд ли входы в свои жилища на ночь они также закладывали камнями и на «домик» для почитаемых божеств пожалели хотя бы самых простых дверей. Скорее мы имеем здесь дело с некими обрядовыми действиями, истоки и содержание которых не известны. (Например, обряд консервации святилища или храма.) Но в какой-то степени они могут считаться привнесёнными или выработанными местной сакральной практикой не ясно.

В отношении алтарей, какова бы не была их конкретная форма, в соответствующей сакральной практике митрополии также не было строгих правил или ограничений. Хотя, первоначально, в архаическую эпоху (как следствие древних микенских традиций) преобладали небольшие алтари-жертвенники (очаги) внутри помещений. Но, по мере превращения некоторых семейно-родовых святилищ в сакральные центры соседских общин, а затем и гражданских коллективов, идея специального «дома» для общего божества – храма стала преобладающей. А воплощение его требовало большей публичности в совершении религиозных обрядов. Доступ в «храм» вольно-невольно становился ограниченным и ряд культовых процедур должен был выноситься наружу. Это в свою очередь требовало наличия определённым образом обустроенного пространства перед храмом, достаточного для собрания адептов культа и ограниченного «границами» теменоса. Естественно, алтарь или алтари, на или перед которым совершались приношения и основные публичные действия сакральных актов, также помещался «под открытым небом», главным образом, перед входом в храм или святилище. Разумеется, это не стало абсолютной нормой. Во первых, само священное помещение оставалось местом пребывания статуи того или иного божества. Во-вторых, внутри храмов также имелись алтари, на которых приносились бескровные (точнее, не требовавшие сожжения) жертвы и дары богам в их хтонической ипостаси. (Напомним, хтонические «функции» в той или иной степени были присущи практически всем главным «действующим лицам» греческого пантеона.)

Совершенно иную картину демонстрируют материалы раскопки сельских святилищ Приазовья. Почти все каменные конструкции, отождествляемые с алтарями и обнаруженные *in situ*, располагались внутри культовых построек, в центре т.н. наоса. Как правило, это подквадратные, невысокие основания на которых стояли или сами каменные алтари, или миниатюрные терракотовые алтарики и статуэтки божеств.

Изредка, это были круглые (цилиндрические) монолитные или сложенные из камней конструкции. (На одной из них, напомним, помещался известняковый рельеф с изображением четырёх божеств.) Следуя вышесказанному, можно предположить, что для обитателей дальней хоры хтонические культы и связанные с ними божественные персонажи доминировали в сакральном пантеоне, что в принципе естественно, учитывая специфику их быта и хозяйственной деятельности. Но не исключено, хотя бы отчасти и иное истолкование, к которому мы вернёмся ниже.

Одной из самых примечательных деталей интерьера практически всех раскопанных сельских святилищ являются так называемые пристенки: относительно невысокие каменные конструкции, напоминающие неширокие скамьи для сидения. Они размещались вдоль всех или части стен. Наличие подобных столов-сидений, служивших для приношений, отмечено в целом ряде, особенно ранних греческих храмов. В какой-то мере их можно рассматривать, как разновидность алтарей, вернее, прототипы более высоких и соответствующим образом оформленных т.н. алтарей-столов. Однако в нашем случае на них ни разу не зафиксированы какие-либо предметы, связанные с культом. А главное, трудно отделаться от мысли, что это действительно некие скамьи для сидения. Редкие отголоски этого в виде специальных кресел и тронов известны в некоторых храмах собственно Греции. И истоки их появления очевидны. Изначально, традиционно, в главных помещениях древних домов мегаронного типа, где собирались для культовых трапез, молитв и по иным важным поводам главы родственных семей или даже родов, наличие неких постоянных мест для сидения было вполне естественным. Традиция совместных празднеств, в том числе при отправлении религиозных обрядов, предполагавших поедание части приносимых богам жертв, прежде всего мяса, в тех или иных формах сохранялась у эллинов и впоследствии. Выборные пританы и параситы – их непосредственные участники, как бы являлись в это время посредниками между всей общиной (или последователями конкретного культа) и самим божеством (божествами). Нечто подобное, но в более прямой а главное архаичной форме, по-видимому, имело место на далёкой периферии античного мира, в частности, на обжитых боспорскими греками берегах Меотиды. Здесь в условиях варварского окружения, достаточно суровой природы и определённой изоляции, кровно-родственные связи, а также традиционные верования приобретали особое, вероятно, даже несколько большее значение, чем в местных городах и тем более в культурных и общественно-политических центрах «митрополии». Теоретически, судя по «посадочной площади скамей», помещения сельских «храмов» могли вместить максимум полтора десятка таких глав семей или иных «избранников» из соседних поселений. Это, в сущно-

сти, вполне согласуется с вероятной численностью их населения, точнее – количеством семей. Попутно отметим, что само появление этих «загородных» святилищ, и их топография, не исключено, прямое следствие не только особенностей общей планировки и домостроительных традиций сельских поселений европейского Боспора эллинистического и римского времени, но и социальной структуры населения. Ведь при относительно небольшой площади, ограниченной естественным рельефом и необходимыми укреплениями, и, соответственно, весьма плотной застройкой места для общественных построек и собраний практически не оставалось.

Следующей особенностью интерьера раскопанных сакральных строений можно считать наличие одного или нескольких довольно необычных «алтарей», которые, вероятно, уместно именовать фависсами. Они представляли собой довольно узкие, хотя подчас и глубокие прямоугольные конструкции, составленные из нескольких достаточно больших плоских камней, пристроенные изнутри к стенам святилищ. Эти «лари» иногда были накрыты такими же плоскими камнями, и были заполнены грунтом золистым или с включением морских раковин. В нём повсеместно встречены целые, но чаще фрагментированные терракотовые статуэтки, обломки посуды, светильники, монеты. Эти алтари, по-видимому, были как-то связаны с культом священного очага, а равно с обрядами приношений, предполагавшими воссожжения. Возможно, здесь «навечно» сохранялись, прятались вышедшие из употребления предметы культа. Данный артефакт в целом нетипичен для известной нам сакральной античной культовой практики и храмового интерьера. И не вполне ясно: следствие ли это неких местных инноваций, или же вновь, мы имеем дело с явлением архаизацией в области религиозно-обрядовых действий. Так или иначе, но собственно ботросов в виде ям или иных скоплений золы, костей и обломков посуды на территории теменосов вне помещений за одним исключением раскопками не выявлено.

Особый круг вопросов и теоретических проблем связан с характеристикой и анализом культовых предметов, обнаруженных внутри и вблизи строений рассматриваемых святилищ. Здесь также выявляется целый ряд деталей и особенностей, которые очевидно могут оцениваться как в плане преемственности определённых традиций, так и как следствие инноваций, вызванных самыми разными причинами и процессами, в том числе и природными катаклизмами. В целом же можно констатировать, что открытые памятники главным образом демонстрируют традиционность античных норм и представлений в сакральной области как в широком (в сравнении с метрополией), так и в узком (местная их эволюция) плане.

И. А. Тульпе

Некрополь и проблемы реконструкций верований боспорян

Раскопки некрополей Илурата и Китея, которые уже сорок лет ведутся археологической экспедицией Музея истории религии, делают заявленную в заголовке тему вполне естественной. Другое дело, что чем больше материала открывается и чем глубже попытки проникнуть в сферу мировоззрения, тем больше вопросов – содержательных и методологических – возникает.

Стремление реконструировать верования боспорян может иметь разные цели: убедиться вообще в их наличии, как у всех «культурных народов» или раскрыть нечто, присущее только боспорянам (боспорский феномен) или – уже – жителям того или иного города (поселения)? Существенно, интересует ли мировоззрение само по себе или исследование «культовой» составляющей необходимо как инструмент для определения этнического, культурного субстрата различных боспорских городов, в разные исторические периоды?

Очевидно, что мало определиться с проблемным полем, необходимо искать адекватные пути решения. Так, если это – «вообще», то можно по аналогии с другими сходными культурами, в связи с сосуществованием – параллельным или синкретичным – кочевнической и оседлой (вариант: варварской и греческой) культур, обнаруживать магические операции, связанные с хозяйственной деятельностью, культ предков (по наличию грандиозных курганов), следы анимизма, фетишизма и проч. Исследование святилищ (и зольников) не только подтверждает наличие «пережитков» древнейших верований, но и свидетельствует о наличии политеизма. Для Боспора это могут быть либо относительно чистые привезенные культы, актуальные для греческого населения, либо греческие, но подвергнутые реинтерпретации местным населением. В последнем случае требуется выяснение круга усвоенных (и не усвоенных) персонажей, способа усвоения и применения. Можно определить имена божеств, которых знали боспоряне, попытаться реконструировать их культы, автохтонные и привнесенные составляющие, уровень синкретизма и проч. Сложность проблемы на близком культурном материале была показана Д. С. Раевским (Раевский. 1980. С. 49–71).

Проблема интерпретации накопленного эмпирического материала может разрешаться двумя известными в науке способами: от анализа факта к теоретическому построению и интерпретация факта на основе авторитетных концепций.

К услугам исследователя есть как весьма широкий спектр выработанных наукой идей, так и пригодных аналогов из хронологически или культурно близких традиций. Например, установив глубокую архаичность воззрений, уровень которых определяется низкой степенью социально-экономического развития, можно предполагать, что и боспоряне (конечно, с поправкой на особенности региона, этнического субстрата и проч.) в целом, исповедовали то же, что и все остальные ранние земледельцы (Шургая. 1986. С. 217–222). Тогда исследователю достаточно убедиться, что налицо именно искомый уровень развития, а разнообразные «культовые» находки в культовых местах, включая некрополь, подлежат объяснению, исходя из «базиса».

Наряду с теориями, объясняющими религию как отражение социальных условий, есть религиоведческие концепции, определяющие её природу на основании рассмотрения «ранних форм». При этом, «ранние» значит первичные как базовые, универсальные, которые в истории культуры, не меняясь по существу, приобретают различные «облачения». Какая бы из известных науке «ранних форм» (тотемизм, фетишизм, анимизм и проч.) не рассматривалась в качестве первичной, её универсальность выводится из предположения о неизменности психобиологической природы человека. С этой точки зрения, человек в своих потребностях, переживаниях и экзистенциальных проблемах практически неизменен, несмотря на усложнение среды обитания, на совершенствование научных представлений о мире и проч. Эта позиция нередко ведет к модернизации представлений древних.

Целью данной работы является не обсуждение научной ценности существующих теорий о религии, а обозначение тех проблем и вопросов, которые «задают» артефакты, открываемые на некрополях Илурата и Китея, входя в противоречие с принятыми, ставшими стереотипными, теоретическими высказываниями.

Самыми «научоёмкими» считаются артефакты, непосредственно представляющие религиозную сферу: объекты поклонения (их изображения) или изображения культовых сцен.

Здесь материал наших некрополей относительно скуден: терракотовая статуя богини (Афродита?), известняковое рельефное изображение мужского лица (вероятно, элемент архитектурного декора погребального сооружения), известняковые плиты с изображением Геракла (или героизированного умершего) и изображением мальчика (Геракла?), несколько небольших терракот, фрагменты расписной чернолаковой керамики, фигуративные изображения на предметах из золотой фольги. Более многочисленны пронизи из египетского фаянса (в том числе, скарабеи, львы, Гарпократ, обнаженная женская фигура) (Кубланов, Хршановский. 1989. С. 25. Рис. 9, 2–7), посвятельные надписи – граффитто – на керамических обломках, инталии с изображениями

муравья, козерога и богинь Тюхе, Фортуны. Но и из «говорящего» материала вывести полные или достоверные сведения о «религиозной системе» весьма затруднительно. С одной стороны, нет окончательной уверенности в достоверности сделанных атрибуций уникальных памятников, с другой – и продукты «серийного» производства требуют тщательно выверенных аналитических процедур. Так, серебряный перстень с вырезанной на вставке христианской символикой (Т-образный крест, фланкированный двумя рыбами), найденный на полу разрушенного эллинистического склепа, функционировавшего в римское время как погребально-поминальный комплекс, судя по археологическому контексту, не может свидетельствовать о христианском характере совершенных здесь действий.

Находки на некрополях, вероятно, не могут служить самостоятельным источником содержательных реконструкций пантеона. Однако контекст, в котором в «городе мёртвых» использовались изображения богов и сам способ их использования, позволяет ставить весьма интересные вопросы. Например, знаменитая илуратская Афродита (Деметра?) была найдена в обломках в тризне. Было ли это подношением кому-то и кому именно, почему терракотовая статуя была разбита и т.д.? В статье об аграрной магии на Илурате, в связи с найденными в святилище грубыми антропоморфными фигурками, заключавшими, «согласно первобытным представлениям анимизма, духи хлебных посевов», автор подчеркивает, что они не являлись изображениями Великого женского божества, потому что его исполняли не для одноразового использования в обряде, а скорее для интерьера жилого дома, и в качественном исполнении (Шургая. 1986. С. 221). Не обсуждая правомерности такого суждения, отмечу, что, действительно, есть проблема «опознания» в фигуративном изображении именно божественного персонажа и его назначения в контексте определенного обряда.

Но проявление (религиозного) мировоззрения не ограничивается поклонением богу (или богам).

Поэтому из множества аспектов остановимся на том, который особенно отчетливо должен проявиться именно на некрополе, если предположить, что погребально-поминальная обрядность это система, элементы которой являются материально-знаковым воплощением мировоззрения. Проблема – в определении круга материальных остатков и в том, каким образом воплотилось («обрело плоть») мировоззрение и как возможно их интерпретировать («развоплотить»)?

Принято полагать, что сама преднамеренность погребения свидетельствует о комплексе верований, связанных не только с отношением к смерти, но с представлениями о загробной жизни и, следовательно, о бессмертии души. Христианская традиция, долгое время рассматри-

вавшаяся европейской мыслью как идеальная модель религии, тесно связала понятие и понимание души и ее бессмертия с религией.

Одно из распространенных мнений постулирует основанием религии страх смерти. В нем соединяются комплекс переживаний смерти современным человеком и то, что человек – единственное живое существо, обладающее сознанием и знающее о своей смертности. Поэтому естественный процесс смерти для человека превращается в экзистенциальную проблему, разрешить которую и призвана религия. Археологическим подтверждением считается наличие погребальной практики уже у неандертальца – свидетельство его «человечности» и религиозности. Погребение тела априорно принимается как забота о загробной судьбе души.

На обоих некрополях открыто несколько сотен погребений. Погребальный комплекс включает в себя специальное сооружение, останки умершего и разнородный инвентарь, иногда – надгробные памятники. Материальные следы поминальных действий достаточно разнообразны и многочисленны, что делает поминальные комплексы привлекательными для реконструкции мировоззрения.

Что и как говорит о религиозных представлениях погребальное сооружение? Имеет ли отношение к сфере мировоззрения (а не социальной практике или культурной традиции) то, что на одном некрополе и примерно синхронно хоронили в сооружениях разного типа – грунтовых и вырубных могилах, каменных ящиках, склепах и катакомбах? Или важно универсальное назначение могилы (в широком смысле): отделить умершего – по гигиеническим и/или идеологическим основаниям – от живых.

Разные традиции рассматривают «последнее пристанище» специфическим аналогом жилища. Отсюда возможны выводы о загробной жизни как продолжении земной или похожей на неё, а смерти как сны (Грач. 1980. С. 72–76). Или – сложнее – дом и для мертвых и для живых сооружается в одном семантическом поле как модель мироздания. Сейчас становятся популярными исследования о космологическом смысле любого сооружения, в том числе, и погребального. Тогда тоже можно говорить о близости «жизни при жизни» и «жизни после смерти», при том, что проблема бессмертия души, по сути, оказывается второстепенной. А возможность (или неизбежность) сближения жизни *здесь* и жизни *там*, нуждается в объяснении. Ингумация в определенном локусе «матери-земли» позволяет рассматривать могилу как «утробу», а место смерти как место рождения. Скорченное положение тела в таком смысловом контексте рассматривается как поза эмбриона. Возможен обратный порядок обоснования: «эмбрион» подтверждает символическое осмысление земли как матери. Могилу можно рассмат-

ривать и как путь, «мост», «переходный люк» в другой мир. Имеет ли значение в этом случае тип погребального сооружения?

Могила как «дом», как «земля», как «мост» (вероятны и еще какие-то интерпретации) – выражение разных верований, разных концепций жизни и смерти или это своеобразные синонимы, взаимодополняющие значения друг друга?

Предметом анализа является и положение тела, сохранившегося в анатомическом порядке. Любое прочтение скорченной позы – поза «спящего», «эмбрион», свидетельство подчиненного положения погребенного (в социуме или относительно другого погребенного) или «святыня» мертвеца из-за страха перед ним живых – становится базой для построения весьма отличающихся «реконструкций» мировоззрения. Если «эмбрион» предполагает веру в новое рождение, то «спящий» – отсутствие смерти и т.д. Что о вере в бессмертие души может сказать положение тела? Какой религиозный подтекст заложен в позе «вытянутой на спине»? Единственно достоверным может быть суждение о преднамеренности позы, возможно, расположение тела, упорядоченное относительно стран света.

Круг вещей, попадающих в разряд инвентаря, практически неизменен в течение тысячелетий. Это касается не только предметов обихода, орудий труда, оружия, украшений, но и таких артефактов, как уголь, раковины, камни.

Наличие предметов, изъятых из хозяйственно-производственной, военной, бытовой сфер и сопровождающих владельца, как будто подтверждает, что загробная жизнь мыслится, хоть и несколько иным, но продолжением земной: заботясь о загробной участи умершего, сообщество, исходя из анимистического удвоения мира, в погребально-поминальном обряде снабжает его всем необходимым. Необходимым для чего и для кого? На некрополях Илурата и Китея не удалось зафиксировать сколько-нибудь устойчивого инвентарного набора, указывающего на религиозные представления о «прожиточном минимуме», необходимом умершему на том свете. В «дорожный набор» исследователи включают напутственную или поминальную пищу. По материалам Илурата и Китея репертуар костных остатков животных оказывается шире «меню», употребляемого в пищу, и часто представлен негастрономическими частями. При этом, наряду с останками животных поминальные комплексы иногда дополнены зооморфными ручками от глиняных сосудов.

Идея «напутственной пищи» в значительной мере поддерживается наличием в погребениях столовой посуды. Объяснимо ли в этом свете женское погребение на Илурате, в котором в миске была найдена кость ноги младенца? И почему мясо в дорогу дают не всем? Или всем, но кого-то из умерших «кормят» реальными продуктами, а кого-то – сим-

волически? Если это так, то почему используют разные способы? Замечено, что в «древности практиковался обычай заменять подлинные вещи моделями. Поэтому вместо подлинных злаков приносили их изображения, вместо настоящих животных – статуэтки. Такие статуэтки часто встречаются на скифских поселениях» (Смирнов. 1966. С. 581). Но почему это так? В принципе в «замене» животных их изображениями соблазнительно усмотреть связь с «гуманизацией» общества и отказом от кровавых жертв (хотя известно, что в жертвенных ритуалах натуральные продукты и их модели прекрасно совмещаются), но зачем и почему изготавливали модели зерен? Если рассматривать бусины в погребениях как «символы» зерен и плодов (Шеркова. 1991. С. 146), то не лучше было бы для усиления магической силы возрождения класть сами зерна и плоды? Почему было возможно поднести глиняный суррогат (модель) божеству? Фиксация следов тех или иных способов жертвоприношений – позволяет уяснить, что одни приносят уже бескровные жертвы (рост цивилизованности), а другие продолжают убивать животных и иногда даже людей. При желании можно сказать, что как «гуманизация», так и «экономия на богах» свидетельствуют об убывающей со временем зависимости от богов, потребности которых значительно урезаны социумом, увеличении ценности обитателей земного мира в ущерб значимости божеств. Если же не принимать всерьез такую идею, но нужно объяснять основания равнозначности «модели» натуральному продукту.

Озвучивается и менее «прагматичная» идея о том, что в могилу клали особенно любимое умершим (любимые игрушки ребенку, украшения – женщине). В этом случае «религиозная нагрузка» может и не просматриваться. Ничто не мешает говорить о проявлении не столько заботы об умершем, сколько о выражении отношения к нему родных и близких.

Материал некрополей позволил установить преднамеренность использования кремневых орудий и кусочков кремния, сочетания в тризнах амфорных остатков с костяками лошадей и собак или их костями, а также сочетания амфор и младенцев. Младенцев, действительно, не только хоронили в «своих» могилах, но и использовали как часть и погребального и поминального обрядов. Говорит ли эта преднамеренность нечто определенное о мировоззрении, кроме общего суждения о том, что в осмысленно совершенном действии находит выражение какая-то идея (индивидуально-произвольная или общественно значимая)?

Эмпирический материал некрополя мало что говорит о том, что обычно связывается собственно с религиозными представлениями, но является «вещным кодом» мироздания и человека в нем. Но может ли взгляд на мир, даже если он отличается от научного, рассматриваться в качестве религиозного.

Анализ элементов и их взаимосвязи в погребально-поминальной обрядности убеждает в том, что в мифоритуальном сознании потусторонний мир неразрывно связан с земным, изоморфен ему. В этом ключ к представлению о загробной жизни как продолжении земной.

Основной целью обряда было восстановление и удержание целостности, упорядоченности Космоса в целом и каждого (земного и «ино-го») мира в отдельности. Необходимым условием достижения этой цели был правильно осуществленный, полноценный переход умершего. Архаическое общество заботилось не о загробном благополучии покойного, а о самосохранении в кризисной ситуации, созданной смертью сородича. Вероятно, именно фундаментальность общественной заботы обусловила устойчивость основных элементов и структуры обряда (об этом подробно: Тульпе, Хршановский. 2004).

Литература

- А. Д. Грач.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- М. М. Кубланов, В. А. Хршановский.* Некрополь Илурата. Раскопки 1984–1988 г. // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Л., 1989.
- Д. С. Раевский.* Эллинические боги в Скифии? (К семантической характеристике Греко-скифского искусства) // ВДИ. 1980. № 1.
- А. П. Смирнов.* Скифы. М., 1966.
- И. А. Тульпе, В. А. Хршановский.* Погребально-поминальная обрядность как религиоведческий источник (по материалам археологических раскопок некрополей малых городов европейского Боспора) // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2004. Вып. 4.
- Т. А. Шеркова.* Судьбам египетских вещей в кушанской культуре // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991.
- И. Г. Шургая.* Аграрная магия в Илурате // Проблемы античной культуры. М., 1986.

С. В. Кашаев

Десять лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН

В 2008г. исполнилось 10 лет с момента образования Таманского Отряда и проведения первых раскопок на поселении Артющенко-2. Название отряда указывает на регион его исследований – южная часть Таманского полуострова. Один из четырех существующих в настоящее время отрядов Боспорской экспедиции ИИМК, он занимается изучением сельских памятников античного периода. В данной работе хочется рассказать о проведенных исследованиях, подвести некоторые итоги и уточнить отдельные эпизоды истории Отряда (Кашаев. 2005. С. 64).

Поначалу с названием отряда была некоторая неразбериха, предлагались и пробовались различные варианты, некоторые из них зафиксированы в полевой документации того периода и вышедших публикациях. В них чаще всего отряд назывался Бугазским или Черноморским (Рогов. 1999. С. 210; Стоянов. 1999. С. 308; Кашаев. 2001. С. 131). Однако, это название – Бугазский – носит другой отряд, с 1998 г. занимающийся раскопками поселения Артющенко-1 под руководством Ю. А. Виноградова (Виноградов. 2001. С. 122). В конечном итоге Е. Я. Рогов предложил назвать вновь образованный отряд Таманским; именно это название вскоре и закрепилось.

Начинать работать на новом месте было достаточно сложно. Не было базы экспедиции, какого-либо полевого оборудования, снаряжения и финансирования. Впоследствии Евгений Яковлевич Рогов иногда говорил: «а ведь мы – выводок из Нимфея», вспоминая, при этом, что первым экспедиционным имуществом были большая кастрюля и шестиместная палатка. Эти ценные вещи были подарены ему О. Ю. Соколовой, когда Е. Я. Рогов в 1998 г. заехал в Нимфей по дороге из Херсонеса на Тамань²⁵.

Среди работ, проведенных отрядом, можно выделить несколько направлений – разведки в южной части таманского полуострова, раскопки поселения и грунтового некрополя Артющенко-2, раскопки поселения Вышестеблиевская-11.

Первым направлением работы Отряда можно считать археологические разведки. Они проводились в 1997–2001 гг. и были сосредоточены в южной части Таманского полуострова, от мыса Тузла до станицы

²⁵Хочется выразить огромную благодарность Ольге Юрьевне Соколовой за поддержку, оказанную в тот сложный момент.

Старотитаровская. Эти работы велись разведочной группой под руководством сотрудника ИА РАН к.и.н. Я. М. Паромова.

Разведками были охвачены как обследованные, так и не обследованные ранее территории; их общая площадь составила около 200 км². Учитывались все обнаруженные археологические памятники, начиная с эпохи бронзы и до начала XX в. В связи с изменившейся в последние годы ландшафтной ситуацией – раскорчевкой садов и виноградников, прекращением или началом пахотных работ на некоторых сельскохозяйственных площадях, были проведены вторичные разведки обследованных ранее (в 1980–90-х годах) территорий. Повторное обследование позволило выявить, прежде всего, значительное количество не учтенных ранее, так называемых, малых курганов, относящихся к эпохе бронзы и ряд поселенческих памятников различного времени, а так же уточнить современное состояние многих объектов. При обследовании памятников было описано их современное состояние, учтены произошедшие за последние десять лет изменения природного и антропогенного характера.

Вторым направлением в работе отряда стало исследование сельского поселения Артющенко-2. Это поселение является одним из новых памятников, открытых в ходе разведок 1997 г. Поселение находится примерно в 3 км к юго-востоку от поселка Артющенко и в 15–16 км к юго-востоку от станицы Тамань (Новотаманский сельский округ, Темрюкский район Краснодарского края). Именно здесь в 1998 г. были начаты первые спасательные раскопки Таманского отряда (Рогов. 2000. С. 210; Соловьев, Рогов, Бутягин. 1999. С. 191). Памятник расположен на высоком обрывистом берегу Черного моря, интенсивно разрушающемся в результате абразии. Вследствие этого ежегодно значительные участки культурного слоя откалываются от коренного берега, сползают по склону и размываются морем.

За несколько полевых сезонов на поселении вскрыта площадь около 600 кв. м, на которой исследована серия хозяйственных ям с материалом V–III в. до н.э. (Рогов. 2000. С. 210; Рогов. 2001. С. 164). Мощность культурного слоя здесь до 1,5 м. Для исследованного участка поселения характерны большие хозяйственные ямы до 2 и более метров глубиной. В хронологическом отношении находки, обнаруженные в хозяйственных ямах и в культурном слое, относятся к античному времени – с конца VI – до середины III в. до н.э. В основном это фрагменты амфор Хиоса, Лесбоса, Фасоса, Менды, Гераклеи, Синопы и Родоса (Кашаев. 2001. С. 132). Помимо керамического материала в нескольких хозяйственных ямах были обнаружены скелеты собак (Рогов. 2000. С. 210; Стоянов. 1999. С. 308), а также серия обугленных зёрен, дающая представление о сельскохозяйственных культурах, использовавшихся в древности (Пашкевич. 2004. С. 135).

На участке поселения Артющенко-2 в 2008 г. С. Л. Смекаловым была проведена геофизическая съемка с использованием магнитометра. Эти работы позволяют отрабатывать методику обнаружения строительных и хозяйственных комплексов на памятниках Таманского полуострова. Площадь, исследованная геофизическими методами на памятнике Артющенко-2, составила около 6500 м².

Следующим направлением в работе Отряда стали раскопки грунтового некрополя, относящегося к поселению Артющенко-2 и получившего аналогичное наименование. Подобные памятники довольно сложно обнаружить с поверхности. Чаще всего их находят при проведении строительных, земляных работ или же при естественных разрушениях. Так было и в нашем случае.

После дождливой зимы 2001–2002 г. произошли значительные осыпи берега на Черноморском побережье Таманского полуострова от мыса Железный рог до Бугазского озера. Наличие свежих осыпей и повреждений слоя привело к необходимости тщательного обследования обрывов и береговых скатов в районе поселения Артющенко-2. В ходе полевого сезона 2002 г., к востоку от границы поселения, среди осыпавшихся пластов грунта были обнаружены фрагменты двух человеческих костяков, происходящие из полностью разрушенных абразией погребений (Виноградов, Кашаев. 2003. С. 234–235). Отдельные кости были собраны с поверхности осыпей, какие-либо погребальные сооружения не сохранились. Сделанные находки позволили предположить, что в зону абразии попал некрополь античного времени, относящийся к поселению Артющенко-2. С 2003 г. отряд приступил к его планомерным раскопкам (Кашаев, Грицик. 2004. С. 266).

Таблица 1. Исследованная на некрополе площадь и погребения.

Год исследования	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	всего
Вскрытая площадь, м ²	0	43	133	320	470	494	510	1970
№ исследованных погребений	1,2	3–6	7–13	14–25	26–35	36–51	52–66	1–66
Количество погребений	2	4	7	12	10	16	15	66

С 2002 по 2008 г. на некрополе исследована площадь почти 2000 м², на которой в общей сложности вскрыто 66 погребений. Важным результатом раскопок 2006 г. стало обнаружение западной границы некрополя. Этой границей является вытянутая с севера на юг линия

погребений. При статистических подсчетах важно учитывать, что около 320 м² площади исследовано за границей некрополя. Таким образом, при подсчете плотности захоронений надо брать площадь 1650 м² и 60 обнаруженных на ней погребений. В этом случае на одно погребение приходится примерно 27,5 м².

О сохранившихся размерах данного некрополя судить сложно, поскольку его территория подвергалась многолетней распашке и на поверхности какие-либо следы захоронений отсутствуют. На данный момент расстояние между самыми удаленными друг от друга погребениями по линии запад-восток составляет около 200 м, по линии север-юг – 25 м. Если принять приведенные цифры за минимальные размеры некрополя, то его площадь составляет не менее 0,5 га.

Однако, судить о территории, которую занимал некрополь, можно и на основании некоторый общих соображений – конфигурации береговой линии в этом районе, топографии памятников и пр. Поселение Артюшенко-2 вытянуто вдоль берегового обрыва с запада на восток примерно на 500 м. К востоку от его границы, через 800–850 м, начинается граница поселения Артюшенко-1 (Бугазское). По-видимому, между поселениями Артюшенко-2 и Артюшенко-1 находятся и, скорее всего, соединяются и пересекаются несколько разновременных могильников, это некрополи поселения Артюшенко-2 (архаического и эллинистического времени), а так же некрополи поселения Артюшенко-1 (архаического, эллинистического, римского и средневекового времени).

Косвенно это предположение подтверждают исследования В. Д. Блаватского и Ю. А. Виноградова. В 1952–1953 г. В. Д. Блаватский проводил раскопки Бугазского поселения и обнаружил к западу от его границы погребение римского времени (Блаватский. 1953. С. 153). В 2002 г. Ю. А. Виноградов, также на западном участке, обнаружил безинвентарные захоронения (Виноградов, Кашаев. 2003. С. 233), скорее всего средневековые.

Возможно, что вся обозначенная территория является огромным кладбищем, протянувшимся вдоль берегового обрыва примерно на 1 км. С юга оно сильно подрезано береговым обрывом, а северная его граница пока не установлена.

Не исключено, что в результате абразии перечисленные могильники либо сильно сократили свою площадь, либо почти полностью уничтожены. Дальнейшие исследования помогут уточнить или скорректировать их границы и высказанное предположение.

Исследованные на некрополе погребения имеют общие черты – глубина до дна могилы примерно 1–1,5 м, костяки лежат вытянуто на спине, большинство ориентированы головой на восток, с отклонением к северу. Погребения впущены в желто-бежевый материковый суглинок, контуры могильных ям в слое не читаются, иногда фиксируются

только на уровне костяка по заполнению – светло-серому суглинку с включениями желто-зеленой глины.

Таблица 2. Статистические подсчеты по исследованным погребениям.

	Кол-во погребений	% от учтенных	номера погребений	Кол-во костяков
Всего учтено погребений	66	100	1–66	75
Погребения разрушенные	6	9,09	1, 2, 4, 5, 8, 36	6
Погребения раскопанные	60	90,91	3, 6, 7, 9–35, 37–66	69
Женские индивидуальные	18	27,27	3, 6, 15, 16, 17, 23, 26, 29, 31, 33, 45, 47, 50, 51, 57, 58, 59, 66	18
Мужские индивидуальные	15	22,73	7, 9, 11, 13, 14, 19, 22, 34, 40, 48, 49, 62, 63, 64, 65	15
Детские индивидуальные	8	12,12	12, 20, 39, 41, 46, 53, 54, 55	8
Коллективные погребения	13	19,70	10, 21, 24, 25, 27, 28, 32, 37, 42, 43, 44, 52, 61	28
Кенотафы	6	9,01	18, 30, 35, 38, 56, 60	0
Из них:				
Мужские с оружием, всего	17	25,76	7, 10, 13, 14, 21, 24, 25, 32, 34, 40, 43, 49, 52, 62, 63, 64, 65	24
Индивидуальные с оружием	10	15,15	7, 13, 14, 34, 40, 49, 62, 63, 64, 65	10
Парные с оружием	7	10,61	10, 21, 24, 25, 32, 43, 52	14

Инвентарь расположен вдоль левой половины костяка, у южной стенки могилы или в ногах. Среди исследованных погребений особо выделяются и привлекают внимание коллективные захоронения и захоронения воинов, содержавшие различные предметы вооружения – мечи-акинаки, наконечники копий, дротиков и стрел. Помимо железного и бронзового оружия, в могилах встречается и другой сопроводительный инвентарь: металлические предметы (ножи, ворворки, колокольчики) и керамическая посуда (миски, кувшины, кубки и др.). Для женских погребений характерны, в основном, разнообразные украшения (кольца, бронзовые и серебряные подвески, различные бусы и про-

низки (рис. 1.1; 1.2)) и предметы обихода (керамические сосуды, бронзовые зеркала, иглы и пр.). Для детских захоронений особого набора предметов пока не выявлено, они содержат такой же инвентарь, что и погребения взрослых – в основном керамическую посуду (рис. 1.4). Набор керамических изделий, обнаруженный в погребениях, чрезвычайно разнообразен – от простых кружальных мисок, кувшинов, лепной посуды до амфор и аттической чернолаковой (рис. 1.5) и расписной (рис. 1.3; 2.1; 2.4,5) керамики. Довольно интересны бронзовые изделия (рис. 1.4), а так же украшения конской упряжи, выполненные в скифском зверином стиле (рис. 2.2).

Обращает на себя внимание частое присутствие в погребениях заупокойной пищи, по наличию костей животных она зафиксирована, как минимум, в половине случаев. При разборке культурного слоя некрополя обнаружены тризны, содержавшие амфоры V в. до н.э. Большинство открытых захоронений относятся к V в. до н.э., но инвентарь отдельных погребений можно датировать концом VI – первой половиной IV в. до н.э.

По результатам проведенных раскопок можно заключить, что могильник продолжается в северном и восточном направлениях. Как далеко памятник распространяется к северу, захватывая часть пахотного поля, сказать пока сложно. Возможно, геофизические исследования, проведенные на нескольких участках, помогут хотя бы приблизительно определить его границы. Геофизическая съемка на некрополе была проведена двумя методами – с использованием георадара (О. Н. Смольникова) и магнитометра (С. Л. Смекалов), общая исследованная площадь составила около 5500 м². Обработка полученных результатов продолжается, но уже сейчас можно говорить о положительных результатах и перспективности применения геофизики для обнаружения погребальных комплексов в сложных и специфических грунтах Таманского полуострова.

Некоторые результаты проведенных работ и отдельные погребения уже опубликованы (Кашаев. 2004. С. 185; Кашаев. 2006. С. 180; Кашаев. 2007а. С. 211; Кашаев. 2007б. С. 209; Кашаев. 2008. С. 128; Цинько. 2007. С. 321). В настоящее время ведется обработка полученных материалов и подготовка к публикации всех исследованных комплексов.

Последним объектом исследований Таманского Отряда стало поселение Вышестеблиевская-11. Памятник состоит из поселения, занимающего площадь около 20 га и сырцовой крепости (батарейки), находящейся в восточной его части. Он расположен на северо-западном берегу Кизилташского лимана в 3 км к югу – юго-востоку от окраины станицы Вышестеблиевская (Вышестеблиевский сельский округ, Темрюкский район Краснодарского края). Остатки крепости имеют вид холма прямоугольных очертаний (100×90 м) с плоской вершиной и

задернованными крутыми откосами и возвышаются на 25 м над зеркалом лимана и на 3–5 м над уровнем поселения.

О существовании древнего поселения на берегу Кизилташского лимана известно давно. Оно обозначено на картах XVIII–XIX в., например, на карте Дюбуа де Монпере, переизданной в Альбоме КБН (КБН Альбом. 2004). В 1910–15 г. здесь были найдены античные эпиграфические памятники (КБН. 1965. № 1112, 1113), а в 1930-х г. А. А. Миллер обозначил поселение на археологической карте (Абрамов, Паромов. 1993. С. 62.). В 1960–70 г. поселение сильно пострадало в результате строительства на его территории военного городка; археологические работы перед строительством не проводились. Из воспоминаний старожилов известно, что в процессе строительства военными попадались древние камни с изображениями. Все они были заложены в фундаменты казарм и залиты бетоном. К сожалению, эти объекты для науки потеряны. Остатки стен построек и бункеров еще и сейчас (выходят на поверхность) в некоторых местах видны на поверхности. После передислокации части земли были отданы фермерам под сельскохозяйственные угодья. Со слов последних: «с уходом военных местность напоминала свалку, нам пришлось выровнять часть территории бульдозером, вывезти на свалку железобетонные конструкции, мусор и значительное количество грунта с черепками» (т.е. культурный слой поселения – С. К.). После этого площадь памятника уже много лет распаивается, глубина распашки по данным раскопок 30–50 см. В 1977 г. на поселении был заложен небольшой раскоп (Басовская, Долгоруков и др. 1978. С. 104), а в 1982 г. Я. М. Паромов провел на памятнике археологические разведки (Абрамов, Паромов. 1993. С. 62).

В 1999 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН начал первые охранно-спасательные работы с целью выяснить современное состояние многострадального памятника, наличие и сохранность археологических комплексов, культурного слоя их датировку и пр. (Рогов. 2001. С. 164). В течение нескольких сезонов исследования проводились совместно с немецкими коллегами (Виноградов, Рогов, Кашаев. 2002. С. 254; Rogov, Vinogradov, Stähler, Fornasier. 2001. P. 169–185; Klaus Stähler. 2002. P. 113–120) из Вестфальского Университета (г. Мюнстер, Германия).

На поселении было заложено три раскопа. Раскопы 1 и 3 являются основными и находятся в противоположных частях поселения, Р-1 в северо-восточной, Р-3 – в юго-западной. Раскоп 2 можно назвать вспомогательным, он расположен недалеко от Раскопа-1 и предназначался для проверки данных проведенной геофизической съемки.

На Раскопе-1 (рис. 4) на протяжении 25 м был исследован участок улицы, которая шла от центральной части поселения в сторону обрывистого берега. Улица была выполнена из плотной глины, с большим

количеством фрагментов керамики, датируемых второй половиной V в. до н.э. С каждой стороны улицы располагались заглубленные в землю строительные комплексы. Всего исследовано 15 строительных комплексов, 57 хозяйственных ям, а также другие конструкции. Обнаруженные строительные и хозяйственные комплексы относятся к различным периодам жизни поселения, между которыми, возможно, были перерывы и датируются они со второй половины V в. до н.э. по X в. н.э. (Рогов, Кашаев. 2001. С. 140). Суммируя имеющиеся данные, можно сделать вывод о том, что, на исследованном участке поселения в позднеантичный и раннесредневековый периоды существовал «квартал», состоящий из участка улицы и нескольких построек.

Таблица 3. Раскопы и исследованные археологические комплексы

Участок	площадь, м ²	кол-во СК	кол-во хоз. ям	датировка комплексов и находок из слоя
Раскоп 1	875	15	57	3/4 V в. до н.э. – X в. н.э.
Раскоп 2	50	0	8	3/4 V в. до н.э. – X в. н.э.
Раскоп 3	425	2	32	нач. IV – нач. II вв. до н.э.

В античных слоях и комплексах массовый керамический материал представлен фрагментами амфор различных центров производства – Хиоса, Фасоса, Менды, Лесбоса. Имеются керамические изделия местного боспорского изготовления и чернолаковая аттическая керамика (рис. 3.1–6) (Рогов, Кашаев. 2002. С. 124; Рогов, Кашаев, Форназиер. 2005. С. 177). В комплексах римского времени встречены характерные для этой эпохи фрагменты керамики, изделия из кости и стекла (Кашаев. 2002а. С. 122). Средневековые – салтово-маяцкие – комплексы содержат традиционные для этого времени горшки с волнистым и гребенчатым орнаментом, высокие одноручные кувшины и другие сосуды.

Раскоп 3 интересен тем, что обнаруженные там материалы и комплексы, в отличие от Раскопа 1, относятся только к античному периоду. Суммарно они датируются началом IV – началом II в. до н.э., отдельные фрагменты керамики можно отнести к концу V в. до н.э. Большинство амфорных фрагментов принадлежит таким центрам как Хиос, Синоп, Фасос, Менда, Книд, Гераклея Понтийская. Находок более позднего времени нет ни в слое, ни в комплексах. Среди других находок можно отметить предметы вооружения (Грицик. 2004. С. 104) и необычные детали фигурных сосудов (Кашаев. 2006б. С. 176).

В процессе раскопок были выявлены два строительных комплекса, 32 хозяйственные ямы и система траншей. Наиболее любопытным можно считать СК-2, он представляет собой заглубленную постройку

«подпрямоугольной» в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ. С восточной стороны постройка имеет «коридор» – вход. Заполнение комплекса составляют рыхлый серый суглинок с большим количеством камки и пачины. Камка является остатками провалившейся внутрь крыши постройки. В южном углу СК-2 обнаружена печь, подквадратной в плане формы, размером 1,0 x 1,1 м. Верхняя часть печи представляла собой свод, стенки печи выполнены из обожженной глины. В юго-западной стенке имеется проем – топка, с упавшим перекрытием. Перед проемом печи выявлено большое темное золистое пятно. При расчистке «коридора» выяснилось, что его заполнение состоит из золистого слоя, который доходит до проема печи.

Среди находок в заполнении СК-2 фрагменты боспорских керамид, фрагменты керамики, кости животных. Датировка его соответствует датировке всех объектов обнаруженных на Раскопе 3 и может быть отнесена к началу III в. до н.э.

Уже довольно многочисленной стала серия надгробий с иудейской символикой, найденных на поселении (Рис. 3.7,8). За время исследования 10 плит были обнаружены в качестве случайных находок и еще 10 – в процессе раскопок (Кашаев, Кашовская. 1999. С. 332; Кашаев, Кашовская. 2004. С. 13; Кашаев, Кашовская. 2006. С. 55). Столь значительное количество стел, дошедших до наших дней и обнаруженных на памятнике, свидетельствует о существенных размерах древнего иудейского могильника. Таким образом, поселение Вышестеблиевская-11 является третьим, после Фанагории и Гермонасы, районом массового обнаружения такого типа стел на Тамани. Это позволяет говорить о памятнике как о месте длительно компактного проживания иудеев на Азиатском Боспоре с античных времен.

Вышестеблиевская крепость (батарея) пока практически не исследовалась. В 1977 г. небольшие работы на ней были проведены Фанагорийской экспедицией (Басовская, Долгоруков и др. 1978. С. 104; Яйленко. 1987. С. 20). Вместе с укреплением поселения Старотитаровская-17 и остатками других укреплений она составляла оборонительную линию южной стороны Таманского полуострова (Рогов. 1999. С. 154–156). В 2007–2008 г. С. Л. Смекаловым был снят геофизический план крепости, который очень отчетливо показал наличие оборонительных сооружений, внутреннюю планировку, а также отдельные объекты и комплексы.

Материалы из раскопок Таманского отряда были представлены на различных конференциях и в публикациях, их обработка и введение в научный оборот продолжается.

Рис. 1. Находки из некрополя Аргюшенко-2. 1 – пронизки золотые (погр. 66); 2 – подвески золотые (погр. 47); 3 – котила расписная (погр. 47); 4 – кальпида расписная (погр. 39); 5 – килик чернолаковый (погр. 32)

Рис. 2. Находки из некрополя Аргющенко-2. 1 – лекиф чернолаковый (погр. 47); 2 – детали конской упряжи (погр. Коня 1); 3 – кииф бронзовый (погр. 40); 4 – лекиф расписной (погр. 51); 5 – роспись лекифа, развертка без масштаба (погр. 51)

Рис. 3. Находки с поселения Вышестеблиевская-11. 1 – лекиф расписной; 2 – килик чернолаковый; 3 – амфориск чернолаковый; 4 – тарелка чернолаковая; 5 – аск чернолаковый; 6 – миска чернолаковая; 7, 8 – надгробия с иудейской символикой

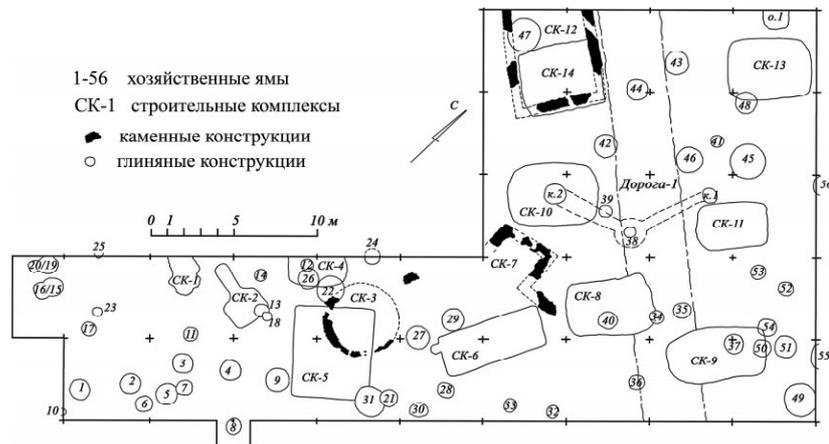

Рис. 4. Поселение Вышестеблевская-11. Сводный план Раскопа-I (1999–2007 г.)

Хочу поблагодарить всех, кто принимал участие в работах Таманского отряда. Особая благодарность тем, чьими руками выкопаны бесчисленные кубометры нелегкой Таманской земли:

- студентам и выпускникам кафедры археологии Санкт-Петербургского Государственного Университета,
- студентам кафедры классической филологии Санкт-Петербургского Государственного Университета и их руководителю Н. А. Павличенко,
- студентам кафедры древнего мира Саратовского Государственного Университета (СГУ) им. Чернышевского и их руководителю к.и.н. Е. В. Смыкову,
- студентам историко-филологического факультета Мурманского государственного Университета и их руководителю Т. М. Голышевой.

Отдельное спасибо исследователям и специалистам, в разные годы принимавшим участие в научной работе отряда: О. В. Андреевой, А. С. Анисимовой, М. Ю. Вахтиной, Л. В. Глазуновой, Е. В. Грицик, Т. М. Гусенцовой, Е. А. Дурновой, В. И. Кацу, Н. В. Кашовской, Т. М. Кутиновой, С. Ю. Монахову, А. С. Намойлик, А. Н. Новиковой, К. А. Огаркову, М. С. Павловой, Я. М. Паромову, В. Я. Петрухину, С. Л. Смекалову, Р. В. Стоянову, И. В. Тункиной, А. С. Цинько, Л. М. Яковлевой.

Большое спасибо и многим другим, кого нет в этом списке, поварам, энтузиастам и любителям, тем, кто участвовал в раскопках, а так-

же оказывал какую-либо помощь по обработке материалов, написании научных отчетов, оснащению экспедиции. Особо хочется поблагодарить семью Руденко (ст. Вышестеблиевская), Фирму «Снаряжение» (Санкт-Петербург) в лице М. И. Красикова, за помощь, оказанную в обеспечении Таманского Отряда необходимым полевым оборудованием и снаряжением.

Литература

- А. П. Абрамов, Я. М. Паромов.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. М., 1993. № 2.
- Н. И. Басовская, В. С. Долгоруков, В. Д. Кузнецов, Т. Г. Шавырина, В. П. Яйленко.* Исследования Фанагории // АО-1977. М., 1978.
- В. Д. Блаватский.* Второй год работы Синдской экспедиции // КСИА. 1953. № 51.
- Ю. А. Виноградов.* Раскопки поселения Артюшенко-1 // АО-2000. М., 2001.
- Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов, С. В. Кашаев.* Международный коллоквиум «Греки и не греки на северном берегу Черного моря» (г. Мюнстер, 15–16 января 2001 г.) // Археологические вести. СПб., 2002. № 9.
- Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев.* Боспорская экспедиция ИИМК РАН // АО-2002. М., 2003.
- Е. В. Грицик.* Находки предметов вооружения на поселении Вышестеблиевская-11 // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
- С. В. Кашаев.* Раскопки поселения Артюшенко-2 // АО-2000. М., 2001.
- С. В. Кашаев.* Несколько комплексов римского времени из раскопок поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002а.
- С. В. Кашаев.* Некрополь около поселения Артюшенко-2 // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
- С. В. Кашаев.* Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН (1998–2004 гг.) // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича. СПб., 2005.
- С. В. Кашаев.* Коллективные погребения (№ 10, 21, 24, 25) из некрополя Артюшенко-2 // Материалы Первой Абхазской археологической конференции, памяти Ю. Н. Воронова. Сухум, 2006. 2006 а.
- С. В. Кашаев.* Фигурный носик сосуда из раскопок поселения Вышестеблиевская-11 // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос. Сборник научных материалов VII Боспорских чтений. Керчь, 2006 б.

- С. В. Кашаев.* Погребальный обряд некрополя Артющенко-2 // Боспорский Феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007 а. Часть 1.
- С. В. Кашаев.* Лепная керамика из некрополя Артющенко-2 // Записки ИИМК РАН. СПб., 2007 б. № 2.
- С. В. Кашаев.* Погребения с оружием в некрополе Артющенко-2 // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов IX Боспорских чтений. Militaria. Керчь, 2008.
- С. В. Кашаев., Е. В. Грицик.* Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК // АО–2003. М. 2004.
- С. В. Кашаев, Н. В. Кашовская.* Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.
- С. В. Кашаев, Н. В. Кашовская.* Иудаизм на Боспоре – археологический контекст // Материалы 11-й Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2004.
- С. В. Кашаев, Н. В. Кашовская.* Камни и надписи Боспора // Восточная коллекция (альманах Восточного отделения РГБ). М., 2006.
- Г. О. Пашкевич.* Про склад рослин, вирощування на початку грецької колонізації Північного Причорномор'я // *Vorysthenika-2004.* Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследования острова Березань Э. Р. Фон Штерном. Николаев, 2004.
- Е. Я. Rogov.* Укрепленные поселения Таманского полуострова // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.
- Е. Я. Rogov.* Разведки на юге Таманского полуострова // АО–1998. М., 2000.
- Е. Я. Rogov.* Раскопки поселения Артющенко-2 // АО–1999 г. М., 2001.
- Е. Я. Rogov, С. В. Кашаев.* Работы Российско-Германского отряда на поселении Вышестеблиевская-11 // АО–2000. М., 2001.
- Е. Я. Rogov, С. В. Кашаев.* Комплекс чернолаковой керамики из раскопок поселения Вышестеблиевская-11 // Археологические вести. СПб., 2002. № 9.
- Е. Я. Rogov, С. В. Кашаев, Й. Форназир.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // Боспорские исследования Симферополь, Керчь, 2005. Т. VIII.
- С. Л. Соловьев, Е. Я. Rogov, А. М. Бутягин.* Южно-Таманская античная комплексная экспедиция // АО–1997. М., 1999.
- Р. В. Стоянов.* К вопросу о находках скелетов собак при исследовании поселения Артющенко-2 // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.
- А. С. Цинько.* Парное погребение воинов в некрополе Артющенко-2 // ANTIQVINAS IVVENTAE. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Саратов, 2007.

- В. П. Яйленко.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.
- E. Rogov, Ju. Vinogradov, K. Stähler, J. Fornasier.* Archäologische Untersuchungen auf der Taman' – Haldinsel, Rußland // Eurasia Antiqua. Berlin, 2001. Band 7.
- K. Stähler.* Die antike Siedlung Vysesteblievskaja-11 // Das Bosporianische Reich. 2002.

В. А. Хриановский

Археологическая экспедиция ГМИР в 1999–2008 г.

На протяжении последнего десятилетия археологическая экспедиция Государственного Музея истории религии в Восточном Крыму продолжала исследования некрополей двух малых боспорских городов – Илурата и Китея. На первом было открыто, исследовано и доследовано после грабителей около 30 объектов, на втором – около 100. Материалы, полученные в результате раскопок, существенно пополнили, и даже отчасти изменили имевшиеся к концу прошлого столетия представления об этих некрополях.

Большинство объектов, доследованных в южной части илуратского плато, где в основном велись работы, – грунтовые и плитовые могилы, разграбленные в периоды межсезонья 1999–2005 г. Плитовые могилы преобладали – их было 9, грунтовых – всего 3. Широтную ориентацию имели 10 из них, 4 – меридиональную. Установить ориентацию погребенных по зафиксированным костным останкам не представлялось возможным. Материал, найденный при переборке грабительских отвалов из могил, в основном датировался (если это удавалось) – II–III в. н.э.

В юго-западной части, на краю илуратского плато, было найдено несколько погребальных сооружений, вырубленных в скальном массиве – склеп № 211 и четыре катакомбы № 215–216 и 218, 222.

По типу, склеп № 211 представлял собой неоднократно встречавшееся ранее на скальном некрополе погребальное сооружение, состоявшее из вырубленной в массиве скалы камеры и подводящего к ней дромоса. Стены дромоса в данном случае были образованы плитами известняка, поставленными на ребра. Дромос (1,7–1,9 x 1,5–1,7 м) с запада подводил к прямоугольной в плане камере (2,8–3 x 2,3–2,4 м), вытянутой также запада на восток. К конструктивным особенностям камеры склепа относилась вырубленная в скальном массиве, в юго-восточном углу, яма правильной прямоугольной формы (0,7 x 0,5м,

глубиной 0,7–0,75 м), вытянутая в меридиональном направлении. Сверху она была перекрыта плитой известняка, лежавшей *in situ* на уровне пола камеры.

Склеп был разграблен в древности. По найденным материалам он датируется I–II в. н.э. К числу необычных находок из склепа № 211 относится четырехгранная костяная поделка с нанесенными на каждую грань гравированными рисунками: вертикальными линиями, косыми крестами и лунками. Было высказано предположение, что она является боспорским календарем (Молева, Тульпе, Хршановский. 2004. С. 171–183).

На этом же участке некрополя были открыты и исследованы четыре катакомбы с пещеровидными камерами, выбранными в скальном массиве. Три из них были ориентированы с юго-запада на северо-восток, четвертая (№ 216) – строго меридионально. Их отличием от встречавшихся ранее на скальном некрополе катакомб была большая площадь погребальных камер (5,3 м²; 6 м²; 7,5 м² и 15,6 м²).

Катакомбы также были разграблены в древности. Над некоторыми из них свод был частично разрушен. Однако, именно под обломками свода одной из катакомб (№ 215) был обнаружен набор посуды, состоящий из стеклянных тарелки и ойнохойи, чернолощеного кувшина, краснолаковых блюда и кубка с растительным орнаментом *en barbotin*, который позволил датировать погребальный комплекс второй половиной II в. н.э. В этой же катакомбе, в юго-восточном углу камеры, были обнаружены костные остатки двух лошадей.

Вещевой материал, найденный при исследовании трех других катакомб, был немногочислен и менее информативен. Однако взаиморасположение и конструктивное сходство не вызывают сомнения в их синхронности.

Небезынтересно, что в верхнем горизонте одной из них (№ 216) было обнаружено полуразрушенное погребение XII – начала XIII в., относящееся к культуре «Черных клубуков» (Хршановский. 2005. С. 345).

В этой же юго-западной части илуратского плато за минувшее десятилетие было найдено и исследовано еще 7 склепов, сложенных насухо из известняковых блоков и плит – № 205, 206, 213, 220, 225–227.

Первый из них – № 205 – самый небольшой – имел квадратную камеру (2,25–2,3 x 2,1–2,25 м). С юго-запада к ней подводил дромос (1,3–1,5 x 1 м).

Разрушенный и разграбленный дважды – в древности и в наше время – склеп № 205 по остаткам погребального инвентаря датировался III в. н.э.

Склеп № 206 – находился на том же участке некрополя, в нескольких десятках метров к северу от предыдущего. Дромос (3,2 x 1,3–1,5 м)

с северо-запада подводил к полностью сохранившемуся (включая верхнее перекрытие) входному проему в камеру. Камера имела правильную прямоугольную форму (3,7 x 2,5–2,6 м) и ориентирована по оси запад – восток, со смещением (около 30 градусов), соответственно, к северу и югу. По сохранившимся нижним блокам свода можно утверждать, что склеп имел полуциркульное перекрытие.

Найденные материалы позволяют датировать его также III в. н.э. В склепе имелись следы поминальной тризны (или нескольких тризн) с принесением в жертву диких и домашних животных: лошади, коровы, овцы, козы и зайца. (Хршановский. 2003а. С. 21–31).

Отдельного упоминания заслуживают три очень больших склепа с полуциркульными сводами (№ 213, 220, 225) и два небольших с плоским плитовым покрытием (№ 227 и 226), расположенных у северо-восточного подножья скальной возвышенности на юго-западном участке илуратского плато.

Все три склепа имели полуциркульные своды, четкую меридиональную ориентацию и были обращены дромосами к югу.

Сложенный насухо из блоков и плит известняка, склеп № 213 состоял из прямоугольной камеры (5 x 3,85 м), подводящего к ней с юга дромоса (3,6 x 1,85–2 м) и встроенной в северную торцовую стену камеры ниши, перекрытой полностью сохранившимся полуциркульным сводом. Общая длина сооружения от первой ступеньки дромоса до задней стенки ниши составила 10,2 м.

В дромосе вели 5 ступеней из тщательно обработанных монументальных блоков известняка в форме параллелепипедов длиной от 1–1,1 м (верхняя ступенька) до 1,3–1,4 м (нижняя ступенька). Перепад высоты в дромосе от верхней ступени до вымостки пола составил 1,5 м. Стены дромоса также были облицованы монументальными блоками, выровненными и заглаженными с внутренней стороны. Сохранившаяся высота стен достигала 1,1–1,25 м. Пол в камере был вымощен плитами известняка.

Необычно была оформлена задняя (северная) стена камеры склепа, сохранившаяся на высоту 1,7–1,9 м. В середину ее была искусно встроена ниша с полуциркульным сводом длиной 2 м глубиной – 1,1–1,15 м, высотой – 1 м.

За восточной стеной камеры склепа № 213 (северо-восточный угол) с внешней стороны был раскрыта потайная камера – каменный ящик (1,4 x 1,1 м, глубиной 0,6 м), заполненный костями животных и птиц. В результате палеозоологического анализа было установлено, что здесь находились скелеты двух взрослых собак (один без черепа и, вероятнее, принадлежал самке), костные остатки молодого и взрослого зайца, молодой, полувзрослой и взрослой кошки, птицы (домового сыча), не менее 5 летучих мышей.

Репертуар обнаруженных в тайнике костных остатков животных и птиц (возможно за исключением летучих мышей), их видовая семантическая нагрузка, устойчивое внутривидовое соотношение (старая или взрослая – молодая особи) позволяют предположить, что все они оказались в тайнике в результате целенаправленного действия – жертвоприношения, для которого потайная камера, судя по всему, и была изначально предназначена.

Склеп был разрушен и разграблен в древности. Весьма немногочисленный массовый материал, найденный в ходе раскопок, суммарно датируется I–II в. н.э.

О былом богатстве погребального инвентаря, сопутствовавшем первоначально погребенному (или погребенным) в этом склепе, свидетельствовал фрагмент погребального венка из фольги желтого металла и выдающееся произведение ювелирного искусства Боспора – филигранный ажурный перстень из желтого металла с гранатами, датирующийся не позднее середины II в. н.э. (Захаренков, Хршановский, Трейстер. 2004. С. 73–85; Мордвинцева, Трейстер. 2007. № А93а 1. Т. 2. С.35; Т. 3. Табл. 4.).

К югу – юго-юго-востоку от дромоса склепа была обнаружена ритуальная площадка с тризной – многочисленными фрагментами кружальной и лепной керамики, оплавленными обломками стеклянных сосудов, предметами из железа и бронзы – III в. н.э.

Примерно в 50 м к северу от склепа № 213 был найден и исследован еще один очень большой склеп, сложенный из блоков и плит известняка, – № 220. Склеп также имел четкую меридиональную ориентацию. Он состоял из дромоса и двух камер. Дромос (длина 3,6–3,7 м, ширина – 1,2–1,6 м, высота полностью сохранившихся стен – до 2,5 м!), подводил с юга к малой камере подквадратной формы (2,6–2,65 x 2,8–2,9 м). Эта камера была отделена от дромоса стоявшей *in situ* закладной плитой, заложеной при вторичном использовании внутри блоками известняка. Вторая (большая) камера имела правильную прямоугольную форму (длина – 5 м, ширина – 3,6 м). В обеих камерах пол был вымощен плитами известняка. Высота сохранившихся стен здесь достигала 1,7 м. Судя по найденным в грунте заполнения профильным блокам, обе камеры были перекрыты полуциркульными сводами.

В ходе раскопок предварительно были выделены четыре хронологических периода: время сооружения и первоначального использования склепа – середина – вторая половина II в. н.э.; время разрушения большой камеры и использования для коллективных захоронений (более 15 человек!) малой камеры склепа – конец II–III в. н.э.; погребение в восточной части малой камеры (в слое над скоплением костей людей и животных предыдущего уровня) молодой женщины с прижизненно деформированным черепом, и сопутствующим захоронением собаки –

III – начало IV в.; последнее использование склепа, связанное с ритуальными действиями в верхнем слое восточной половины малой камеры, по профильным фрагментам круглодонных амфор и найденному в этом же слое над большой камерой крестом, вырезанным из известняка, может широко датироваться V–VI в. н.э.

Помимо упомянутого креста греческого типа (равносторонний с расширяющимися концами) среди нерядовых находок из склепа № 220 необходимо упомянуть сердоликовую вставку из перстня с геммой – инталия в виде козерога – найденную в грунте заполнения малой камеры и датируемую II–III в. н.э.

В 2007 году к северо-западу от склепа № 220 был открыт еще один склеп (№ 225), соизмеримый по своим размерам и архитектурным достоинствам с двумя предыдущими (длина дромоса – 1,9 м, ширина – 1,5 м; ширина камеры – 3,4 м, длина – 4,6 м; стены сохранились на высоту до 2,4 м!). Пол в камере был вымощен известняковыми плитами. В задней (северной) торцовой стенке, как и в склепе № 213 имелась ниша, перекрытая, судя по сохранившимся нижним блокам, полуциркульным сводом.

Склеп № 225 также использовался неоднократно. По предварительным данным, последний склеп был сооружен немного раньше – в I в. н.э. Затем его вторично использовали для коллективных захоронений во II–III в. н.э., а последние обнаруженные в нем следы относятся уже к раннему средневековью.

Самой значительной находкой, судя по всему синхронной времени сооружения склепа и первоначальному его использованию, является терракотовая протома богини в высоком головном уборе, с ожерельем на шее и височными кольцами, предварительно датирующаяся I–II в. н.э.²⁶

Склепы № 213, 220 и 225 – самые большие из всех погребальных сооружений, найденных на некрополе Илурата – выдающиеся памятники боспорской архитектуры римского времени.

В непосредственной близости от склепа № 225, за его северной задней стеной, был обнаружен погребальный комплекс из двух сооружений (склепов?) № 226 и 227, сложенных насухо из блоков и плит известняка (рис. 1). Они представляли собой сравнительно небольшие склепы (?), длиной – 2,3–2,5 м, шириной 1–1,2 м, высотой – 1,3–1,4 м, имеющие смежную внутреннюю стенку. Первый был обращен входом на юг, второй – на север. Входные проемы закрывали закладные плиты, производившие впечатление непо потревоженных. Однако, после вскрытия и расчистки в каждом из склепов (?) были обнаружены лишь светильники (в одном – сероглиняный, в другом – краснолаковый) и

²⁶ См. публикацию З. В. Ханутиной в настоящем издании.

несколько различающиеся между собой по сюжетам наборы гипсовых налепов. Отсутствие каких бы то ни было следов гробов и останков погребенных позволяет предположить, что склепы (?) № 226 и 227 являются кенотафами, сооруженными в I в. н.э. Необходимо отметить, что к этому времени склеп № 225 был уже частично разрушен, так как при строительстве этого комплекса были использованы его архитектурные детали.

С южной стороны, к востоку от входа в склеп(?) № 226, была обнаружена конструкция из врытого вертикально в землю горла светлоглиняной амфоры I в. н.э. (тип А по Шелову) под которым в нижнем слое находился дискообразный каменный жертвенник. Это подтверждает датировку всего комплекса из склепов (?) № 226–227 I в. н.э. и, одновременно, определяет верхнюю границу сооружения и первоначального функционирования склепа № 225.

Вопрос об этнокультурной принадлежности склепов и катакомб, открытых в последнее десятилетие в юго-западной части илуратского плато, требует отдельного и специального исследования.

Одновременно с исследованием погребально-поминальных памятников на плато возле городища Илурат, в 1999–2008 г. экспедиция Музея истории религии продолжала активную работу на некрополе другого боспорского города – Китея.

Из сотни открытых, исследованных и доследованных после грабителей объектов, подавляющее большинство – рядовые вырубные, грунтовые и плитовые могилы. Однако, помимо них, было найдено и раскопано 3 вырубных склепа (№ 269, 314, 315), 2 катакомбы (№ 313, 360), 3 склепа, сложенных насухо из блоков известняка (№ 263, 300, 374), 2 погребально-поминальных комплекса (№ 338, 344) и 3 жертвенные ямы (№ 277, 334, 335).

Среди вырубных склепов своими размерами и конструкцией выделяется склеп № 314, расположенный на северной границе китейского некрополя, у восточной оконечности хребта Джурга-оба. Камера и дромос склепа были полностью вырублены в скальном массиве. Длина дромоса – 4,2 м, ширина – 2,6–1,9 м, максимальная глубина – 2 м. Длина камеры 4,2–3,8 м, ширина – 3,8 м. Ориентация склепа – юго-восток – северо-запад. Пол склепа – выровненная скала. Судя по сохранившимся нижним блокам, склеп был перекрыт полуциркульным сводом. Самым примечательным в склепе № 314 были два саркофага, также вырезанных в скальном массиве и расположенных в камере параллельно друг другу. Склеп был ограблен и разрушен в древности. По найденному в ходе раскопок материалу, он может датироваться III в. н.э. (Хршановский. 2003б. С. 172–174).

Рис. 1. Склеп № 225 и склепы (?) № 226 и 227

Из склепов, сложенных из блоков и плит известняка, выделяются склеп № 263 на северо-западном участке некрополя и склеп № 300 – в юго-западной прибрежной зоне.

Склеп № 263 был окружен кромлехом (диаметр 11–12 м), из необработанных глыб известняка, лежавших на поверхности, по которым он и был обнаружен. После завершения раскопок, которые продолжались несколько сезонов, выяснилось, что склеп состоял из двух камер и подводющего к ним с юго-запада дромоса. Стены дромоса и обеих камер были сложены из известняковых блоков. Общая протяженность склепа – 14 м. Длина дромоса – 5 м, ширина – от 1,5 до 1,1 м (сужается к входу в камеру). Размеры первой (малой) камеры подквадратной формы 2,4 x 2,4 м, большой, прямоугольной – 5,5 x 4,2 м. В южном углу большой камеры находилось подпрямоугольная яма («колодец»), облицованная плитами известняка. Как и склеп, она была ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Ее длина – 0,7–0,75 м (немного расширяется к юго-востоку), ширина – 0,6 м., глубина – 0,63–0,68 м.

Пол в обеих камерах был вымощен известняковыми плитками. Форма некоторых блоков, обнаруженных в грунте заполнения внутри камеры, позволяет предположить, что склеп имел полуциркульный свод.

Склеп был разрушен и разграблен в древности. Судя по самому раннему материалу, он был сооружен во второй половине II–III в. н.э. При этом, он использовался для погребений неоднократно, и в последний раз (уже после разрушения) во второй – третьей четверти IV в. н.э. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные монеты последних боспорских царей, найденные в ходе раскопок (Хршановский. 2001. С. 178–186; Хршановский. 2002. С. 313–316).

Второй склеп такого же масштаба (№ 300) был найден и исследован в юго-западной прибрежной зоне китейского некрополя. Он был обнаружен на глубине около 3 м под ритуальным комплексом № 271 римского времени, исследованным в северной части раскопа XXXIII–А в 1997–1999 г. (Тульпе, Хршановский. 1999, С. 78–83).

По своей конструкции склеп № 300 оказался сходен с исследованным ранее на этом участке склепам № 141 и № 206. Монументальный дромос (4 x 1,6–1 м) со стенами из грубо обработанных известняковых блоков и камней, сохранившимися почти полностью (высота 1,5–2 м), подводил с юго-юго-запада к первой (малой) камере подквадратной формы (2,3 x 2,4 м), за которой находилась вторая прямоугольная большего размера 4,1 x 3,4 м). Стены в камерах сложены из гладко отесанных блоков и плит, полы вымощены известняковыми плитами. Общая протяженность склепа от начала дромоса до задней стенки большой камеры 11 м. Ориентация – юго-юго-запад – северо-северо-восток.

По найденным в ходе раскопок склепа материалам, время его сооружения и первоначального использования – рубеж IV–III в. до н.э., последнего – синхронного находившемуся над ним ритуальному комплексу и окружавшему его кромлеха – III–IV в. н.э. Кромлех из глыб известняка, окружавший этот комплекс был смещен к северо-западу относительно склепа и перекрывал его восточную стену. Слой гумуса между верхней кромкой стены склепа и нижнем уровнем камней кромлеха по мнению специалистов-почвоведов мог нарасти примерно за 700 лет, что подтверждает обозначенную выше хронологическую вилку. Если наши определения верны, то получается, что между близкими по конструкции двухкамерными склепами с полуциркульными сводами № 300 и 263 на некрополе Китея (и склепом № 220 на некрополе Илурата) существует временной разрыв в несколько сотен лет. И, так же как эллинистические склепы с уступчатыми сводами, они переживают своеобразный «ренессанс» в первые века новой эры. Еще одним доказательством сооружения склепа № 300 в эллинистическое время послужили три жертвенные ямы (№ 277, 334, 335), обнаруженные и исследованные в непосредственной близости от дромоса и составляющие единый со склепом погребально-поминальный комплекс.

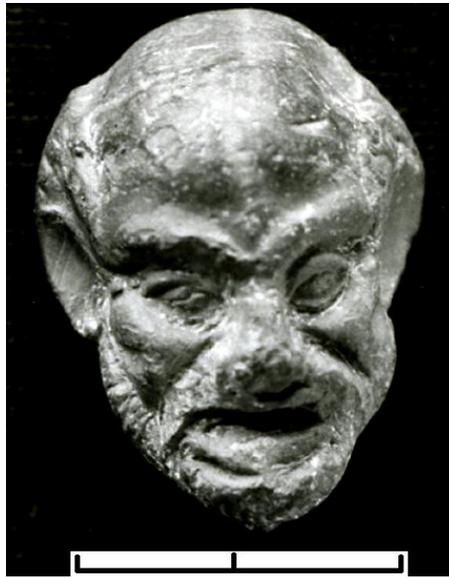

Рис. 2. Терракотовая голова старика (или сатира) из жертвенной ямы № 277

Яма № 277 была вырублена в материковой глине. Она имела неправильную вытянутую в направлении запад – восток форму. Длина ямы – около 4,5 м, ширина – 3,5 м, глубина – 3,55 м от современной дневной поверхности. Верхние слои ямы № 277 были нарушены «впущенной» в нее могилей III в. н.э. и сопутствовавшей тризной (Хршановский. 2008. С. 301–306) Однако в нижних, непо потревоженных ее слоях, были найдены 4 монеты рубежа IV–III в. до н.э., многочисленные профильные фрагменты импортных амфор (хиосских «колпачковых», фасосских, гераклейских, синопских), в том числе с клеймами, обломки чернолаковой посуды, стенка сетчатого лекифа, а на самом дне ямы – развал арибалического краснофигурного лекифа с пальметкой, датирующегося по близкой аналогии также IV в. до н.э. (Тульпе, Хршановский. 2001. С. 146–154). Среди фрагментов терракот, найденных при исследовании жертвенной ямы № 277, нельзя не упомянуть голову старика (или сатира) (рис. 2) абсолютно идентичную терракоте из кургана Большая Близница и, соответственно, подтверждающую ее функционирование в IV в. до н.э. Помимо ямы № 277 к западу от дромоса склепа № 300, у самого входа, были обнаружены и исследованы еще две жертвенные ямы – № 334 и 335, вырубленных в материковой глине на глубине 2 – 2,2 м от современной дневной поверхности. Первая имела неправильную округлую форму (2,1 x 1,7 м) и глубину – 0,8–0,9 м. Яма была перекрыта слоем зеленой материковой глины. Как и в нижних слоях ямы № 277 здесь за единичными исключениями преобладал материал второй половины IV – начала III в. до н.э. (фрагменты хиосских, фасосских и гераклейских амфор, ножки чернолаковых канфаров, ручки киликов).

Жертвенная яма № 335, примыкавшая к предыдущей с северо-востока, имела вытянутую подпрямоугольную форму (2 x 1,7 м) и глубину – 1 м. Находки в ней по составу и хронологии не отличались от содержимого ямы № 334. (Хршановский. 2003б. С. 167–168). Таким образом, можно заключить, что все три жертвенные ямы появились в одно время, имели одно назначение и своей причастностью к склепу № 300 подтверждают время его сооружения и первоначального использования на рубеже IV–III в. до н.э.

То, что в двухстах метрах к западу от западной крепостной стены Китея, в раннеэллинистическое время сооружались огромные склепы из блоков и плит известняка, перекрытые полуциркульными сводами, ставит чрезвычайно важный и интересный вопрос о социальной и этнокультурной принадлежности тех, для кого они предназначались. В целом результаты работы археологической экспедицией музея на обоих некрополях за прошедшее десятилетие, представляются весьма плодотворными и дающими новую информацию для размышлений над вечными загадками «боспорского феномена».

Литература

- Н. В. Захаренков, М. Ю. Трейстер, В. А. Хриановский.* Выдающийся памятник погребальной архитектуры некрополя Илурата // Историк, археолог, литератор: К 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова: Юбилейный сборник. СПб., 2004.
- Н. В. Молева, И. А. Тульпе, В. А. Хриановский.* Костяная поделка из Илурата – боспорский календарь? // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы международной научной конференции. СПб., 2004. Ч. I.
- В. И. Мордвинцева, М. Ю. Трейстер.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э.– 2 в. н.э. В 3-х т. Симферополь, Бонн, 2007.
- И. А. Тульпе, В. А. Хриановский.* Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея // Боспорский город Нимфей: Новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: Международная научная конференция: Тезисы докладов. СПб., 1999.
- И. А. Тульпе, В. А. Хриановский.* Эллинистический ритуальный комплекс на некрополе Китея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. I.
- В. А. Хриановский.* Двухкамерный склеп римского времени на некрополе Китея // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- В. А. Хриановский.* Погребальные комплексы IV в.н.э. на некрополе Китея // Боспорские исследования. Симферополь, 2002. Вып. II.
- В. А. Хриановский.* Новый склеп с полуциркульным сводом на некрополе Илурата // Археология. 2003а. № 3.
- В. А. Хриановский.* Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году // Из истории античного общества: Межвузовский сб. науч. тр. Нижний Новгород, 2003б. Вып.8.
- В. А. Хриановский.* Раскопки некрополей Илурата и Китея в 2003–2004 г. // Археологические открытия в Украине 2003–2004 г. Киев, 2005 а.
- В. А. Хриановский.* Некрополь без акрополя (погребения на некрополе Илурата IV–XIII в. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф: Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2005 б.
- В. А. Хриановский.* Позднеримское погребение воина с копьем на некрополе Китея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria 2008: Боспорские чтения. Керчь, 2008. Вып. IX.

З. В. Ханутина

Терракотовая протома из Илурата

В июле – августе 2008 года археологическая экспедиция Государственного музея истории религии проводила очередной (30-й) полевой сезон на некрополе Илурата. Основной задачей сезона было завершение исследования открытого в предыдущем сезоне большого склепа (№ 225), сложенного насухо из блоков и плит известняка и имевшего полуциркульный свод. В отличие от предыдущего склепа такого же масштаба (№ 220), он оказался однокамерным. Так же как и многие погребальные сооружения на некрополе Илурата он использовался неоднократно, как минимум, трижды: в раннее средневековье, во II–III в. и в I в. н.э., когда, судя по всему, и был сооружен.

Среди вещевых находок относящихся ко времени сооружения склепа и его первоначальному функционированию были фрагменты светлоглиняных амфор I в. до н.э. – I в. н.э., буролаковых и краснолаковых сосудов, бусины. Но самой примечательной и информативной находкой оказалась терракотовая протома, обнаруженная в северном углу камеры почти на уровне пола, среди костных останков.

Протома (высота 17 см) изображает богиню в высоком головном уборе, напоминающем полос, украшенном тремя круглыми налестками²⁷. Сверху на полос накинута покрывало, обрамляющее лицо валиком сильно выступающим вперед, скрывающее волосы и опускающееся на плечи. Лицо удлиненное, сужающееся к подбородку с большим узким носом. Черты плохо проработаны, глаза и брови едва намечены, рот слабо очерчен, доработан стекой. Богиня украшена серьгами в виде двойных полушарий, расположенных одно над другим (возможно, это височные кольца). Шея почти не проработана и сливается с покрывалом, край хитона и складка на груди выполнены в виде рельефного ободка.

Интересной особенностью илуратской протомы является не встречающееся (в известных автору источниках) на подобных терракотах довольно четко проработанное ожерелье с удлиненными «амфоровидными» подвесками, аналогию которому можно найти в книге В. Мордвинцевой и М. Трейстера, посвященной ювелирному делу Северного Причерноморья (Мордвинцева, Трейстер . 2007. Т. 2, С. 69.

²⁷ Украшение головного убора в виде округлых уплощенных налесток встречается также на терракотах Северного Причерноморья IV–III в. до н.э. На боспорских терракотах III в. н.э. такие налестки нередко венчают спинку трона сидящей богини.

Табл. 65). Ожерелье датируется I–II в. н.э. и местом его находки указывается Керчь.

Рис. 1. Терракотовая протома из склепа № 225

Глина боспорская кирпичного цвета грубая, с крупными белыми (известняковыми) включениями, многочисленными кавернами и трещинами. Протома отлита в форме, имеет только лицевую сторону, внутренняя часть не обработана, видны отпечатки пальцев мастера, вдавливавшего глиняную массу в форму. На терракоте имеются трещины и сколы, правый нижний угол утрачен.

По иконографическому типу протома напоминает подобные изделия боспорского производства, датируемые I–III в. н.э. Полных аналогий не обнаружено. Прослеживается некоторая аналогия в проработке лица и серег с пантикапейской протомой из ГЭ (Терракотовые стату-

этки. 1974. Табл. 48, 4), датируемой II в. н.э., а также протомой из ГИМа (Кобылина. 1961. Табл. XXXVII, 3), датируемой II–III в. н.э. Относительно последней автор отмечает, что «полная схематичность изображения сближает протому с самыми поздними терракотами III в. н.э.» Соглашаясь с этим высказыванием, хочется все же отметить, что илуратская протома, несмотря на достаточную схематичность, имеет некоторые особенности, отличающие ее от более поздних боспорских протом (хотя возможно, именно протомы аналогичные найденной в склепе № 225 послужили основой для дальнейшего развития и схематизации образа, являясь переходным этапом от греческой терракоты к боспорской): несмотря на слабую проработанность, черты лица богини отмечены изяществом и утонченностью, утраченными в более поздних образцах. Головной убор богини, в отличие от распространенных на терракотах III в. островерхих колпаков, похож скорее на полос или калаф, ожерелье напоминает ювелирное изделие I–II в. н.э. Учитывая все вышесказанное, можно предположительно датировать найденную в склепе № 225 протому I–II в. н.э.

Хочется также отметить, что фрагмент еще одной протомы (правый нижний угол), был найден в дромосе склепа № 225 в полевом сезоне 2007 года. Это свидетельствует о существовавшей практике использования подобных протом в погребальном обряде.

Вышеописанная находка из Илурата в очередной раз подтверждает мысль, что «являясь изделиями художественного ремесла и будучи вместе с тем органически связанными с религиозно-культурной стороной жизни боспорского населения, рассмотренные терракотовые статуэтки дают наглядное представление о своеобразии культуры Боспора первых веков новой эры, в которой греческие элементы причудливо слились с исконными традициями аборигенных жителей.» (Пругло. 1970. С. 117).

Литература

- В. И. Денисова.* Коропластика Боспора. Л., 1981.
М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
В. И. Мордвинцева, М. Ю. Трейстер. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н.э.– 2 в. н.э. В 3-х т. Симферополь, Бонн, 2007.
А. С. Русяева. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I в. до н.э.). Киев, 1982.
В. И. Пругло. Терракоты из Илурата // САИ. 1970. Вып. Г 1–11.
Терракотовые статуэтки. Ч. 3. Пантикапей. М., 1974. – (САИ. Вып. Г 1–11).

Н. В. Молева

Терракотовая статуэтка сидящей богини из Илурата

При раскопках некрополя Илурата в полевом сезоне 2006 года (экспедиция ГМИР, начальник – В. А. Хршановский) была обнаружена терракота, представляющая собой богиню, сидящую на кубовидном троне (рис. 1, а, б, в, г). К сожалению, эта статуэтка является случайной находкой в насыпи некрополя и не может быть связана с каким-либо конкретным погребением. Вместе с тем, её неплохая сохранность и некоторые оригинальные особенности дают возможность для публикации и интерпретации этого образа.

Терракота является образцом местного боспорского производства. Она выполнена (оттиснута в двухсторонней форме) из светло-красной грубоватой глины, серой в изломе, с включениями песка и редких белых частиц. Размеры её небольшие: высота – 9 см, ширина постамента – 4,5 см. При этом, черепок толстый (0,4 см), что хорошо видно в круглом отверстии на спине (рис. 1, в). В целом статуэтка не отличается тщательностью проработки деталей. Создается впечатление, что она выполнена в сработанной форме. На внешней поверхности сохранились и хорошо заметны следы белой обмазки. Сохранность терракоты почти полная, имеется единственный скол на задней грани кубовидного трона. Перейдем к описанию статуэтки.

Изображение богини объемное, предназначенное для осмотра спереди, с обоих боков (в профиль); суммарно обработана даже задняя часть терракоты. Обращает на себя внимание значительный наклон туловища и головы вперед, к зрителю (рис. 1, б). Особенностью статуэтки являются непропорционально большие размеры головы и лица с крупными, обобщенно переданными чертами лица: выступающий нос, круглый подбородок, невысокий покатый лоб с надбровными дугами, широкие скулы. Рот и глаза не проработаны и обозначены впадинами. Вероятно, они дополнялись раскраской. Прическа представляет собой разделенные на прямой пробор волнистые пряди, спускающиеся на плечи. Сзади на волосы наброшено покрывало, частично прикрывающее волосы по бокам. Богиня одета в традиционный хитон с треугольным вырезом, имеющим толстую окантовку в виде валика. Одежда рельефно подчеркивает её широко расставленные груди, раздвинутые в стороны колени, и рельефно намеченными складками спускается к носкам обуви. Ноги обуты в сапожки или башмачки, напоминающие скифики, носимые боспорскими женщинами в первые века нашей эры (Крупа. 2001. С. 211); они также разведены на ширину плеч. Руки бо-

гини, тонкие и слабо проработанные, сомкнуты на талии, под грудью, и держат какой-то круглый предмет, вероятнее всего – чашу (рис. 1, а).

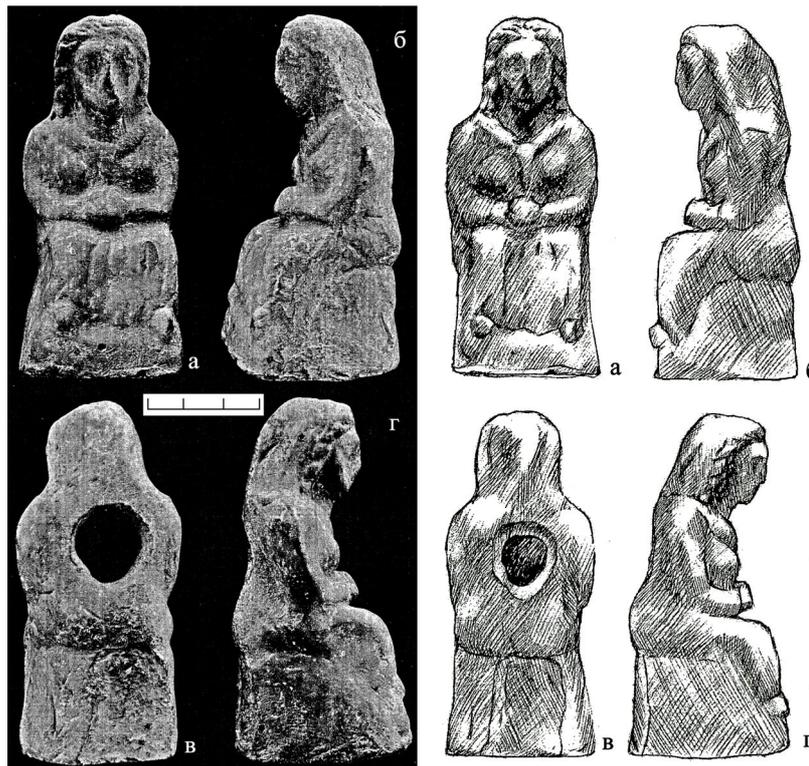

Рис. 1. Терракотовая богиня, сидящая на кубовидном троне

В профиль хорошо заметен наклон туловища богини вперед, спускающееся на плечи покрывало, тонкие руки и кубовидный трон со скругленными углами и подставкой для ног (рис. 1, б, г).

Сзади статуэтка обработана суммарно, но при этом рельефно подчеркнуты ягодицы, проработана поверхность трона; точно посередине вырезано круглое отверстие для выхода пара при обжиге ($d = 1,8$ см) терракоты (рис. 1, в).

В целом перед нами изображение богини с явственно обозначенными материнскими и сексуальными чертами: подчеркнутые грудь, разведенные под хитон бедра и колени. Кроме того, это богиня-кормилица, милостивая к людям, что прослеживается в наклоне туло-

вища к зрителю, и в таком атрибуте как чаша или лепешка, которую она держит в руках. В первые века нашей эры (время существования Илурата) такой богиней могла быть Кибела или Великая мать (сокращенно «Ма»), неоднократно упоминаемая в боспорской эпитафике (КБН. № 21, 23, 74, 1005). Следует заметить, что культ Деметры, облик которой может ассоциироваться с представленной терракотой, в упомянутое время прослеживается очень слабо, тем более это относится к Илурату. Кроме того, Деметра не изображалась с чашей в руках, а для Кибелы это неперенный атрибут. Отметим, что такие древнейшие её символы как львы и тимпан, ярко отраженные в коропластике Боспора классического и эллинистического времени, в первые века постепенно утрачивают свое значение. В облике Кибелы главными становятся соотечественные и материнские (по отношению ко всему живому) символы. Не случайно в позднеантичный период эта богиня воспринимается как покровительница городов и государства (Ovid., *Fast.* IV, 179–372). Этот факт отмечает В. Д. Блаватский, А. С. Русяева, Е. М. Алексеева, В. А. Горончаровский (Блаватский. 1964. С. 196–197; Русяева. 1992. С. 148; Алексеева. 1997. С. 231; Горончаровский. 1999. С. 226). Упомянутое время было очень сложным периодом в религиозной жизни Боспора, когда его население отправляло не только олимпийские, но и иудейские культы. Этот период характеризуется и зарождением христианской веры (Зинько. 2004. С. 154). Безусловно, во II–III в. н.э. культ Кибелы включил в себя функции таких хтонических богинь, несущих идею плодородия как Деметра, Афродита, Артемида и даже Геката (Кругликова. 1996. С. 114–115; Кобылина. 1978. С. 7; Денисова. 1981. С. 108).

Отметим и еще одну деталь. Если до II в. н.э. иконография всех вышеперечисленных богинь в боспорской коропластике соответствует издавна сложившимся канонам, и эти образы имеют свою символику и атрибуцию, то позднее появляется синкретический образ, подобный воплощенному в представленной терракоте (Молев, Молева. 2007. С. 87). В связи с этим выскажем наши представления о возможной датировке этой статуэтки. Она несет в себе черты традиционной боспорской коропластики, развивавшейся с VI в. до н.э. по II в. н.э.; и отмеченной реалистичной передачей лица, фигуры, объемов и деталей. Вместе с тем, в ней явно чувствуется тот перелом, который мы наблюдаем в сакральной жизни Боспора в конце II–III в. н.э. В коропластике он характеризуется появлением почти плоских идолообразных терракот богини на троне с чашей в протянутой руке, которые характеризуются крайней обобщенностью и слабой расчлененностью женской фигуры (Молева. 2007. С. 52). К первым относятся: объемность статуэтки, моделировка прически, складок хитона, известная пропорциональность, только слегка нарушенная (большая голова, тон-

кие руки). Ко вторым – едва намеченные черты лица и валикообразный угол хитона на груди, который станет отличительным признаком идолообразных терракот III в. н.э. Заметим также, что для таких статуэток характерен высокий треугольной формы головной убор, надетый под длинным покрывалом. На илуратской терракоте такого головного убора нет; покрывало накинуто на прическу богини.

Учитывая предложенные наблюдения, выскажем мысль о возможности датировки представленной статуэтки II в. н.э. – своеобразным переходным периодом в боспорской коропластике: от античного реализма к варварскому схематизму.

Что же касается аналогий илуратской терракоте, то несмотря на то, что она выполнена в форме, их нет. Как уже отмечалось, судя по глине, она проведена на Боспоре, но не решимся отстаивать её илуратское происхождение. Отдаленной репликой этому образцу может служить погрудная протома богини из Мирмекия (Денисова. 1981 Табл. XXV, ж; с. 123). В данном случае имеет место некоторое сходство в иконографии богини и в особенностях моделирования лица. Что же касается даты, то она, хотя и относится к интересующему нас периоду, весьма расплывчата – I–III в. н.э. Скорее всего, эта протома тоже может быть датирована II в. н.э.

Литература

- Е. М. Алексеева.* Античный город Горгиппия. М., 1997.
В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964.
В. А. Горончаровский. К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н.э. // Скифский квадрат. СПб., Кишинев, Одесса, 1999.
В. И. Денисова. Коропластика Боспора. Л., 1981.
Е. А. Зинько. Некоторые особенности религиозной жизни на Боспоре в период христианизации // VII Боспорские чтения. Керчь, 2004.
М. М. Кобылина. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.
И. Т. Кругликова. О культе верховного женского божества на Боспоре во II–III в. н.э. // Культура античного мира. М., 1966.
Т. Н. Крупа. Обувь Херсонеса Таврического античного времени // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2001. Т. IX.
Н. В. Молева. О культе Кибелы на Боспоре // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007.
Е. А. Молев, Н. В. Молева. О культовой принадлежности археологического комплекса II–IV в. н.э. на восточной окраине Китейского святилища // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007.
А. С. Русяева. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

М. Ю. Трейстер

**Оружие сарматского типа на Боспоре
(об одной группе кинжалов, изображенных
на пантикапейских надгробиях I–II в. н.э.)**

Среди боспорских надгробий выделяется серия с изображениями воинов, на которых довольно детально передано оружие. Мое внимание во время посещения Лапидария Керченского историко-культурного заповедника в мае 2008 г. привлекло одно из них, с надписью «Хрестион из рода Стратоника, прощай», с изображением сидящей в кресле женщины и стоящего рядом с ней мужчины,жимающего ей руку. На нем плотно облегающий кафтан, штаны, плащ и сапоги; на правом бедре – кинжал. На ножнах кинжала отчетливо видны две пары боковых лопастей, от которых отходят ремни, опоясывающие бедро, при этом кольцевидное навершие кинжала находится на уровне портупейного ремня в верхней части бедра (кат. № 1; рис. 1–2)²⁸.

Исследование показало, что имеется, по крайней мере, еще девять боспорских надгробий с мужскими фигурами с подобными, закрепленными на бедре кинжалами. По стилю изображений и характеру надписей все указанные надгробия, найденные в Керчи или приобретенные в Керчи, укладываются в хронологические рамки I – первой половины II в. н.э., при этом на большинстве из них (8) представлены изображения всадников, среди которых имеется надгробие управляющего царским двором Дафна, сына Психариона (кат. № 2; рис. 3), вероятно, одно из самых ранних в этой серии, а также стелы Атты, сына Трифона, члена синода (кат. № 3; рис. 4), и Артемидора, сына Диоги, заведующего пинакидой (кат. № 8; рис. 6).

Не исключено, что Н. И. Сокольский (Сокольский. 1954. С. 152) имел в виду отмеченный нами рельеф, отмечая, что «ножны некоторых мечей имели такие же лопасти и в нижней части, как изображено на надгробном рельефе из Керченского историко-археологического музея... Возможно, что лопасти-выступы имели функциональное назначение и служили для пристегивания меча к бедру». Характеризуя изображение мечей на надгробных рельефах Н. И. Сокольский отмечал, что «можно видеть, что меч с кольцевым навершием носился на правом бедре, прикрепленный ремешками, охватывающими бедро, как

²⁸ Близкая схема – сидящая слева в кресле женщина и стоящий справа от нее en face мужчина. Жимающие руки – КБН 589 (I – первая половина II в. н.э., по надписи).

показано на статуе I–II в. н.э. из Анапы (находящейся в Государственном историческом музее) (Сокольский. 1954. С. 151. Рис. 6)²⁹. Этот способ прикрепления, в деталях еще не выясненный, был удобен при верховой езде» (Сокольский. 1954. С. 151). На некоторые из рассматриваемых нами надгробий вскользь обратил внимание А. М. Хазанов (1971. С. 13), отмечая как характерный способ их носки (пристегнутыми ремешками к бедру, так и тот факт, что такие мечи изображены на надгробиях всадников.

Представленные на рассматриваемых надгробиях короткие мечи или кинжалы, которые носились на правом бедре имеют, как правило, кольцевидные навершия и прямые перекрестья. На некоторых рельефах отчетливо видны ремни, при помощи которых кинжалы крепились к бедру. Если исходить из пропорций фигур, длина кинжалов не превышала 30–35 см. Боковые лопасти ножен обозначены только на кинжале, изображенном на надгробии Христиона (кат. № 1; рис. 1, 3; 2, 3–4). Выделяется формой своего навершия (зооморфного?) и валиком, обрамляющим по краю ножны, кинжал, представленный на стеле Дафна (кат. № 2; рис. 3, 3).

Мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием, были широко распространены в Северном Причерноморье в I – первой половине II в. н.э.; они представлены, преимущественно, находками из сарматских погребений (Simonenko. 2001. S. 219–225, 236–238. Abb. 25). На Северном Кавказе мечи с кольцевидным навершием обычно датировали I в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов. 1971. С. 10). В Прикубанье мечи такого типа датируются в рамках I в. до н.э. – II в. н.э. (Марченко. 1996. С. 54–55).

Форма большинства кинжалов, представленных на рассматриваемых боспорских надгробиях, сопоставима, например, с парадным кинжалом из сарматского погребения № 1 кургана у с. Пороги, имеющего длину 31,5 см. Этот кинжал имеет кольцевидное навершие, прямое перекрестье, он был вложен в деревянные ножны, обтянутые красной кожей, при этом рукоять кинжала и ножны были украшены накладными золотыми пластинками с изображением львов и пластинками с филигранным декором с пастовыми вставками. Кинжал был найден лежащим вдоль правого бедра, несколько под углом к бедренной кости погребенного, при этом его навершие находилось на уровне костей таза (Симоненко, Лобай. 1991. С. 9. Рис. 3, 1). По реконструкции, выполненной А. В. Симоненко и Б. И. Лобаем, кинжал был под-

²⁹ В популярной книге В. А. Горончаровского (2003. С. 61–62) хранящаяся в ГИМе статуя из Анапы превратилась в так наз. статую Неокла, хранящуюся в ГМИИ – это опечатка тем более досадна, что Неокл изображен как философ, а не воин.

вешен к портупейному ремню, при этом ножны дополнительно фиксировались на бедре двумя парами ремней, оканчивающихся прямоугольными обоймами и наконечниками; концы ремней вероятно завязывались (Симоненко, Лобай. 1991. С. 49. Рис. 26; 52; Simonenko. 2001. S. 230–231. Abb. 22). Есть основание полагать, что подобный способ ношения коротких мечей и кинжалов, ножны которых дополнительно фиксировались к правому бедру при помощи двух пар кожаных ремней был типичен для сарматских всадников, в погребениях которых такие кинжалы с кольцевидными навершиями обычно и находят лежащими у правого бедра (Хазанов. 1971. С. 13).

Форма навершия кинжала, изображенного у всадника на стеле Дафна, сына Психариона (кат. № 2; рис. 3, 3) напоминает навершие кинжала из кургана № 1 у хут. Зубова, длина которого составляет 28,5 см. Этот кинжал имеет прямое перекрестье. Перекрестье и навершие кинжала инкрустированы тонкими золотыми полосками (рис. 3, 4) – мотив и техника инкрустации напоминают декор железных мечей IV в. до н.э. из Филипповского могильника в Южном Приуралье, что уже отмечалось исследователями (Гущина, Засецкая. 1989. С. 116. № 124. Табл. XI; Cat. New York. 2000. P. 187. № 134).

Особого внимания заслуживает кинжал, изображенный на стеле Хрестиона (кат. № 1; рис. 1, 3; 2, 3–4). Это единственное изображение кинжала в ножнах с боковыми лопастями, известное в Северном Причерноморье, где находки подобных кинжалов или коротких парадных мечей дл. 35–40 см (с ножнами) происходят из тайника сарматского погребения конца I в. н.э.; кургана у п. Дачи под Азовом (Cat. Tokyo. 1991. №. 108–109; Беспалый. 1992. С. 185–188. № 8. Рис. 11–12; Cat. Zürich. 1993. №. 133; Brentjes. 1993. S. 30 f. Abb. 36 a–b; Cat. Daoulas. 1995. №. 104–105; Cat. Paris. 2001. № 238; Мордвинцева. 2003. № 76. Рис. 31; 32; Кат. Москва. 2005. № 2; Минасян. 2006. С. 213–223; Мордвинцева, Трейстер. 2007. № А67.3. Рис. 42–43. Табл. 27; Кат. Ст. Петербург. 2008. № 13) и из саркофага II склепа II/1975 в Горгиппии (Кат. Москва 1987. № 250. Рис. 85. Табл. 46; Cat. Tokyo. 1991. № 177; Brentjes. 1993. S. 34; Cat. Paris. 2001. № 335; Alekseeva. 2002. S. 109, 111. Abb. 22; Treister. 2003. P. 57–58. Fig. 9; Мордвинцева. 2003. № 86. Рис. 36; Мордвинцева, Трейстер. 2007. № А52.8. Рис. 47. Табл. 26), которое датируется серединой – третьей четвертью II в. н.э. Из разрушенного погребения сарматского склепуха в Косике в Нижнем Поволжье происходят фрагментированные ножны с боковыми выступами (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993. С. 156–157. Рис. 10).

Появление таких кинжалов или коротких мечей с боковыми лопастями в Северном Причерноморье происходит одновременно с распространением их в Центральной и Передней Азии в I в. до н.э. – I в. н.э. Такой меч в парадных ножнах, имеющие боковые лопасти был найден

в некрополе Тилля-тепе в Северном Афганистане (Sarianidi. 1985. S. 247–248. №. IV.8. Taf. 157–161; Brentjes. 1993. S. 32. Abb. 37; Brentjes. 1996. P. 26). Аналогичный кинжал с боковыми лопастями, украшенными львиными масками (Young. 1963. S. 203–208. Taf. 48; 51A; Tanabe et al. 1998. P. 139. 142–144. Pls. 166. 169–171) изображен на стеле с изображением Митридата I Каллиника (109–70 г. до н.э.) и Геракла из Арсамеи на Нимфее. Подобные кинжалы, детали которых видны не столь отчетливо изображены на стелах западной террасы Немруд Дага, на которых представлен царь Коммагены, Антиох I (69–34 г. до н.э.) с Гераклом (Tanabe et al. 1998. P. 87. 90. Pls. 115. 118), с Зевсом (Tanabe et al. 1998. P. 92. 96. Pls. 120. 124) и Аполлоном (Tanabe et al. 1998. P. 102. 105. Pls. 130. 133). Кинжалы изображены подвешенные на пояс с правой стороны, наконечники их ножен находятся существенно выше колена, при этом, несмотря на детальную проработку, никаких свидетельств того, что они дополнительно крепились ремнями к бедру нет. Изображения аналогичных кинжалов представлены и на многочисленных скульптурах из Пальмиры II–III в. н.э. (Sevrig. 1937. P. 10–11. Pl. 1; Tanabe. 1986. P. 244. Pl. 211; P. 272. Pl. 239; P. 286. Pl. 255; P. 416. Pl. 385; P. 418–420. Pls. 387–389; P. 422. Pl. 391; P. 426. Pl. 395; P. 441–443. Pls. 410–412; Brentjes. 1993. S. 30). Учитывая то, что Антиох и Митридат одеты в широкие шаровары со складками, такой способ дополнительной фиксации мечей невозможен. Для мечей из Тилля-тепе, также как и для находок из Дач и Горгиппии, также нет никаких данных о том, что мечи пристегивались к бедру при помощи дополнительных ремней.

Очевидно, прототипы кинжалов с ножнами с боковыми лопастями происходят из скифских памятников пазырыкской культуры Горного Алтая. В курганах Уландрыка, Сайлюгема, Юстыда и Барбургазы были найдены такие деревянные модели ножен. На их округлых боковых выступах имеются отверстия, в которые пропускались частично сохранившиеся кожаные ремни, крепившие ножны к ноге. При этом ремешок у эфеса ножен соединялся со специальным портупейным ремнем, который фиксировал ножны с кинжалом на поясе (Кубарев. 1981. С. 39–42. Рис. 6–8; С. 44–47; Кубарев. 1987. С. 60–65. Рис. 22. Табл. IV, 8; XVI, 13; XXVIII, 19; XLVIII, 9; LVIII, 9; LX, 16. 18; LXII, 3; LXIV, 8; LXVI, 6; LXX, 17; LXXV, 36; LXXVIII, 12; LXXXI, 9; LXXXVI, 15; Кубарев. 1991. С. 75–77. Рис. 17. Табл. V, 8; VII, 9; XIV, 8; XIX, 9; XXVII, 26; XLVII, 28; LI, 34; LVII, 27; Кубарев. 1992. С. 62–64. Рис. 20, 1–3. Табл. XX, 12; XXV, 8; XXX, 17; Brentjes. 1993. S. 26–30. Abb. 34; Brentjes. 1996. P. 25). В. Д. Кубарев полагает, что Алтай был одним из районов Центральной Азии, где в III–II в. до н.э., если не раньше, сформировался этот новый тип ножен кинжалов, рассчитанный, прежде всего, для всадников, логично утверждая, что такой тип ношения

кинжалов (на бедре, с ножнами, дополнительно пристегнутыми к бедру кожаными ремешками) могли изобрести только кочевники: «кинжал в ножнах, закрепленных таким образом, не болтается и не бьет всадника по ноге». (Кубарев. 1981. С. 50–52; Кубарев. 1987. С. 64–65; ср. Хазанов. 1971. С. 13; Brentjes. 1996. P. 25). Совершенно справедливо высказывание А. М. Хазанова, что такой способ носки годится только для кинжалов и коротких мечей, не доходивших до колена (Хазанов. 1971. С. 13). Для сравнения отметим, что римские легионеры, вспомогательные войска, личная гвардия римских императоров, – все носили мечи и кинжалы другим способом: они подвешивались к поясам, *singulum*, или специальным ремням для подвески оружия, *balteus*³⁰.

Таким образом, анализ изображений на некоторых боспорских надгробиях показывает, что в I – первой половине II в. н.э. на Боспоре получают распространение короткие мечи или кинжалы, детали оформления ножен которых и способ ношения характерны для сарматов, при этом такие короткие «всаднические» кинжалы восходят к центрально-азиатским прототипам. Тот факт, что рассматриваемые кинжалы были изображены и на надгробиях высокопоставленных боспорян, среди них управляющего царским двором и одного из членов синода, свидетельствует об использовании оружия сарматского типа с характерным для кочевников способом фиксации ножен на бедре в различных слоях боспорского общества, в том числе и среди элиты.

Каталог надгробий с изображением «всаднических» кинжалов

1. У стоящего воина на стеле Хрестиона из рода Стратоника.

Куплена в Керчи в 1894 г. для музея Мелек-Чесменского кургана.

Керчь, КИКЗ. Лапидарий, инв. КЛ–170.

Дата: начало I в. до н.э. (Kieseritzky, Watzinger), по характеру письма – I в. н.э., вероятно вторая половина (КБН 551).

Литература: Kieseritzky, Watzinger. 1909. S. 40. №. 226. Taf. XV; КБН 551 (с библиографией).

Рис. 1–2.

³⁰ О римских мечах эпохи Империи и способах их ношения, см. в целом Miks 2007. См. также: Stephenson, Dixon. 2003. P. 75–93; Richter. 2004. S. 181 (легионеры), вспомогательные войска – всадники (S. 202–206), вспомогательные войска – пехота (S. 257–259, 261–263; *equites singulares*: S. 346).

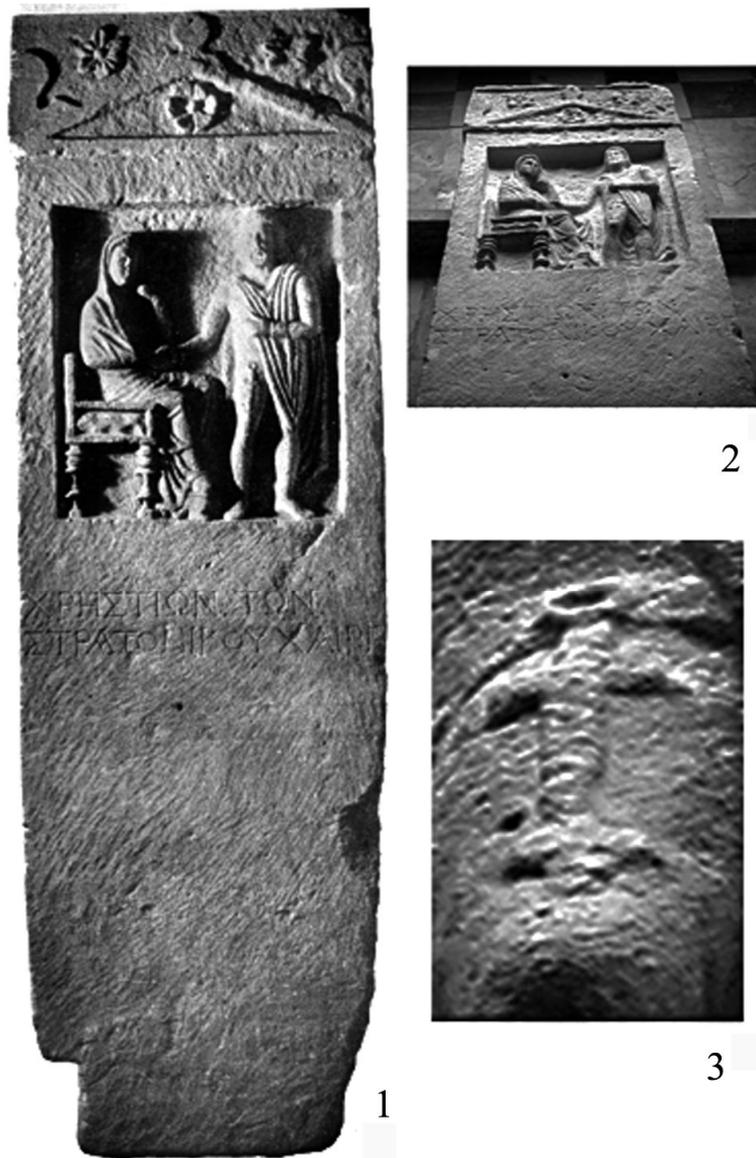

Рис. 1. Стела Хрестиона из рода Стратоника. Общий вид и детали. Керчь, КИКЗ. Лапидарий, инв. КЛ-170: 1 – фото по: КБН – Альбом; 2–3 – фото М. Трейстера

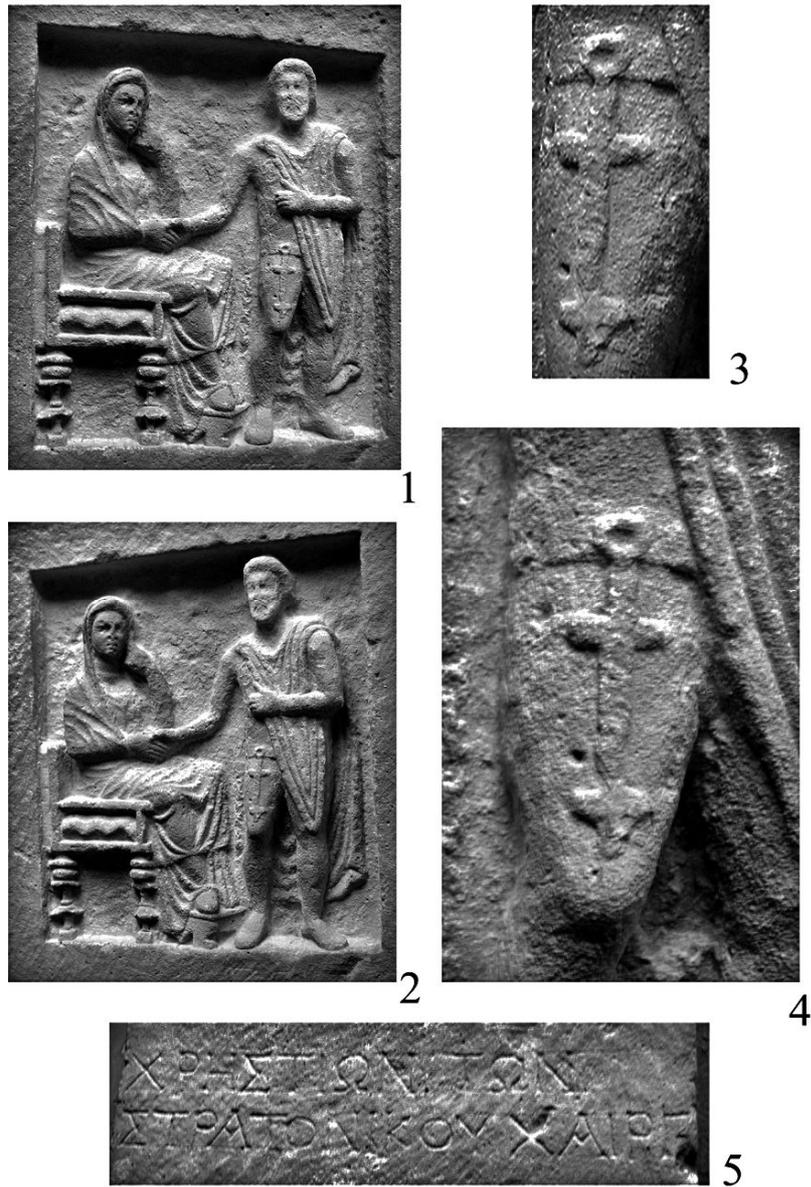

Рис. 2. Стела Христиона из Рода Стратоника. Детали. Фото М. Трейстера

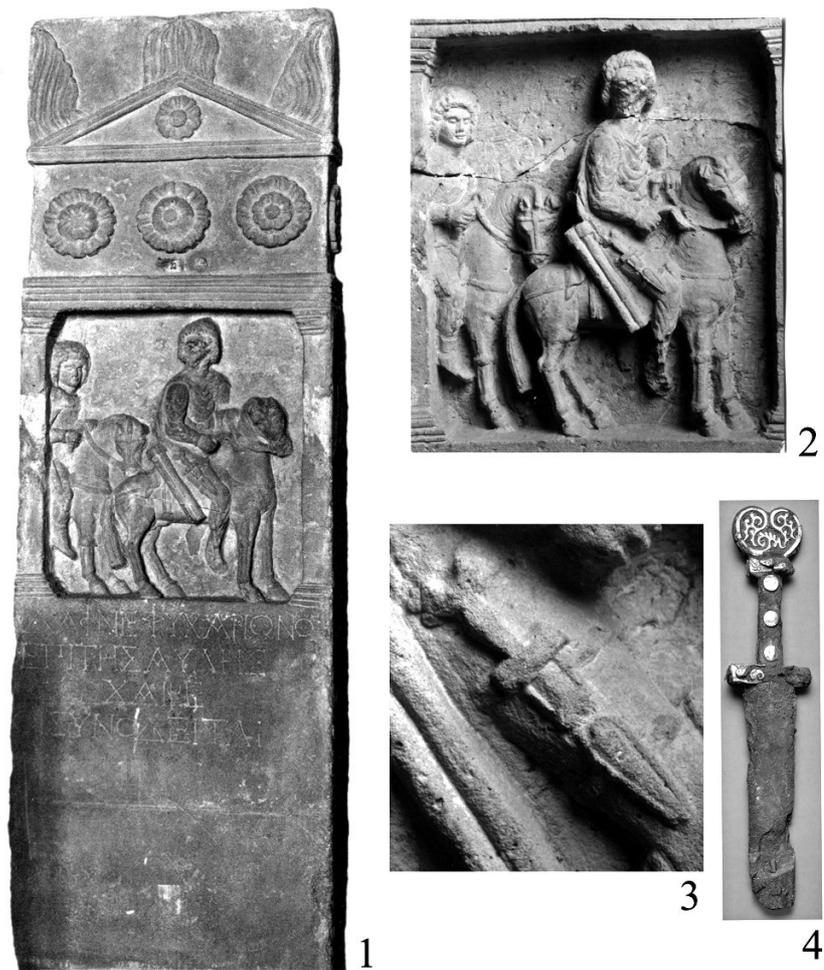

Рис. 3. 1–3: стела Дафна, сына Психариона. Общий вид и детали. Гос. Эрмитаж, инв. ПАН. 151. Фото Гос. Эрмитажа; 4 – кинжал из кургана № 1 у хут. Зубова. Гос. Эрмитаж, инв. 2234/17; фото по: Cat. New York 2000

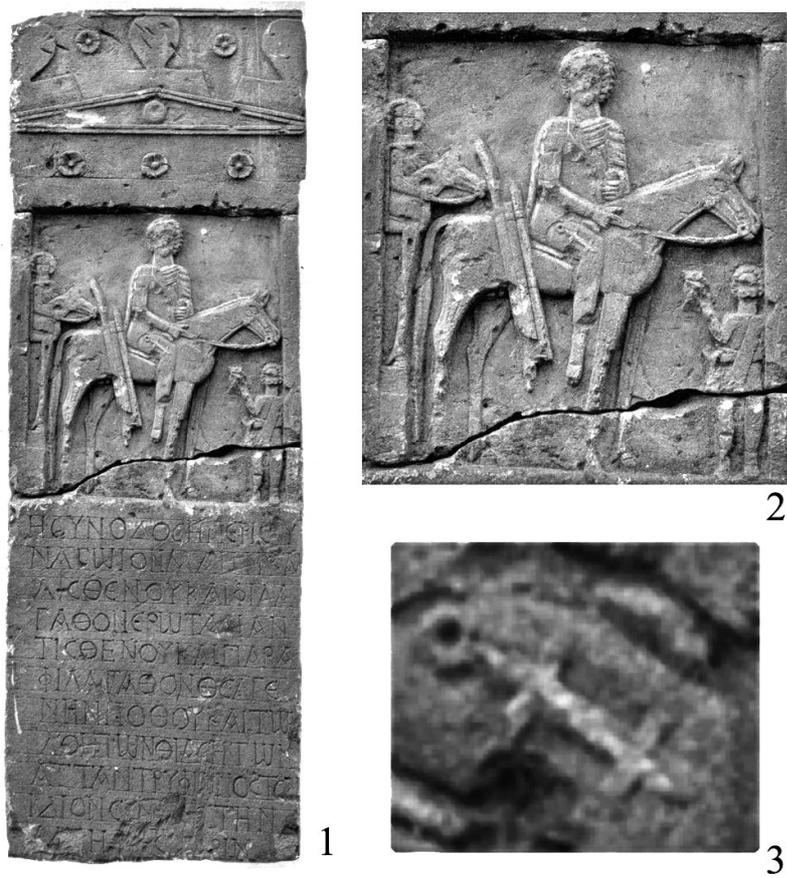

Рис. 4. Стела Атты, сына Трифона. Керчь, КИКЗ. Лapidарий. Фото по: КБН – Альбом

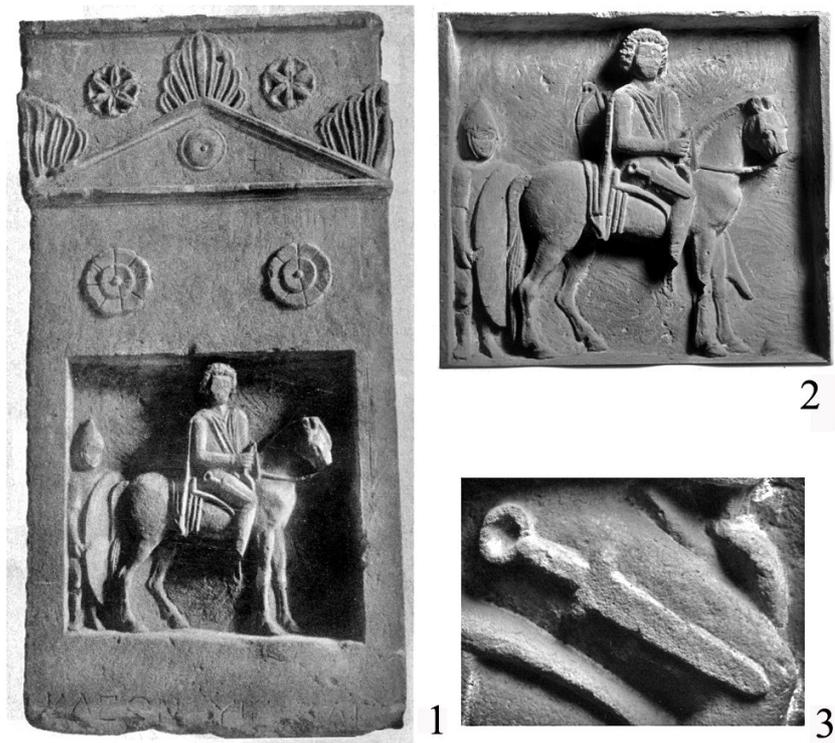
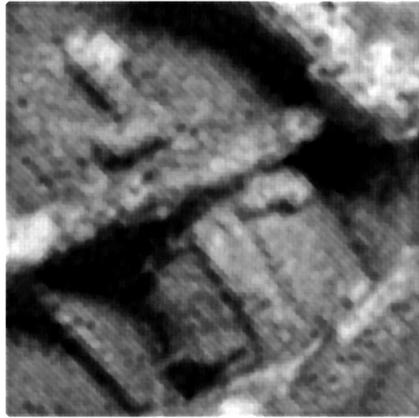

Рис. 5. Стела Клеона, сына Клеона. Гос. Эрмитаж, инв. П.1829.8. Фото Гос. Эрмитажа

1

2

Рис. 6. Стела Артемидора, сына Диоги. Британский музей, инв. GR.1856.7–10.23. Фото по: КБН – Альбом

2. У всадника, изображенного на стеле Дафна, сына Психариона, управляющего царским двором.
Место находки неизвестно, найдена до 1848 г.
ГЭ, инв. ПАН. 151.
Дата: конец I в. н.э. (Kieseritzky, Watzinger); по характеру письма – I в. н.э., едва ли позднее середины (КБН).
Литература: Kieseritzky, Watzinger. 1909. S. 111. №. 627. Taf. XLII; КБН. 78 (с библиографией); Кат. Ленинград 1990. С. 58. № 48.
Рис. 3.
3. У всадника, изображенного на стеле Атты, сына Трифона, члена синода.
Найдена в 1929 г. в Керчи при рытье канавы на Феодосийском шоссе.
Керчь, КИКЗ. Лапидарий.
Дата: по характеру письма – первая половина II в. н.э. (КБН).
Литература: КБН. 83 (с библиографией).
Рис. 4.
4. У всадника, изображенного в нижнем регистре надробной стелы. Стела с посвящением Стратонику, сыну Зенона, поставленная его вольноотпущенником, Сосием.
Найдена в Керчи, на Строгановской улице в 1913 г.
Керчь, КИКЗ. Лапидарий, инв. КЛ–141.
Дата: по характеру письма датирована концом I – первой половиной II в.н.э. (КБН).
Литература: КБН. 145 (с библиографией).
5. У всадника, изображенного на стеле Клеона, сына Клеона.
Найдена в 1829 г. «на склоне возвышенности, по дороге к древнему пантикапейскому акрополю».
ГЭ, инв. П.1829.8.
Дата: I в.н.э. (Kieseritzky, Watzinger); по характеру письма первая половина I в. н.э. (КБН); по характеру декора первая половина I в. н.э. (Кат. Ленинград 1990); первая половина I в. н.э. (Горончаровский).
Литература: Kieseritzky, Watzinger. 1909. S. 104–105. №. 599. Taf. XLI; КБН 278 (с библиографией); Кат. Ленинград 1990. С. 56–57. № 46; Горончаровский. 2003. С. 63. Рис. 18.
Рис. 5.
6. У всадника, изображенного на стеле Хариксена, сына Апфуса.
Куплена в Керчи в 1892 г. и найдена, по словам продавца, в районе татарского кладбища.
Керчь, КИКЗ. Лапидарий, инв. КЛ–338.
Дата: по характеру письма I в. н.э. (КБН).
Литература: Kieseritzky, Watzinger. 1909. S. 103. №. 591. Taf. XL; КБН. 537 (с библиографией).
7. У всадника, изображенного на стеле Харитона, сына Мокка.

Место и время находки неизвестно.

ГЭ, инв. ПАН.140.

Дата: I в. н.э. (Kieseritzky, Watzinger); по характеру письма вторая половина I в. н.э. (КБН); по оформлению стелы и детальной проработке элементов – вторая половина I в. н.э. (Кат. Ленинград 1990).

Литература: Kieseritzky, Watzinger. 1909. S. 105. №. 600. Taf. XLI; КБН. 539 (с библиографией); Кат. Ленинград 1990. С. 57–58. № 47.

8. У всадника, изображенного на стеле Артемидора, сына Диоги, заведующего пинакидой.

Найдена в районе Керчи в 1850 г.

Британский музей, инв. GR.1856.7–10.23.

Дата: по характеру письма – вторая половина I – первая половина II в. н.э. (КБН. 584).

Литература: Kieseritzky, Watzinger. 1909. S. 106. №. 606. Taf. 40; КБН. 584 (с библиографией).

Рис. 6.

9. У пешего воина, изображенного с овальным щитом на стеле Филота, сына Гедилиска.

Найдена в Керчи на Глинище и куплена в Керчи в 1910 г.

Керчь, КИКЗ. Лапидарий, инв. КЛ–311.

Дата: по характеру письма – первая половина II в. н.э. (КБН).

Литература: КБН 712 (с библиографией).

10. У всадника на стеле из Керчи (?)

В 1852 г. находилась в Колоннаде Керченского Музея.

Британский Музей, инв. 661.

Дата: по стилю – I в. н.э. (Kieseritzky, Watzinger).

Литература: Kieseritzky, Watzinger. 1909. S. 109. №. 619. Taf. XLIII (с библиографией).

Литература

Е. И. Беспалый. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1.

В. А. Горончаровский. Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб., М., 2003.

И. И. Гущина, И. П. Засецкая. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. – (Труды ГИМ. Вып. 70).

В. В. Дворниченко, Г. А. Федоров-Давыдов. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.

Кат. Ленинград 1990 – Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Гос. Эрмитаж. Каталог выставки. Л., 1990.

Кат. Москва 1987 – Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987.

- Кат. Москва 2005 – Т. А. Габуев Аланский всадник. Сокровища князей I – XII веков. Каталог выставки. М., 2005.
- Кат. Ст. Петербург 2008 – Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб., Азов, 2008.
- В. Д. Кубарев.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- В. Д. Кубарев.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- В. Д. Кубарев.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- В. Д. Кубарев.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
- И. И. Марченко.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Р. С. Минасян.* Кинжал из кургана «Дачи» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2006. Вып. 21.
- В. И. Мордвинцева.* Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
- В. И. Мордвинцева, М. Ю. Трейстер.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н.э. – 2 в.н.э. Симферополь, Бонн, 2007.
- А. В. Симоненко, Б. И. Лобай.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. К., 1991.
- Н. И. Сокольский.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 34.
- А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- E. M. Alekseeva.* Gorgippia. Geschichte einer griechischen Polis an der Stelle der heutigen Stadt Anapa // Das Bosporianische Reich. Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike. Mainz, 2002.
- B. Brentjes.* Waffen der Steppenvölker. – I. Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v. Chr. bis in die alttürkische Zeit // AMI. 1993. Bd. 26.
- B. Brentjes.* Arms of the Sakas. Varanasi, 1996.
- Cat. Daoulas 1995 – Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995. Abbaye de Daoulas, 1995.
- Cat. New York 2000 – The Golden Deer of Eurasia. New York, 2000.
- Cat. Paris 2001 – L'or des Amazones. Paris, 2001.
- Cat. Tokyo 1991 – The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo, 1991.
- Cat. Zürich 1993 – Aus den Schatzkammern Eurasiens. Zürich, 1993.
- J. H. Young.* Skulpturen aus Arsameia am Nymphaion // *F. Doerner, T. Goell.* Arsameia am Nymphaion. Die Ausgrabungen im Hierothesion des Mithridates Kallinikos von 1953–1956 (Istanbuler Forschungen. Bd. 23). Berlin, 1963.
- G. Kieseritzky, C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
- C. Miks.* Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Leidorf, 2007. – (Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen. Bd. 8).
- D. Richter.* Das römische Heer auf der Trajanssäule. Propaganda und Realität. Waffen und Ausrüstung. Marsch, Arbeit und Kampf Mannheim und Möhnese, 2004. – (Mentor, Studien zu Metallarbeiten und Toreutik der Antike, Bd. 3).
- V. I. Sarianidi.* Baktrisches Gold. Leningrad, 1985.
- H. Seyrig.* 20. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. T. 18.
- A. V. Simonenko.* Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und der späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. 2001. Bd. 7.
- I. P. Stephenson, K. R. Dixon.* Roman Cavalry Equipment. Stroud, 2003.

- K. Tanabe.* Sculptures of Palmyra. Tokyo, 1986. V. 1. – (Memoirs of the Ancient Orient Museum. V. 1).
- K. Tanabe, A. Hori, S. Miyashita, M. Haga.* Sculptures of Commagene Kingdom. Tokyo, 1998. (Memoirs of the Ancient Orient Museum. V. 2).
- M. Treister.* The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 excavations) // ACSS. 2003. Vol. 9.

О. В. Шаров

**О сходстве и различии конских парадных уборов
из погребения с Золотой маской 1837г.
и погребения в Аджимушкае 1841 г.**

Флориан Антонович Жиль пишет следующее: «Сходство, как этих сбруй, так и обеих погребальных повязок (ДБК. 1854. Р. III. 3. 4.) есть факт весьма замечательный и указывает на то, что похороненное в этой гробнице лицо (из погр. Аджимушкой, 1841 г. – *О. III.*), принадлежало ко двору царя Рескупорида, мужа Царицы с Золотой маской» (ДБК. 1854. С. 201).

Попробуем в этом разобраться. В 1994 году автор этих строк указал в докладе и статье на путаницу с конскими уборами из двух керченских погребений, открытых А. Б. Ашиком в 1837 (погребение с Золотой маской) и в 1841 (Погребение в Аджимушкае или в Пирамидальном склепе № 1) годах (Sharov. 1994). А. Б. Ашик, на основании сходства диадем и конской сбруи из могилы 1837 года и могилы 1841 года в Аджимушкае, где нашли оттиски монет Рескупорида III (210–226 г.), отнес погребение с Золотой маской к первой половине III в. (Ашик. 1850. С. 147–148). Эти заключения, никем и никогда не проверенные, стали основой ошибочного датирования могилы 1837 года, которое осталось господствующим до наших дней. В последующее время я не раз обращался к этому вопросу и мне казалось, что эту проблему можно считать решенной. Но в какой-то момент, я начал сомневаться в своих выводах, так как, такие видные ученые, как М. И. Ростовцев (Rostovtzeff. 1923. Р. 14–16) и В. Ф. Гайдукевич (Gajdukevich. 1971) описывая эти комплексы, также писали о тождестве или близости конских уборов и датировали их первой половиной III в. н.э. Может быть, и А. Б. Ашик и Флориан Жиль не ошибались, и была вторая узда в погребении 1841 года, идентичная конскому убору из погребения с Золотой маской?

Обратимся еще раз к этому вопросу. Узда из погребения 1841 года очень неполно опубликована А. Б. Ашиком в его объемном труде

«Боспорское царство» (Ашик. 1848. С. 47, 72). Он пишет: «У ног мужчины стояла простая глиняная ваза с узким горлом, несколько разбитых маленьких сосудов и здесь же найдены еще серебряные удила, пряжки, кольца и золотые бляшки конской узды, украшенные сердоликовыми вставками. Всех украшений, принадлежащих узде было 18, в том числе несколько ослиных голов, три пряжки из чистого золота, и маленькая золотая пластина с изображением Ники» (Ашик. 1848. III. С. 72. Рис. 209). Нужно отметить, что у этой узды железные толстые концы грызл убраны в граненые серебряные оковки, которые крепились на серебряных кольчатых удилах. Этот прием до сих пор встречается только на конской узде из комплексов довольно позднего времени, как например, узда из склепов Госпитальной улицы, комплекса 1891 года коллекции Й. Хойновского, комплекса из Унтерзибенбрунна и т.д. На серебряных кольцах удил в этом комплексе висят серебряные подграненные пластины обойм разной длины для крепления ремней поводий. В настоящий момент в хранении Эрмитажа к этому парадному золотому конскому убору (Инв. № П.1841. 27, 28) относятся четыре кольчатых разделителя ремней, на которых по три бляшки, украшенные в центре сердоликами, в центре каждого разделителя ремня имеется еще одна овальная бляшка с сердоликовой вставкой; семь овальных бляшек, также украшенных сердоликами, 13 ослиных голов, две миндалевидных бляхи с семью сердоликами на каждой, шесть наконечников поводий, три бляшки с тамгами и три шарнирные бляхи сбруи с секировидными подвесками. Как можно видеть, деталей конского убора в два раза больше, чем упоминается в сочинениях и отчетах А. Б. Ашика, но дело осложняется тем, что в этом погребении, судя по данным В. В. Шкорпила, присутствовали еще части разных конских уборов, фотографии которых представил из Керченского музея для публикации В. В. Шкорпил в 1910 году (Шкорпил. 1910. Рис. 15). Эти детали состоят из 12 золотых ременных бляшек, аналогичных бляшкам узды погребения с Золотой маской, и 16 серебряных предметов, из которых представлены на рисунке пряжки типа Келлер–А, кольчатые псалии с маленькими овальными пластинами с двумя заклепками, кольцо-крестовина для разделения ремней и пять шарнирных секировидных подвесок. Если В. В. Шкорпил не ошибся, то в одной могиле мы встречаем три разных типа узды:

1) узда без кольцевых разделителей ремней и массивных блях с отверстиями, у которой ремни, украшенные золотыми бляшками, крепились внахлест, как в погребении с Золотой маской;

2) кольчатые серебряные удила с тремя маленькими овальными зажимами для ремней и пряжками типа Келлер–А;

3) удила с гранеными серебряными наконечниками железных грызл и фасетированными пластинами разной длины, как в склепах Госпитальной улицы.

В чем же дело, значит Ашик и Жиль был правы, говоря о сходстве? В ходе работы над этим вопросом выяснились следующие факты:

В 1837 году в саркофаге было найдено два конских удила – два набора узды, включающих вместе 49 бляшек (Спасский. 1840. С. 136–138).

По описи от 19 февраля 1838 года было принято одно удило с 25 бляшками, получившее в Императорском Эрмитаже инв. № 619. Двадцать четыре бляшки были оставлены в Керченском музее. (РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Дело № 9–I. 1838. Л. 3–5)

В 1841 году был открыт склеп № 1 в Аджимушкае (др. названия комплекса: «По дороге к каменоломне» или «Пирамидальный склеп № 1»). В описи древних вещей, найденных в Керчи с 1 января 1841 года сказано следующее: «№ 27. Серебряные удила с остатками узды, украшенной разного рода бляхами, покрытых золотым листом, в середине вставлены большие и малые сердолики. Всего 18 штук» (РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Дело № 9–I. Л. 64^{об}–65). Это описание конского убора соответствует тексту А. Б. Ашика в «Боспорском царстве», где помещен рисунок упряжи (Ашик. 1848–1849. Рис. 209). Но в описи под № 31 упоминается ее одни серебряные удила с остатками узды, всего 16 штук (с припиской – «оставлены в Керченском музее») (РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Дело № 9–I. Л. 64–65).

В 1841 году 31 мая первое удило (под № 27 в описи находок 1841 года) поступило в Эрмитаж и получило инв. № 619а (ныне: П.1841.27).

В «Кратком каталоге древностям Керченского музея по 1 января 1848 г» в шестом отделении: «Вещи золотые и серебряные» под № 70 обозначены знакомые предметы из погребения с Золотой маской: «серебряные удила с остатками кожаных узд, украшенные серебряными позолоченными бляхами, в середине коих вставлен сердолик – всего 22 штуки» и под № 71 неизвестные нам: «24 серебряные пряжки, принадлежащие к уздам» (РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1848. Д. 35. Л. 2, 10, 28^{об}; Тункина. 2002. С. 298). В этих вещах, описанных под № 70 легко узнать части второй конской упряжи, оставленной в Керчи, но уже из 22 бляшек – две не числятся.

В 1851 году части второй конской упряжи из погребения с Золотой маской (9 бляшек), временно хранящиеся в Керченском музее, были отправлены в Императорский Эрмитаж, где они были приняты в хранение и получали инв. № 619в (совр. № Р.51). Соответственно, в Керченском музее должно было храниться еще 13 бляшек из этого погребения.

В 1854 году выходит роскошное издание, подготовленное Флорианом Жилем «Древностей Боспора Киммерийского», где на таблице XXIX, 1–7 показаны части двух разных узд, как из погребения с золотой маской (Р. XXIX–4), так и из погребения 1841 года (Р. XXIX. 1–3, 5–7). Ф. А. Жиль пишет в ДБК следующее: «Бляхи второго оголовка почти точно такие же, как изображенные на этом рисунке, *поэтому не сочтено было нужным срисовывать их*. Сердолики на них несколько больше; вот почти все, чем они отличаются от первых. От кожного ремня, на который они были нанизаны, ничего не сохранилось» (ДБК. 1854. С. 201). Легко убедиться, глядя на таблицу, что это совершенно два разных типа узды, но и А. Б. Ашик, и Ф. А. Жиль считали их идентичными.

В 1860–1861 году выходит книга, подготовленная Ф. А. Жилем «Императорский Эрмитаж», где в описании зала керченских древностей № 10 или зала «Древностей Боспора Киммерийского» в шкафу 12 на второй полке находятся под № 619 «оголовный ремень, удило и остатки конной сбруи, найденные в гробнице с золотой маской и под № 619а «оголовный ремень, удило и остатки конной сбруи, *подобные предыдущему*. А далее автор пишет: «*Почти полное тождество этих деталей* является причиной предполагать, что могила, где обнаружена (в окрестностях Керчи, в Гаджи-Мушкае) конская сбруя № 619а, принадлежала лицу, занимавшему какую-нибудь должность при дворе того царя Рескупорида, супругой которого была королева с Золотой маской» (Gille. 1860. Р. 227; Жиль. 1861. С. 252–253).

В 1910 году Владислав Викентьевич Шкорпил, с 1903 года директор Керченского музея и автор многих ярких открытий, включая раскопки почти всех склепов Госпитальной улицы, пишет письмо к Василию Васильевичу Латышеву: посылаю «оба снимка с вещей, найденных Ашиком в 1841 году, так как они не были до сих пор изданы, несмотря на то, что имеют огромное значение для датировки Золотой маски и вещей, найденных вместе с нею». (РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1910. Дело № 4. Л. 164 – письмо от 31 января 1910 г). Эти фотографии были напечатаны в его работе «Заметка о рельефе с надписью Евпатерия», вышедшей в 1910 году в № 37 «Известий Императорской Археологической Комиссии» (Шкорпил. 1910. Рис. 13–15). Как я уже писал, 12 золотых бляшек, описанных В. В. Шкорпилом являются теми деталями, которые были оставлены в Керчи из погребения с Золотой маской после отправки в Эрмитаж в 1851 году. Шестнадцать серебряных деталей другой узды соответствуют частям второй узды, описанным под № 31 в описи 1841 года (РА ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Дело № 9–I. Л. 64–65). Таким образом, у нас нет никакого сомнения, что золотые полихромные бляхи, опубликованные В. В. Шкорпилом в 1910 году как бляшки из погребения Аджимушкой 1841 года, относятся на самом

деле ко второй узде из погребения с Золотой маской, переданной не полностью из Керчи в Императорский Эрмитаж в 1851 году (ГЭ. № Р.51, ст. № 619в). Вместе с хранящимися в Эрмитаже девятью бляшками этого хранения они составили бы второй конский парадный убор из 21 бляшки, сравнимый по составу с первой уздой из 24 бляшек. Вероятно, эта путаница с бляшками двух разных комплексов, которая случилась между 1841 и 1854 годами, и послужила тем основанием для вывода А. Б. Ашика и Ф. Жилия о том, что конские уборы в них идентичны.

Литература

- А. Б. Ашик.* Боспорское царство, Одесса, 1848–1849.
- А. Б. Ашик.* Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса, 1850.
- Ф. А. Жиль.* Музей Императорского Эрмитажа. Описание различных собраний, составляющих музей с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и образовании музея нового Эрмитажа. СПб., 1861.
- Б. Спасский.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. Москва, 1846.
- И. В. Тункина.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- В. В. Шкорпил.* Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 1910. № 37.
- V. F. Gajdukevič.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- F. Gille.* Musee de l'Ermitage Imperiale: Notice sur la formation de ce Musee et description de diverses collections qu'il renferme avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. SPb., 1860.
- M. Rostovtzeff.* Une trouvaille de l' époque Greco-Sarmate de Kerch // Monumente et Memoriam. Paris, 1923. Tome XXVI.
- O. Šarov.* Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg, 1994.
- O. Šarov.* Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospor // Kontakt-Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. nach Christus. Marburg, 2003.
- O. Sharov, M. Kazanski.* Les Rois au Masque D'Or // *M. Shchukin, M. Kazanski, O. Sharov.* Des Goths aux Huns. 2006. – (BAR. Int. Ser. 1535).

Н. Н. Болгов, М. Л. Рябцева

Имперская политика и дипломатия на позднем Боспоре (середина III–VI в.)

Проблемы позднеримско-византийской политики в Северном Причерноморье в конце III–VI в. в отечественных трудах специально не изучались. Для первых веков н.э. до сих пор непревзойденной осталась монография Г. А. Цветаевой (Цветаева. 1979). В книгах В. М. Зубаря есть небольшие главы, посвященные данному периоду (Зубарь. 1998. С. 142–166). Военный аспект имперского присутствия в регионе в конце III–VI в. рассмотрен также В. М. Зубарем (Зубарь. 2004. С. 181–208). О проблемах вхождения Боспора в состав Византии высказывался Н. И. Храпунов (Храпунов. 2005).

Наше внимание будет уделено комплексу отношений империи к самой северной своей периферии. Будет исследовано изменение имперской политики на протяжении позднеантичного и ранневизантийского времени и выявлены причины этого. В мировой науке накоплен большой опыт исследования общих принципов имперской политики по отношению к периферии. Однако, специально для Северного Причерноморья такого анализа сделано до сих пор не было.

Рим и Северный Понт в конце III–IV в. В первые века н.э. римский мир объединил под своим управлением практически все охваченные античной цивилизацией территории Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Возникшая как береговая, приморская культура (Вебер. 1923. С. 5), античная цивилизация расширяла свои границы не только путем прямых завоеваний, но и на основе постепенного развития хозяйства и включения новых территорий в единую экономическую систему Средиземноморья. Сложилась система «ойкумена – варвары» или «центр – периферия – дальняя периферия» (Shils. 1975).

Государства, существовавшие на периферии античного мира, могут быть охарактеризованы как клиентские («вассальные») по статусу и буферные по геополитическому положению. В эпоху поздней античности пояс периферийных государств сохранялся лишь на восточных рубежах Римской империи, где выполнял роль буфера по отношению к иранскому миру (империи Сасанидов). Здесь буферные государства обладали большей самостоятельностью, чем просто периферийные, были более открыты в культурной и идеологической областях. Можно вести речь о целой полосе буферных государств Востока от Боспора на севере до Аравии на юге (Апсилия, Абасгия, Лазика, Иберия, Армения, сирийские княжества, арабские клиентские государственные образования) (Болгов. 1997. С. 35–48). Несмотря на значительные внутренние

различия, их отношения с империей были в принципе однотипны (Randsborg, 1991).

Во внешней политике Римской империи в принципе все прочие государства и общества рассматривались как чуждые, а в мировоззренческом плане – варварские. Поэтому выделить пласт отношений империи с варварами Северного Понта в принципе несложно. Более труден вопрос об отношениях империи с античными центрами Северного Причерноморья, так как, с одной стороны, это часть общей внешней политики, т.е. имеет общие черты с политикой в отношении варваров. С другой стороны, можно попытаться выделить специфические черты политики в отношении единственного античного региона, оставшегося вне непосредственной политической власти империи. Ментально же и культурно эти земли рассматривались как часть античного мира (Иванов. 1998. С. 5–6).

Заметим также, что в общем восприятии северопонтийского региона жителями империи порой имелись крайние точки зрения, вообще выключавшие Таврику из «ойкумены» (например, *Expositio totius mundi*, в котором есть даже индийские племена, но нет херсонеситов и боспорян).

Во II–III в. римское военное проникновение в Северопонтийский регион было весьма значительным, однако, провинциальное управление здесь не было введено в силу большой удаленности этой территории, труднодоступности сообщения с ней и отсутствия надлежащей инфраструктуры.

На Боспоре после окончания «смуты», связанной с присутствием различных племен и их набегов на территорию империи (ок. 276 г.), очевидно, восстановилась традиционная политическая и военная зависимость Боспора от империи. Боспорские монеты выпускались с изображением на одной стороне портрета боспорского царя, на другой – императора.

Константин Багрянородный сообщает о ряде войн Херсонеса, за спиной которого стояла империя, против Боспора, проводившего антиримскую политику (об империи того времени: Согсоган. 1996). Ряд исследователей принимают эту возможность в той или иной степени (Надэль, Харматта, Юрочкин, а также Зубарь) и относят ее к концу III – первой пол. IV в. Другие полностью отрицают возможность активной политики Рима в регионе, не доверяя источнику (Цукерман, Айбабин). Признавая все недостатки источника, мы все же считаем, что ряд археологических реалий, служащих для ряда специалистов аргументами «за», нуждается в дополнительной интерпретации (Болгов. 2002. С. 9–15). Первая полоса этих войн, если она была, относится к 90-м годам III в.

Важным источником может служить надпись Валерия Аврелия Сога от 603 г. боспорской эры (осень 305 – осень 306 г.) (КБН 64) (Латышев. 1904. С. 127. № 21). Эта надпись относится к ближайшему времени после отречения Диоклетиана и Максимиана, когда августами стали Галерий и Констанций Хлор. Употребление в ней слова «епархия» дало возможность специалистам высказать ряд соображений о политическом статусе Боспора в начале IV в. В частности, было высказано мнение о том, что в это время Рим опять (после Нерона) ввел на Боспоре прямое правление и дал стране статус провинции. В надписи действительно чувствуется сильная зависимость от Рима или, во всяком случае, заметный сервизм. В. В. Латышев отмечает, что Сог особенно гордится тем, что получил какие-то почести от Диоклетиана и Максимиана. Интересно, что Сог носил те же римские *poti*na, какие были у августа Максимиана. Исполнив должность наместника Феодосии, Сог вошел в число высших боспорских царедворцев. Латышев делает вывод об усилении римского влияния на Боспоре, но при этом подчеркивает, что «продолжало существовать Боспорское государство» (там же).

Б. И. Надэль предполагает проведение Римом активной политики в Северном Причерноморье при Диоклетиане и, в связи с этим, допускает некоторое ограничение власти боспорских царей в то время по аналогии с восточной политикой Нерона в 62–68 г. (Надэль. 1961. С. 236). Встает вопрос о причинах полного молчания о боспорском царе в надписи Сога, хотя в надписях подобного типа упоминание формулы с именем царя было обязательным. Так как достоверно известно, что царская власть на Боспоре в то время существовала, то умолчание о ней было вызвано какими-то политическими обстоятельствами, вероятнее всего – борьбой антиримских и проримских сил. Сам факт того, что один из высших боспорских сановников в течение долгого времени, по-видимому, находился на службе у римских императоров, очень показателен (Блаватский. 1985. С. 247). Само собой напрашивается предположение о том, что Сог был одним из вождей боспорских изгнанников – сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, слабо контролировавшейся боспорскими царями. На это, видимо, указывает и Псевдо-Арриан, говоря в V–VI в. о том, что в Феодосии «жили некогда и изгнанники из Боспора». Была ли Феодосия отторгнута от Боспора в конце III в. (Зубарь, Хворостяный. 2000. С. 15) или в 30-е г. IV в., в связи с чем, и каков был ее статус, точного ответа пока нет. Все же было бы правильнее считать Сога боспорским наместником Феодосии или признать эту микрозону в значительной степени автономной (Петрова. 2001. С. 50–51).

Об усилении позиций Рима на Боспоре свидетельствует также надпись КБН. 1051 от 307 г. В ней употребляются римские названия

двух столиц Боспора времен Августа – Кесария и Агриппия. Это кажется весьма удивительным через три столетия после первого упоминания. Вызывает интерес и формулировка, указывающая на существование автономных гражданских общин. Эта надпись также послужила в свое время аргументом в пользу гипотезы о переходе Боспора под прямое римское правление в начале IV в. Надпись имеет подчеркнуто проримский характер. Отсутствует имя боспорского царя. Но, вместе с тем, под надписью вырезан тамгообразный знак (Соломоник. 1959. С. 75, рис. 30). Все это в целом отражает усиление римского влияния на Боспоре в начале IV в. Видимо, при Фофорсе проявились в последний раз старые претензии Боспора на гегемонию во всей Таврике (Крыкин. 1989. С. 60–61), которые восходили ко времени Митридата и оживились после падения царства поздних скифов. Риму так или иначе удалось пресечь эти тенденции.

В IV в. боспорская знать стремилась всячески показать и подчеркнуть свою связь с империей. Это отражено и в монетных типах (Фролова. 1997), и в сохранении клиентского статуса.

В 322 г. на Дунае херсонесские войска помогли Риму отразить каких-то северопричерноморских варваров (Zos. II. 21; Anon. Vales. 5, 21; Const. Porph. De Adm. imp. 53). В. М. Зубарь считает, что в данном столкновении варваров возглавлял бывший боспорский царь, именуемый Зосимом Равсимод (Зубарь. 1991. С. 25; Зубарь. 1994. С. 123; Зубарь. 1998. С. 157; Зубарь, Хворостяный. С. 16). В начале 90-х г. с указанным отождествлением соглашались также А. И. Айбабин и В. А. Сидоренко.

Если это так, то можно было бы видеть в этом царем Радамсада, окончательно отстраненного от власти проримскими кругами Боспора во главе с Рескупоридом VI. Всякие предположения здесь, однако, очень гипотетичны (А. А. Васильев, например, полагал, что сарматы Зосима, напавшие в 322 г. на империю – это готы, причем крымские (Васильев. 1921. С. 289)). О. В. Шаров показал, что речь здесь идет о двух событиях: сарматы в 322 г. прорвались в Паннонию (ср.: Ременников. 1957. С. 380–413), а готы в 323 г. – через Дунай. В обоих случаях боспорского царя, сражавшегося против римлян, не было (Шаров. 2002. С. 210–215). В. В. Лавров указывает, что в источниках речь идет именно о меотийских варварах (Лавров. 2000. С. 331–341).

Действительно, в 322 г. Константин отразил сарматов-язигов в Паннонии, а весной 323 г. на империю напали готы-тервинги во главе с Равсимодом. И этот рейд был разгромлен на варварской территории, а сам Равсимод погиб (СTh. VII. 1, 1). А. Х. М. Джоунз считает Равсимода сарматским вождем (PLRE. I. P. 762), однако, в пользу готского его происхождения выступают Х. Вольфрам и Ф. Пашу (Вольфрам. 2003. С. 92–93; Zosime. 1971. P. 213, № 31).

Показательно, что в связи с этими событиями Константин заключил первый крупный foedus с готами, проживавшими северо-восточнее Дуная. Этот договор обезопасил балканские границы империи вплоть до гуннского нашествия и Адрианополя.

В. М. Зубарь, следуя Константину Багрянородному, осторожно принимает 330-е г. за время еще одной полосы возможных войн Херсонеса и Боспора (Зубарь. 2004. С. 188–190). Аргументы – четыре клада с последними монетами 328–329 г. (два из них – в районе Судака) (Исанчурун, Исанчурун. 1989. С. 90–92), постройка стены на Тамани архитектором Евтихом в 335 г. (КБН. 1112), сокрытие ряда кладов на азиатском Боспоре 336 г. Быть может, на европейском Боспоре в это время появился узурпатор, вступивший в войну с Херсонесом, а Рескупорид VI укрылся на азиатской стороне (Зубарь. 1998. С. 158; Зубарь, Хворостяный. С. 17). Возведение комплекса боспорской крепости на горе Опук В. К. Голенко связывает с последним этапом херсонесско-боспорских войн – ок. 336 г. (Голенко. 1999. С. 47). Со сходных позиций выступил и В. Ю. Юрочкин (Юрочкин. 1999. С. 279–282; Юрочкин. 2002. С. 280–283). Однако, К. Цукерман и А. И. Айбабин в принципе отвергают информацию Константина Багрянородного о войнах Херсонеса с Боспором (а также о походе херсонесцев на Дунай и о баллистариях) (Айбабин. 1999. С. 48). Приведя массу неточностей в тексте Константина, К. Цукерман показал незнание Порфиригенимом исторических реалий IV в. в регионе и подверг критике достоверность всей 53 главы *De administrando Imperio*.

Признавая в целом невысокую источниковедческую оценку труда Порфиригенима применительно к Северному Понту IV в., мы, вместе с тем, полагаем, что предстоит еще большая работа по интерпретации действительно имеющихся кладов и прочих археологических реалий 1-й пол. IV в. на западе и востоке Боспора и выявлению в данном источнике достоверной информации, а ее не может не быть, как справедливо указал В. М. Зубарь (Зубарь. 2000. С. 291–302; Зубарь. 2004. С. 189–200). Связь войн с монетными кладами проводит в регионе и С. Ю. Сапрыкин (Сапрыкин. 2005. С. 185–186, 190).

В 333 г. в ходе династического раздела империи Константин «разделил Римскую империю так, как частный человек мог бы разделить свою наследственную собственность» (Euseb. Vita Const. IV. 51–52). Константин дал своему племяннику Ганнибалиану «ненавистное римлянам имя царя (rex) и титул *Nobilissimus*» (Amm. Marc. XIV.1). В состав владений последнего с центром в Кесарии Каппадокийской вошли Понт, Каппадокия и Малая Армения. На всех монетах «царя Ганнибалиана» река Евфрат обозначает центр этого царства (Гиббон. 1885. С. 268, прим. 1; Абрамзон. 1995). Возможно, Ганнибалиану был предоставлен номинальный престол Армении и Понта с титулом царя царей

(Ферреро. 1923. С. 93), но эти страны еще предстояло завоевать. Наполнить этот титул реальным содержанием не удалось: в 337 г. после смерти Константина в числе других наследников императора в ходе борьбы за власть был убит и «царь Армении и Понта». Для нас в этой истории важен вопрос: был ли Боспор, хотя бы и номинально, включен в состав этого «царства»? В свое время Т. Моммзен связывал прекращение чеканки на Боспоре именно с его аннексией (Моммзен. 1949. С. 268; Моммзен. 2002. С. 509). Не были ли события 335–336 г. (предполагаемая война с Херсонесом) связаны с попыткой аннексии в ходе реализации претензий Ганнибалиана? Незадолго до этого Феодосия могла быть возвращена Боспору в духе установившейся дружбы империи с Боспором. Тогда возможное нападение на Феодосию херсонеситов можно было бы оправдать устремлениями Ганнибалиана.

Очень важным является факт нахождения в Керчи двух серебряных фиал или патер, относящихся к категории вотивных сосудов, а также блюда с изображением Констанция II (Мацулевич. 1926. С. 9). Им посвящена обширная, в том числе и новейшая, литература. Эти чаши были, несомненно, подарены представителям высшей боспорской знати, а может быть и правителям Боспора римской администрацией (Блаватский. 1985. С. 250; Midd. 1989). Сложнее решить вопрос об общем характере взаимоотношений Боспора с Римом в середине 40-х г. Были ли эти дары Констанция II простым актом уважения знатным пантикапейцам за твердую проримскую ориентацию, или положение было сложнее? В. Д. Блаватский предполагает, что при Рескупориде и его преемниках Боспор довольно прочно входил в орбиту римского влияния (там же). Учитывая общее состояние империи при Констанции, с эти можно согласиться.

В середине IV в. Рим, скорее всего, прекратил предоставление субсидий для Боспора. Указание на это содержит известный факт отправки боспорских послов к Юлиану в 362 г. с настоятельной просьбой о помощи (Amm. Marc. XXII. 7, 10): «С севера и пустынных пространств, по которым впадает в море Фазис, ехали посольства боспорян и других, неведомых раньше народов, с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им дозволено было мирно жить в пределах родной им земли, платя ежегодно обычную дань». Анализируя этот отрывок, обычно подчеркивают страх боспорян в условиях начавшегося передвижения гуннов и их стремление заручиться помощью империи. Но при этом обычно забывают, что кроме боспорян к императору ехали послы также и «неведомых народов». И это были, скорее всего, представители каких-то племен гуннского союза, ибо аланы были известны в империи с I в. н.э., а готы – с III в. Таким образом, картина гуннского нашествия предстает далеко не однозначной. Припонтские степи могли стать для этих племен родными уже за полвека до

данных событий. В. П. Яйленко в этой связи полагает, что гунны могли проникнуть к Понту уже во II в. н.э., но империи не были хорошо известны (Яйленко. 2002. С. 317). Также трудно допустить, чтобы Боспор мог в это время, опасаясь нападения, обещать платить регулярную дань Риму, тем более, что ранее Боспор получал субсидии от империи (Блаватский. 1985. С. 251).

Византийская дипломатия V в. Начиная с гуннского нашествия конца IV в. империя, центр которой теперь находился в Константинополе (Глушанин, Фарамян. 2002. С. 11–22; Глушанин. 1998. С. 4–8), испытывала постепенное политическое оформление в качестве Восточно-Римской, больше не имея возможностей для прямого вмешательства, перешла к активной дипломатической политике в регионе Северного Причерноморья, как и в других зонах варварской периферии (Зубарь. 1998. С. 161–166; Obolensky. P. 122–134; Thompson. 1950. P. 56 sq.).

При этом надо помнить о том, что дипломатия как особый способ международных отношений, противоположный войне, еще не сформировалась. Речь идет лишь об отдельных составляющих дипломатии (Нечаева. 2003).

В целом византийское правительство в рамках стратегической политики обороны проводило целый комплекс мероприятий, которые должны были воспрепятствовать проникновению варваров в пределы империи (Ермолова. 2001. С. 51–53).

В системе правовых норм, регулировавших отношения империи с соседями-варварами, возникшей в IV–V в., важное место занимали меры по охране приморской полосы, контролю над судами, законодательство о форме брачных союзов и союзов побратимства, в которых выражались связи пограничных жителей с варварами (Шангин. 1939. С. 89–92). Распоряжения правительства Византии по охране границ подчеркивают особый характер политических порядков на византийских окраинах и служат лучшим комментарием к статьям договоров с варварами (Иванов. 1987; Ahrweiler. 1976; Liebeschuetz. 1991).

Район Боспора также испытал этап византийского влияния на фоне дипломатических усилий в отношении варваров – до 20-х г. VI в. Далее наступает время аннексии и инкорпорации.

Важным инструментом распространения влияния империи была торговля (Болгов. 1997а. С. 127–140; Кадеев, Сорочан. 1989). Широкое развитие торговли в ранней Византии было тесно связано с наличием многочисленных городов, находившихся в цветущем состоянии. Закон 408 (409) г. Гонория и Феодосия запрещал «гибельную для городов торговлю», которой занимались знатные, используя свое положение (СJ 4, 63. 1–3). Широкий размах приобрели заемные операции. Золото и серебро берегли или отдавали на хранение в виде денег или слитков (СJ. 4. 34.12). Морская торговля была одним из видов торговли, дос-

тавлявшим большие прибыли. Некоторые «стратегические» товары, которые могли оказать влияние на политику по отношению к варварам, находились под контролем властей. Так, по закону 370–375 г. не допускалась продажа варварам вина, масла, соленой рыбы (CJ. 4, 63.5). Указ 374 г. запрещал платить варварам за товары золотом. При Маркиане (455–457) в 456 г. полностью запрещается продажа варварам оружия: панцирей, щитов, стрел, мечей, железа вообще (CJ. IV. 41, 2; Procop. BG. VIII. 15, 20), хотя эта торговля ограничивалась еще с начала III в. (Digest. XXXIX. 4, 11; XLVIII. 4, 1–4). Это была ликвидация последнего пробела в законодательстве. Отныне смертной казнью каралась продажа любого оружия и железа любому варвару или представителю варваров (Томпсон. 2003. С. 14–15). Прокопий сто лет спустя отмечает, что этот закон все еще действует. Запрет касался всех варваров, а не только враждебных (CJ. IV. 41, 1; 63.2).

Тем не менее, торговля с варварами в той или иной форме продолжалась в «гражданской» сфере (Домановский. 2004. С. 49; Бардола. 2001. С. 35).

В 420 г. были приняты меры к тому, чтобы запрещенные товары не попали к варварам морским путем: при отплытии любого судна чиновники должны были выяснить, куда и с чем оно направляется (CTh. VII. 16, 3; CJ. XII. 44 (45), 1).

Отношение империи к северопонтийским варварам находилось в определенной связи с употреблением тех или иных терминов в документах и источниках вообще. И дискуссии о континуитете также тесно связаны с терминологией языка византийской культуры. Архаизация – наиболее характерная черта византийской этнонимии. Реальные, современные этнические термины – раритет (Бибиков. 1984. С. 30–31). Отказ от самоназваний современных народностей всегда тенденциозен. В ранней Византии была создана сетка этнических представлений, основанных на авторитете античных свидетельств и составивших систему, элементы которой, этнонимы, непосредственно или в определенных ипостасях наложены на карту современного византийцу мира. Соответственно, на название народа, обитающего в той или иной области, переносится этноним античного племени, обитавшего здесь. Наименования народов в византийских текстах не являются этнонимами в строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик (Бибиков. 1984. С. 33–34).

В эксцерпте «О посольствах» сохранились сведения о крупных дипломатических миссиях к северопонтийским кочевникам. Так, посольство, описанное Олимпиодором, было направлено в 412 г. к гуннам Северо-Западного Причерноморья (вождь Харатон) имперским правительством.

В середине V в. посольства из Константинополя отправлялись и к Аттиле (известный фрагмент Приска).

Во 2-й пол. V в. в северопонтийском регионе византийцы напряженно интриговали между утигурами и кутригурами, подогревая противоречия между ними (Прокопий Кесарийский). Империя поддерживала утигуров против кутригуров. Кроме того, здесь обитали и пришедшие из Предкавказья ок. 463 г. более мелкие гуннские племена – сарагуры, оногуры, уроги, с которыми империя поддерживала отношения, принимала послов (Prisc. IV. 30; 37). Уже в V в. эти племена использовались для давления на Персию.

Постепенно, в 20-е годы VI в., созрели условия для инкорпорации Боспора, что можно считать определенным итогом усилий имперской дипломатии, подготавливавшей эпоху реставрации при Юстиниане.

Северопонтийский регион в конце IV – начале VI в. неизменно находился в центре внимания империи в силу интенсивного передвижения народов, имевшего важное значение для судеб государства. Политика империи здесь осуществлялась на континуитетных началах, не прерывалась даже на короткое время. В целом период V в. был временем стратегического отступления империи, которая, не присутствуя в регионе прямо и непосредственно, тем не менее, активно участвовала во взаимоотношениях племен вокруг античных центров. Безусловно, суть византийской дипломатии в этот период состояла в обеспечении собственной безопасности от варваров Северного Понта как бы «через голову» Боспора. Боспор фактически был предоставлен своей участи, несмотря на то, что в 483 (или 503) г. при царе Дуптуне официально использовалось прежнее династическое имя – Тиберии-Юлии, т.е. четко обозначены проримские симпатии.

Византийское завоевание VI в. Судьбы позднеантичного Боспора нашли свое завершение в VI веке. В начале этого столетия регион вновь попадает в сферу внимания авторов письменных источников, что связано с активизацией здесь политики Византии. «Византийское правительство, опекая свои интересы на дальней окраине Тавриды, ...не могло долее спокойно относиться к владычеству гуннов в степях полуострова» (Васильев. 1927. С. 179).

Экономический подъем империи, начавшийся при Анастасии (491–518), во многом подготовил поворот во внешней политике Византии, связанный с реставрационной политикой Юстиниана. Идея реставрации империи была поддержана византийским духовенством, провозгласившим единство христианской ойкумены. Усиление византийского присутствия и аннексионистскую политику в Крыму и на Кавказе можно отнести к 30-м г. VI в. (Успенский. 1996. С. 307).

При Юстине (518–527) «боспориты отдали себя под власть императора» (Procop. Bello Pers., I.12, 8), что означало признание зависимо-

сти от империи и вхождение в «христианскую ойкумену» (Храпунов. 2005. С. 29-30). Юстин отправил в Боспор патрикия Проба, племянника прежнего императора Анастасия, чтобы склонить утигуров прийти на помощь иверам против персов. Раздираемые внутренними распрями варвары не выполнили просьбу, зато на Боспоре высадился византийский отряд и поставил страну под непосредственный контроль империи (около 523 г.).

Была также развернута активная миссионерская деятельность. Под миссионерством понимается целенаправленная деятельность церкви и отдельных энтузиастов по обращению в христианство зарубежных язычников (Иванов. 2003. С. 10–11). В качестве примера можно назвать миссию епископа Кардоста, посланного в 515 г. к савирам (гунны Предкавказья). Н. В. Пигулевская, однако, относит эту миссию к 537 г. В основе – сообщение Моисея Каганкатваца, армянского историка VII в. Епископ страны Арран прибыл из Албании к гуннам, дабы «утешить римских пленников». Он же перевел несколько книг на гуннский язык (Томпсон. 2003. С. 219–220). М. И. Артамонов указывает, что Кардост был на Боспоре и повлиял на решение Грода принять христианство (Артамонов. 2001. С. 129–131; Пигулевская. 2000. С. 291–292). Хотя источники прямо об этом не сообщают, в этом нет ничего невозможного. С воцарением Юстиниана христианство становится инструментом распространения влияния империи, так как единоверцы – уже не враги.

Видимо, под влиянием миссионеров вождь утигуров Грод (Гордас) решил креститься и для этого поехал в Константинополь. Там над ним и было совершено таинство крещения, причем восприемником гунна был сам император. После этого Грод получил пышный имперский титул патрикия и был отправлен на Боспор «блюсти интересы империи». Рьяно взявшийся за христианизацию сородичей наместник пал жертвой гуннского мятежа по наущению гуннских жрецов. Не пожелавшие принять христианство гунны убили Грода (История Грода. 2002. С. 179–181). В результате византийский отряд был уничтожен, город Боспор был захвачен варварами, многие города Боспора подверглись погромам (Тиритака (Сазанов. 1984. С. 17), Зенонов Херсонес и др., главным образом, на европейской стороне). Этот мятеж привел к временному восстановлению гуннского господства в районе Боспора (Храпунов. 2005. С. 30). Здесь мы наблюдаем редкий случай того, когда крещение вождя не привело к крещению его народа (Томпсон. 2003. С. 218).

Значительность боевых сил, посылаемых к Боспору после того, как гунны, противники Грода, перебили упомянутый гарнизон, обусловлена, может быть, не столько опасностью от гуннов, которые покидают город при первых слухах о приближении имперских сил,

сколькo необходимостью поддержать авторитет недавно приобретенной власти перед самим населением города (Шестаков. 1908. С. 9).

Вскоре после этих событий Юстиниан высадил на Боспоре войска и завоевал его (Theophan. под 534 г.; Malala, 433). Прокопий в речи армянских послов к персидскому шаху перечислил последние успехи Юстиниана: «Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший?» (Bello Pers. II.3, 40). «И стал жить в мире Боспор под управлением римлян», – заключает Иоанн Малала (433). По его же сообщению, в I пол. VI в. гунны, жившие близ Боспора, приняли христианство (481). Логично предположить, что завершение успешной христианизации гуннов произошло после византийского завоевания (Храпунов. 2005. С. 30–34).

Таким образом, был создан единый блок византийских владений в Крыму от Херсона до Боспора. По справедливому замечанию М. В. Бибикова, речь здесь идет не об аннексии, а об инкорпорации территории, по всем позициям исторически принадлежавшей к античной цивилизации, но политически так ею и не инкорпорированной. Это смогла сделать лишь Ранняя Византия.

Присоединение к империи северопонтийских позднеантичных центров привело к более четкой дифференциации в отношении империи к местным грекам и варварам. Так, Юстиниан принимал меры для выяснения, не отправлено ли к варварам из района проливов (Боспор Фракийский) «что-либо из вещей», запрещенных к вывозу с римской территории (Ehros. Tot. Mund. XXII).

Юстиниан развернул широкую строительную программу в регионе (Procop. De aedif., III.7), которая охватила 30–40-е г. Образцовым памятником византийской крепости является Ильичевское городище (Николаева. 1979. С. 378–379).

Но и этот период также не был мирным. Незадолго до 545 г. Фанагория и Кепы были захвачены гуннами и разрушены (Procop. Bello Goth. VIII.5, 28–29). Интересно, что Кепы и Фанагурис ошибочно помещены Прокопием близ Херсона. Видимо, после этих событий Византия сохранила за собой на азиатской стороне лишь остров Киммериду. Трудно сказать, что вызвало рецидив агрессивности утигуров, – возможно, запоздалое понимание того, что Византия пришла сюда «всерьез и надолго». Империя вела в этот период сложные дипломатические отношения как с гуннами, так и с готами-тетракситами (Артамонов. 2001. С. 109–144).

В 575 г. была издана новелла Тиберия об освобождении Боспора и Херсона от морской повинности (Васильев. 1927. С. 183). А уже через год город Боспор и его окрестности были взяты тюркютским отрядом во главе с Турксанфом. Это вторжение принесло значительные разру-

шения, видимо, самые крупные после готских походов III в. (Николаева. 1984. С. 21), но вряд ли их можно назвать катастрофическими. Византия впоследствии еще не раз возвращала себе Боспор (Гумилев. 1993. С. 50), но более важно другое: изменения в материальной культуре и образе жизни обитателей Боспора с конца VI – VII в. стали необратимыми (Макарова. 1965. С. 76). Это – истинный рубеж Средневековья. Сильно варваризованное греческое население, ориентирующееся на Византию, существует здесь, видимо, до XIII в. (Кулаковский. 1898. С. 11–27) и позднее, хотя письменных источников больше нет.

В течение VI в. политика империи на Боспоре претерпела ряд этапов: 1) военное присутствие в отдельной административной единице с объединением военной и фискальной власти в руках командира имперского гарнизона при помощи союзных гуннов; 2) прямая власть империи административном округе двух уровней: трибун – командир гарнизона и глава налогового ведомства; архонт – глава гражданского аппарата; 3) Боспор – часть провинции Херсон, включавшей все южное побережье, во главе с дуксом.

Империя не имела здесь особой программы интеграции данных территорий, а скорее просто приспособлялась к менявшейся ситуации. Пограничное положение Таврики заставляло концентрировать военную, фискальную и гражданскую власть в руках военных командиров. Наряду с этим сохранялись прежние муниципальные органы власти (Храпунов. 2004. С. 382–383).

В конце VI в. Юстин II отказывается платить варварам, что знаменует перелом в отношениях империи с варварами: империя выстояла, а поток Великого переселения народов пошел на спад (Сорочан. 2004. С. 323). По всей видимости, именно политика Византии в Крыму в VI в. способствовала общей стабилизации положения, окончанию перемещений племен (Пиоро. 1990. С. 134–135). В 598 г. заключается мирный договор империи с тюрками – краеугольный камень византийской политики в регионе, на 200 лет определивший ее основные направления (Пиоро. 1990. С. 175).

Политическая власть империи в регионе плавно трансформируется в течение VII в. Византийская аннексия Боспора VI в. является концом позднеантичного этапа истории региона, а концом ранневизантийского этапа можно условно считать конец VI – середину VII в. (как это делает и А. В. Сазанов).

Византийская политика в регионе отличалась двойственностью. Империя всегда пыталась удержать здесь плацдарм для военных операций, торговли и дипломатического обмена. Но вместе с тем она почти всегда предпочитала не рисковать собственными силами, а иметь

барьер из зависимых племен и натравливать наиболее опасных соседей друг на друга (Дагрон. 2000. С. 300; Дюно, Ариньон. 1982. С. 64–73).

Эволюция имперской политики на Боспоре определялась общим ее состоянием, стратегическими и тактическими задачами, которые решала империя в Северном Причерноморье. Главная задача – нейтрализация негативных последствий Великого переселения народов, заставляла империю, несмотря на отдаленные расстояния и отсутствие непосредственной угрозы, уделять внимание судьбам Боспора. Главная задача последних заключалась в том, чтобы быть «разведчиками в море варваров». Изрядно варваризованный Боспор не всегда справлялся с данной задачей (1-я пол. V в.). Важность региона в стратегическом отношении заставила Юстиниана предпринять аннексию Боспора.

Целиком в русле ранневизантийской политики находится также политика создания лимитрофной области федератов в Юго-Западном Крыму близ Херсонеса, что хорошо прослеживается по археологическому контексту (Амброз. 1995. С. 57). Хотя статус этого района продолжает вызывать споры, все же общее направление политики Византии здесь видно вполне четко. Так же византийцы вели себя и в отношении филархов арабов, гуннов, армянских князей (Адонц. 1971) и пр., пока из глубин Аравии в VII в. не выплеснулось море исламских воинов, опрокинувшее политику империи в отношении ее варварской периферии и лишившее ее важнейших провинций.

Литература

- М. Г. Абрамзон.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.
- Н. Г. Адонц.* Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.
- А. И. Айбабин.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- А. К. Амброз.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII в. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995.
- М. И. Артамонов.* История хазар. СПб., 2001.
- К. Ю. Бардола.* Некоторые аспекты таможенной политики Ранней Византии // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків, 2001.
- М. В. Бибииков.* Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- В. Д. Блаватский.* Боспор в позднеантичное время // В. Д. Блаватский. Античная археология и история. М., 1985.
- Н. Н. Болгов.* К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV–VI в.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997.
- Н. Н. Болгов.* Позднеантичная Таврика как контактная зона (торговый аспект) // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997.

- Н. Н. Болгов.* Херсонес, Боспор и Рим в конце III – I трети IV в. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь: ЦАИ Деметра, 2002.
- А. А. Васильев.* Готы в Крыму. Ч. 1. // ИРАИМК. 1921.
- А. А. Васильев.* Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. 1927. V.
- М. Вебер.* Аграрная история древнего мира. М., 1923.
- Х. Вольфрам.* Готы. СПб., 2003.
- Э. Гиббон.* История упадка и разрушения Римской империи. Т. 2. М., 1885.
- Е. П. Глушанин.* Раздел Римской империи 364 г. и начало византийского государства // Византийское государство в IV–XV в. Центр и периферия. Барнаул, 1998.
- Е. П. Глушанин, Е. В. Фарашиян.* Формирование государственного суверенитета Ранней Византии // Европа. Тюмень, 2002. Вып. 2.
- В. К. Голенко.* К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999.
- Л. Н. Гумилев.* Древние тюрки. СПб., 1993.
- Ж. Дагрон.* Двуликий Крым (IV–X в.) // МАИЭТ. Симферополь, 2000. VII.
- А. Н. Домановский.* Государственный контроль за иноземными торговцами в пределах Византийской империи в IV–VI в. // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004.
- Ж.-Ф. Дюно, Ж.-П. Ариньон.* Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Костантина Багрянородного // ВВ. 1982. 43.
- И. Е. Ермолова.* Варвары в кодексах Феодосия и Юстиниана // Античность в современном измерении. Казань, 2001.
- В. М. Зубарь.* Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в. до н.э. – 2-я половина V в.) / Автореф. дисс. ... д. и. н. К., 1991.
- В. М. Зубарь.* Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. К., 1994.
- В. М. Зубарь.* Северный Понт и Римская империя. К., 1998.
- В. М. Зубарь.* По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй пол. III – на рубеже IV–V в. // Stratum+. 2000. № 4.
- В. М. Зубарь.* Таврика и Римская империя. К., 2004.
- В. М. Зубарь, А. И. Хворостяный.* От язычества к христианству. К., 2000.
- С. А. Иванов.* Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
- С. А. Иванов.* Восприятие пределов Империи: от Рима к Византии // Славяне и их соседи. М., 1998. Вып. 8.
- С. А. Иванов.* Византийское миссионерство. М., 2003.
- Р. А. Исанчурич, Е. Р. Исанчурич.* Монетное дело царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. М., 1989. Вып. 15.
- История Грода. 2002 – История Грода Гуннского, боспорского мученика // Православные древности Таврики. К., 2002.
- В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.

- С. М. Крыкин.* Проблема сущности боспорского протектората в античном Северном Причерноморье // Проблемы исследований античных городов. М., 1989.
- Ю. А. Кулаковский.* Епископа Феодора «Аланское послание» // Записки Одесского Общества истории и древностей (ЗООИД). XXI. Одесса, 1898.
- В. В. Лавров.* Восточные германцы в Приазовье в III–IV в. // *Stratum+*. 2000. № 4.
- В. В. Латышев.* Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901–03 г. // ИАК. 1904. 10.
- Т. И. Макарова.* Средневековый Корчев по раскопкам 1963 г. в Керчи // КСИА. 1965. 104.
- Л. А. Мацулевич.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.
- Т. Моммзен.* История Рима. М., 1949. Т. 5.
- Т. Моммзен.* История римских императоров. СПб., 2002.
- Б. И. Надэль.* Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. // *Acta Antiqua*. Budapest, 1961. Т. 9, ч. 1–2.
- Е. Н. Нечаева.* Представления о дипломатии в эпоху поздней античности // Жебелёвские чтения – 5. СПб., 2003.
- Э. Я. Николаева.* Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 2. – (Эйрене XIV).
- Э. Я. Николаева.* Боспор после гуннского нашествия / Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1984.
- Э. Б. Петрова.* Менестрат и Сог // БИ. Симферополь, 2001. Т. I.
- Н. В. Пигулевская.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.
- И. С. Пиоро.* Крымская Готия. К., 1990.
- А. М. Ременников.* К истории сарматских племен на среднем Дунае в IV в. // УЗ КазГПИ. Казань, 1957. Вып. 12.
- А. В. Сазанов.* Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984.
- С. Ю. Сапрыкин.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005.
- Н. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959.
- С. Б. Сорочан.* Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. 2004. Т. V.
- Э. А. Томпсон.* Римляне и варвары. СПб., 2003.
- Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. М., 1996. Т. 1.
- Г. Ферреро.* Гибель античной цивилизации. К.-Лейпциг, 1923.
- Н. А. Фролова.* Монетное дело Боспора. Т. 2. М., 1997.
- Н. И. Храпунов.* Администрация византийского Боспора в VI веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Керчь, 2004.
- М. I. Храпунов.* З приводу часу входження Боспору до складу Візантії // Археологія. 2005. № 1.
- Г. А. Цветаева.* Боспор и Рим. М., 1979.
- М. А. Шангин.* Византийские мероприятия по охране границ // Историк-марксист. Т.3. М., 1939.

- О. В. Шаров.* Рескупорид V и Константин Великий // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. СПб., 2002.
- С. П. Шестаков.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X в. по Р.Х. М., 1908.
- В. Ю. Юрочкин.* Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.
- В. Ю. Юрочкин.* Судакский регион в геополитической истории позднеантичной Таврики // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Киев, Судак, 2002.
- В. П. Яйленко.* Гунно-булгары II–V в. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // ДБ. 2002. 5.
- H. Ahrweiler.* La Frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Byzance: le pays et les territoires. L., 1976.
- S. Corcoran.* The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncement and Government AD 284–324. Oxford, 1996.
- J. H. G. W. Liebeschuetz.* Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxf., 1991.
- M. Midd.* Studies in the Reign of Constantius II. N.-Y., 1989.
- D. Obolensky.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congress International d'Etudes byzantines. Belgrade, 1964. V. 1.
- K. Randsborg.* The first Millenium AD in Europe and the Mediterranean. An archaeological essay. Cambr., 1991.
- E. Shils.* Center and periphery. Chicago, 1975.
- E. A. Thompson.* The Foreign Policy of Theodosius II and Marcian // *Hermathena*. 1950. 76.
- Zosime.* Histoire nouvelle / Ed. F. Paschous. P., 1971. V. I.

Список сокращений

- АО – Археологические открытия.
БИ – Боспорские исследования.
ВВ – Византийский временник.
ВДИ – Вестник древней истории.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДБ – Древности Боспора.
ДБК – Древности Боспора Киммерийского. Санкт-Петербург, 1854.
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии.
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры.
КБН – Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965.
КБН – Альбом – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004.
КИКЗ – Керченский историко-культурный заповедник.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР.
МАИЭТ – Материалы по истории, археологии, этнографии Таврики.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ПАВ – Петербургский археологический вестник.
РА ГЭ – Рукописный архив Государственного Эрмитажа.
РА ИИМК РАН – Рукописный архив Института Истории Материальной Культуры РАН.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
АА – Archäologische Anzeiger.
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.
АМІ – Archäologische Mitteilungen aus Iran.
BAR – British Archaeological Reports.
BSA – The Annual of the British School at Athens.
NC – Numismatic Chronikle.
LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.

СОДЕРЖАНИЕ

		стр.
Предисловие	40 и 10, или феноменология «Боспорского феномена».....	7–8
<i>Д. А. Мачинский</i> (СПб)	Город феаков на острове Схерия («Одиссея») и город Акротирис на острове Каллиста-Фера-Санторини (Спиридон Маринатос).....	9–22
<i>М. Ю. Вахтина</i> (СПб)	Фонтан в Сардах (к 50-летию начала работы экспедиции под руководством Дж. Ханф-манна).....	22–30
<i>Ю. И. Ильина</i> (СПб)	Изображения Сфинкса на хиосских кубках.....	30–36
<i>Д. Е. Чистов</i> (СПб)	К периодизации истории Борисфена второй пол. VI в. до н.э.....	36–40
<i>В. Ю. Зуев</i> (СПб)	Бронзовые зеркала с о. Березань.....	41–52
<i>А. Г. Кузьмищев</i> (Киев)	Скарабей, найденный на о. Березань.....	53–56
<i>А. К. Каспаров</i> (СПб)	Новые результаты исследования фаунистических материалов поселения на острове Березань.....	56–72
<i>В. В. Крапивина,</i> <i>К. Домжалский</i> (Киев, Варшава)	Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики.....	73–81
<i>Ю. А. Виноградов</i> (СПб)	Археологи и власти. Один штрих к вечной проблеме.....	82–87
<i>Е. А. Молев</i> (Н. Новгород)	О характере взаимоотношений полисов Боспора в VI – начале V в. до н.э.....	88–94
<i>А. М. Бутягин</i> (СПб)	Десять лет работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа.....	94–98
<i>А. А. Масленников</i> (Москва)	Сакральная практика сельского населения Европейского Боспора. Традиции и инновации.....	98–105
<i>И. А. Тульпе</i> (СПб)	Некрополь и проблемы реконструкций верований боспорян.....	106–112
<i>С. В. Кашаев</i> (СПб)	Десять лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН.....	113–128
<i>В. А. Хршановский</i> (СПб)	Археологическая экспедиция ГМИР в 1999–2008 г.....	128–138

<i>З. В. Ханутина</i> (СПб)	Терракотовая протома из Илурата.....	139–141
<i>Н. В. Молева</i> (Н. Новгород)	Терракотовая статуэтка сидящей богини из Илурата.....	142–145
<i>М. Ю. Трейстер</i> (Бонн)	Оружие сарматского типа на Боспоре (об одной группе кинжалов, изображенных на пантикапейских надгробиях I–II в. н.э.).....	146–160
<i>О. В. Шаров</i> (СПб)	О сходстве и различии конских парадных уборов из погребения с Золотой маской 1837г. и погребения в Аджи-мушкае 1841 г.....	160–164
<i>Н. Н. Болгов,</i> <i>М. Л. Рябцева</i> (Белгород)	Имперская политика и дипломатия на позднем Боспоре (сер. III–VI в.).....	165–180
Список сокращений.....		181

Институт истории материальной культуры
Российской Академии Наук

**БОСПОР И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ**

**Материалы юбилейного международного круглого стола,
посвящённого 10-летию конференции
«Боспорский Феномен»**

Корректор *Н. Н. Тютюник*
Компьютерная верстка, оформление обложки *В. Ю. Зуев*

Подписано в печать 06.11.08. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.- печ. л. 10
Тираж 300 экз. Заказ № 914.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812) 622-01-23